Argamakova, Serafima

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ,

МЕЧТЫ И РАЗСУЖДЕНІЯ

ПРОВИНЦІАЛКИ.

Серафимы Аргамаковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14-го іюля 1897 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Прошелъ почти годъ со времени публикаціи въ 1895 г. о приготовленіи къ печати моей настоящей работы. Тяжелая болѣзнь, продолжавшаяся болѣе шести мѣсяцевъ, не дала мнѣ возможности приступить къ печатанію. Медленное выздоровленіе и истощеніе организма лишило меня силъ взяться за работу, и я начала уже сомнѣваться въ возможности провѣрить мною написанное и приступить къ изданію. Но силы мои, хотя и медленно, стали возстановляться. Просматривая статьи и книги, я случайно наткнулась на русскій переводъ книжки Герберта Спенсера: «Грядущее рабство», о которомъ ранѣе мнѣ не приходилось встрѣчать отзывовъ въ нашей литературѣ. Содержаніе этой брошюры вызвало во мнѣ рѣшимость немедленно приступить къ изданію работы. Не меньшую храбрость придали мнѣ посмертныя записки С. М. Соловьева и Московскій Сборникъ К. П. Побѣдоносцева.

Всѣ вопросы, затронутые мною въ работѣ, нашли болѣе или менѣе сильное освѣщеніе въ упомянутыхъ мною авторахъ. Меня заботитъ судьба молодого поколѣнія, получающаго воспитаніе сомнительнаго качества и полагающаго всѣ свои надежды на протекцію и службу. Отрывая молодежь отъ своей среды, современное образованіе порождаетъ только недовольство жизнью. Увеличеніе же контингента чиновниковъ и должностныхъ лицъ, по мнѣнію Спенсера, должно въ будущемъ неизбѣжно привести къ упадку дохода съ земель и послужить не только препятствіемъ къ переходу ея изъ рукъ въ руки, но и къ совершенному отказу отъ земли. Не меньшую поддержку того же автора я нахожу и по вопросу о

снисходительномъ отношеніи къ неудачникамъ, бродягамъ и преступникамъ. Чувство симпатіи къ ближнему, возникающее при видѣ его страданій, невольно подавляетъ въ насъ на время даже воспоминанія объ извѣстныхъ намъ проступкахъ и порокахъ лица страдающаго; это чувство, вызывающее у насъ представленіе о бѣднякѣ, исключаетъ всякую мысль о негодяѣ, которая въ другое время, можетъ быть, и возникла бы. Поэтому вполнѣ естественно, что если несчастный намъ мало или совсѣмъ неизвѣстенъ, мы совершенно не обращаемъ вниманія на тѣ недостатки, которые онъ можетъ имѣть. Поэтому же, какъ въ настоящее время часто и случается, разсказы о крайнихъ лишеніяхъ бѣднаго люда вызываютъ въ насъ обыкновенно представленіе о невинныхъ страдальцахъ, терпящихъ незаслуженно, и не допускаютъ мысли о томъ, что несчастія и лишенія составляютъ, можетъ быть, удѣлъ людей порочныхъ, какъ на самомъ дѣлѣ это бываетъ весьма и весьма нерѣдко. (Спенсеръ ibid.). Если мы поглубже вникнемъ въ этотъ вопросъ, то найдемъ, что большинство людей страдаетъ отъ лѣни и малой работы надъ собою и отъ необдумыванія своихъ поступковъ, чѣмъ не мало отравляютъ жизнь и окружающихъ ихъ людей, а потому весьма часто можно видѣть, что въ одномъ и томъ же обществѣ, какъ и въ деревнѣ, при одинаковыхъ условіяхъ одни живутъ трудясь, не воруя и не пьянствуя, другіе, наоборотъ, тунеядствуютъ, грабятъ, а мы оправдываемъ ихъ, убѣжденные, что они пьютъ съ горя и воруютъ съ голодухи; между тѣмъ всѣ жалуются, что хорошаго работника и вообще человѣка нельзя найти ни за какія деньги, а воровъ, мошенниковъ и всякаго рода тунеядцевъ приходится исправлять и содержать на общественный счетъ. При наблюденіи сценъ не только изъ деревенской жизни, но и городской, бросается въ глаза то равнодушіе, съ которымъ мы относимся къ своимъ дѣламъ, а нерѣдко и злорадство, проявляющееся по отношенію сосѣда, котораго постигло горе или неудача. Мы съ удовольствіемъ бросимъ рубль, другой съ благотворительной цѣлью, лишь бы только насъ не безпокоили и не требовали отъ насъ благотворительной заботливости. Такая апатія къ своимъ и

общественнымъ интересамъ есть продуктъ излишней правительственной опеки, невоспитанія, и первобытности строя нашего общества, поглощающаго всецѣло личность на подобіе общинъ, напоминающихъ первобытную эпоху цивилизаціи и даже варварства. «Есть чувства, охраненіе которыхъ должно составлять заботу современнаго общества, — это свобода совѣсти и чести, выражающаяся въ томъ, что у меня моя собственная религія, мои собственныя убѣжденія, нравы, привычки, мое собственное воззрѣніе на жизнь и на міръ. Совѣсть, по словамъ Тэна, указываетъ человѣку обязанности, отъ которыхъ ничто не можетъ его освободить; честь побуждаетъ его заявлять свои требованія на права, которыхъ никто не можетъ у него отнять». (Тэнъ, Соціализмъ, какъ государство, стр. 24—35). Очевидно, что никакая община, а тѣмъ болѣе крестьянская, не въ состояніи удовлетворить этихъ насущныхъ требованій современной личности, а потому и насильственное удержаніе такого строя во что бы то ни стало не имѣетъ за себя оправданія. Правда, наши наивно-симпатичные народники думаютъ предохранить этимъ крестьянство отъ развитія капитализма и кулачества, составляющихъ главную причину общественнаго гнета, который на Руси хорошему человѣку упокоя не даетъ. Этотъ гнетъ становится особенно ощутителенъ подъ вліяніемъ лицъ, позорящихъ своимъ поведеніемъ интеллигенцію и встрѣчающихся во всѣхъ классахъ общества, лицъ, характеристика которыхъ, между прочимъ, помѣщена въ посмертныхъ запискахъ С. М. Соловьева, описывающаго нѣкоторыхъ университетскихъ дѣятелей знаменитой эпохи общественныхъ реформъ. Изъ характеристикъ этихъ лицъ легко убѣдиться, что для общественнаго благополучія недостаточно обладанія со стороны общественныхъ дѣятелей знаніемъ и научностью, необходимо еще обладаніе врожденнымъ или пріобрѣтенное черезъ воспитаніе чувствомъ чести и долга. Отсутствіе этихъ чувствъ подрываетъ престижъ новѣйшаго строя нашего общества, недостатки котораго сдѣлались злобою дня и предметомъ ожесточенныхъ нападковъ какъ со стороны консерваторовъ, такъ и либераловъ. Тэнъ и Спенсеръ участвуютъ въ общемъ кон-

*

цертѣ нападковъ съ Леонтьевымъ и Катковымъ. Къ этому концерту начинаетъ также присоединяться современная литература, но пока она ограничивается по преимуществу публикаціею историческихъ воспоминаній и посмертныхъ записокъ.

Мало кто при жизни, находясь въ здравомъ разсудкѣ, рѣшается на подвигъ откровенности. Благоразуміе какъ бы сдерживаетъ человѣка высказывать гласно то, что возмущаетъ душу каждаго, — это слѣды старыхъ порядковъ, оставившихъ намъ въ наслѣдство пословицу, совѣтующую «языкъ держать за зубами».

Думая, что все благополучіе человѣка заключается въ формѣ, а не въ содержаніи, мы рѣшаемся на реформы, не подготовивъ къ тому дѣятелей и при этомъ, по словамъ Спенсера, забываемъ, что природные недостатки гражданъ неминуемо проявляются въ дурномъ дѣйствіи всякой соціальной конструкціи, въ какой бы ихъ ни устроили. Нѣтъ такой алхиміи, посредствомъ которой можно было бы получить золотое поведеніе изъ свинцовыхъ инстинктовъ. (Спенсеръ, Грядущее рабство, стр. 77). По мнѣнію Тэна, грядущее соціальное рабство усматривается также въ превышеніи агентами правительства и выбранными представителями общества той власти, которую въ тѣсномъ кругу своемъ личность предоставляетъ надъ собою десятку извѣстныхъ лицъ, внушающихъ ей довѣріе: моему повѣренному въ дѣлахъ, воспитателю моихъ дѣтей, доктору, слѣдящему за моимъ здоровьемъ, духовнику, руководящему моею совѣстью, душеприказчикамъ, исполняющимъ мою послѣднюю волю, секундантамъ, которые на дуэли рѣшаютъ вопросъ о моей жизни и смерти и охраняютъ мою честь. (Тэнъ, Соціализмъ, какъ государство, стр. 24—25). Въ замѣнѣ этихъ извѣстныхъ мнѣ и добросовѣстныхъ лицъ лицами случайными и мнѣ мало извѣстными, съ рекомендаціями, на основаніи которыхъ немногіе бы рѣшились выбрать себѣ слугу, Тэнъ и видитъ источникъ большей части гнета общественной жизни, избавленіе отъ котораго составляетъ мою мечту, могущую быть отчасти осуществленной свободнымъ общежитіемъ интеллигентовъ, среда которыхъ

может доставить, хотя нашимъ потомкамъ, тотъ десятокъ достойныхъ личностей, которыя вполнѣ оправдываютъ возложенное на нихъ довѣріе частнаго лица.

Изложеніе дѣйствительности, мѣшающей теперь жить хорошему человѣку, и мечты, направленной къ осуществленію подходящихъ условій свободнаго общежитія, и составляетъ содержаніе печатаемаго труда.

ГЛАВА I.

Каждый разъ, когда мнѣ приходилось проводить лѣто въ деревнѣ, вдыхать деревенскій воздухъ, я сожалѣла о несчастныхъ труженикахъ и жертвахъ науки, утратившихъ сознаніе цѣнности свободной и натуральной жизни и мысленно переносилась въ душную столицу, обдумывая при этомъ неблагопріятныя условія, создавшія такую массу жертвъ. Я потому называю ихъ жертвами, что условіями ихъ воспитанія у нихъ отнята возможность правильно развивать свои чувства и мысли. Каждому изъ нихъ, чуть не съ пеленокъ, приходится, благодаря внушенію среды, безъ сопротивленія втягиваться въ школьную рутину, часто для него не представляющую никакого смысла, а тѣхъ, которые пробуютъ сопротивляться, ожидаетъ общее презрѣніе и родительская розга, понимаемая, конечно, въ переносномъ смыслѣ. Не хотятъ понять неестественности условій нашего воспитанія и обученія, а также и того, что ребенокъ не можетъ представить пользы въ будущемъ отъ обученія и, какъ взрослый, утѣшаться этимъ. Не успѣетъ ребенокъ познать его окружающее, какъ его вниманіе обращаютъ назадъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ на факты и событія, о которыхъ никто и никогда не вспоминаетъ въ жизни, и тамъ, гдѣ достаточно было бы ограничиться одними объясненіями, ребенка заставляютъ долбить на полный баллъ. Родители съ какой-то нервной поспѣшностью стараются наполнить дѣтскія головы нужнымъ и ненужнымъ знаніемъ, забывая, что у нормально воспитываемыхъ дѣтей, вмѣстѣ съ возмужалостью, проявляется интересъ къ наукѣ; въ дѣтскомъ же возрастѣ мозгъ истощается очень быстро и никакіе успѣхи

въ школѣ не возвратятъ утраченныхъ умственныхъ способностей. Многія изъ дѣтей, увлеченныя соревнованіемъ, изъ желанія угодить родителямъ и наставникамъ, всецѣло отдаются долбленію, постепенно угасаютъ, напрягая чрезмѣрно свои силы, или остаются на всю жизнь съ надорванными силами, изображая изъ себя ученаго китайца, и только изъ тѣхъ шалуновъ, которые, сохраняя инстиктивно свои силы, урывая отъ занятій время на игры и рѣзвость, остаются нравственными, хотя и учатся посредственно, чтобы только не очень огорчать окружающихъ, въ большинствѣ выходятъ нормальные люди. Я не говорю о способныхъ и здоровыхъ натурахъ, для которыхъ школьныя требованія оказываются посильными; да и то еще неизвѣстно, какъ въ послѣдующей жизни отзовется ихъ умственная скороспѣшность.

Очень жаль, что на этотъ вопросъ обращаютъ мало вниманія большинство родителей и съ какимъ-то непонятнымъ для меня тщеславіемъ хвастаются, что ихъ 16—17-лѣтнія сыновья уже студенты и окончили первыми гимназію, благодаря понуканію и внушенію чуть не съ пяти лѣтъ хорошо учиться и быть первымъ. При настоящей системѣ обученія, не торопясь, курсъ можетъ быть осиленъ способными учениками, не вредя правильному умственному развитію, но чтобы окончить его въ 16—17 лѣтъ, нужно всѣ умственныя силы потратить на заучиваніе. Какъ бы ни былъ способенъ ученикъ, но для того, чтобы проглотить всю эту премудрость въ такіе ранніе годы и въ такой короткій срокъ, торопливо, безъ передышки, необходимо отдаться долбленію, не имѣя времени и не получая навыка для самостоятельнаго мышленія и знакомства съ окружающей его жизнью. Тэнъ также говоритъ: «Во всякой области человѣческихъ знаній накопляется множество фактовъ. Память служитъ ихъ хранилищемъ, но истина ей недоступна; только разумъ можетъ достигнуть истины, потому что онъ истолковываетъ факты и законы». Торопливое же прохожденіе курса упражняетъ только механическую память. Мозгъ ученика привыкаетъ къ безконтрольному воспріятію, и ученикъ не пріобрѣтаетъ способности вдумываться глубоко, а только вырабатывается привычка дѣйствовать какъ

бы по внушенію. Вотъ почему большинство молодежи, повторяя чужія, старыя, всѣмъ надоѣвшія идеи, съ которыми они нянъчатся, какъ съ великими открытіями, неспособны оцѣнить фактовъ и понять законовъ общественной жизни, чѣмъ и объясняется ихъ нетерпимость къ мнѣнію другихъ и неустойчивость ихъ соціальныхъ идей съ годами. Соціализмъ, конечно, такое растяжимое слово, что подъ идею его можно подвести взгляды всякаго мыслящаго человѣка, но я говорю о томъ соціализмѣ, который хочетъ пробить стѣну лбомъ и неспособенъ критически и справедливо относиться къ своимъ и чужимъ идеямъ. Молодежь не желаетъ слушать истины, а критикуя все въ своей житейской дѣятельности поступаетъ по отношенію другихъ эгоистично. Не зная совершенно народа и жизни, нахватавшись знаній и опытности изъ книгъ, читаемыхъ безъ разбора, подвинтивъ себя всякой чувствительной болтовней, они не хотятъ видѣть жизни, какъ она есть, и носятся съ какими-то несбыточными мечтами. Недовольные теперешнимъ строемъ, забываютъ, что онъ обусловливается недостаткомъ хорошихъ исполнителей закона. Вину нужно искать въ запоздаломъ развитіи массы и въ условіяхъ среды, не благопріятствующей развитію. Своими же необдуманными поступками и несбыточными мечтами молодежь тормозитъ прогрессъ націи. Прекрасную почву для такой мечтательности и чувствительности представляютъ натуры съ нервами, разслабленными непосильнымъ ученіемъ и несоотвѣтствующимъ образомъ жизни, натуры, настроенныя литературой, возбуждающей праздную чувствительность и служащей приманкою на гражданскую скорбь, литературой, схожей съ той, нѣсколько уже запоздавшей, которая, по словамъ Бѣлинскаго, имѣла смыслъ въ XVIII-мъ вѣкѣ для смягченія грубыхъ нравовъ чувствительностью и была нужна для приманки тогдашней публики къ литературному чтенію. Въ нашъ же нервный вѣкъ даже Достоевскаго не всѣмъ слѣдуетъ читать, во избѣжаніе развитія болѣзненной чувствительности и нервности, не говоря уже о дѣтской литературѣ, старающейся всѣми средствами разжалобить и безъ того жалостливыя дѣтскія натуры. Бѣлинскій говоритъ: «Чувство и чувствитель-

ность — не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства, но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, притворная есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры» (Соч. Критич. статьи, т. II, стр. 638). Мнѣ кажется, что эта разсѣянная натура и есть тотъ непріученый къ глубокому мышленію типъ, о которомъ я говорю. Невольно чувствуется какая-то ненормальность въ жизни нашей молодежи, что кто-то и что-то передъ ними виноваты, такъ какъ наиболѣе способные, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать большаго въ жизни, не оправдываютъ ожиданія. Истощивъ мозгъ въ дѣтствѣ, ученики менѣе способные оказываются въ жизни болѣе пригодными, и натуры ихъ развиваются. Извѣстно, что не только для дѣтей усиленный умственный трудъ вреденъ, но вредъ его отзывается и на взросломъ. Чему, напримѣръ, приписать болѣзненность и раннюю смертность нашихъ умственныхъ дѣятелей и вообще людей науки, большинство которыхъ не доживаетъ опредѣленнаго срока старости, умирая въ томъ возрастѣ, въ которомъ ихъ умъ и опытность могли бы принести наибольшую пользу?

Не думаю, чтобы мое предположеніе о томъ, что человѣческій мозгъ не можетъ безнаказанно вмѣщать массу ненужнаго матеріала, было бы невѣрно. Я полагаю, что если серьезно возьмутся прослѣдить жизнь переутомленнаго человѣка, то признаютъ необходимымъ, для спасенія здоровья организма, измѣнить условія жизни, облегчить или распредѣлить соотвѣтственно возрасту умственную работу учениковъ. Сочувствіе къ учащейся молодежи у меня зародилось давно, но я многаго прежде не сознавала и сожалѣла болѣе тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ не было средствъ, потому что какъ ни игриво относится молодежъ учащаяся къ своей нищетѣ, но переносить ее должно быть тяжело.

Не понимая трудности ученія, я полагала такъ, какъ думаютъ многіе теперь, что помочь этому горю нельзя. Прошло много лѣтъ, когда я убѣдилась, что помощь въ этомъ дѣлѣ не только возможна, но что и въ современной литературѣ начинаютъ появляться указанія касательно этого вопроса, и

выяснилось главное условіе помощи: совмѣстное участіе въ этомъ дѣлѣ администраціи и интеллигентнаго общества и необходимость реформы школьнаго дѣла съ цѣлью упрощенія преподаванія путемъ отдѣленія матеріала, доступнаго пониманію и нужнаго для развитія, отъ баласта, загромождающаго безполезно память. Пока у насъ не проникнетъ въ общество сознаніе о необходимости оставить рутинную систему обученія и о вредѣ слѣпого подражанія программъ и методамъ нашихъ западныхъ цивилизованныхъ сосѣдей, подражанію, не принимающему во вниманіе ни нашихъ общественныхъ, ни климатическихъ условій, до тѣхъ поръ участь нашей учащейся молодежи будетъ подвергаться всевозможнымъ колебаніямъ. Невольно является желаніе облегчить имъ ее и дать возможность вздохнуть и пользоваться на свободѣ той жизнью, о которомъ многимъ не приходится въ настоящее время даже и мечтать. Подъ вліяніемъ прочитаннаго и пережитаго у меня явилась мысль о системѣ болѣе нормальнаго обученія и воспитанія и объ облегченіи участи молодежи, жаждущей деревенской жизни на свободѣ и просторѣ.

Я мечтала отводить для учебныхъ заведеній загородныя мѣста, ближе къ удѣльнымъ паркамъ и лѣсамъ, для того, чтобы доставить учащейся молодежи возможность пользоваться и ознакамливаться съ природой. Мечта эта уже близка къ осуществленію, въ виду послѣдовавшаго недавно распоряженія правительства о надѣленіи народныхъ школъ землею.

Многіе, родясь въ столицахъ, такъ и умираютъ, не испытавъ наслажденій природою, которая миритъ человѣка съ жизнью.

Помимо, какъ мечтая о колоніяхъ для воспитанія молодежи, я ухватилась за мысль гр. Толстого объ упрощеніи жизни и за идею объ интеллигентныхъ земледѣльцахъ, но я не раздѣляла взглядовъ интеллигентныхъ колонистовъ, которые стѣсняли личность своихъ членовъ во всемъ, даже въ пищѣ, доводя упрощеніе ея до безвкусности и уменьшеніе въ количествѣ до степени голоданія.

Не слѣдуетъ забывать, что рабочему человѣку, кромѣ необходимости поддержанія жизни, ѣда нужна и для силы, а

потому аскетическій образъ жизни непригоденъ для всѣхъ случаевъ, и я думаю, что наши интеллигенты перехватываютъ черезъ край въ стремленія подражать жизни крестьянъ, безъ различія простого крестьянскаго образа жизни отъ жизни дикаря.

Безбрачіе вблизи природы также немыслимо уже потому, что самая природа, особенно весною, располагаетъ къ любви. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить взглядъ г. Соколова, высказанный въ его статьѣ «Аскетическое начало въ нравственности». (Вопросы фил. и псих., кн. 26, стр. 83), въ которой онъ говоритъ, что «всецѣлое превращеніе нашей плотской жизни въ духовную, какъ событіе, не находится въ нашей власти, а потому и не можетъ быть предметомъ нравственной обязанности, правила или предписанія», а слѣдовательно, крайняя постановка такихъ вопросовъ не должна входить въ правило житейской этики. Мы же любимъ крайности, какъ будто увѣренные въ томъ, что, не отклоняясь отъ удовлетворенія естественныхъ потребностей жизни, нельзя быть образцомъ порядочности и служить примѣромъ для другихъ. Интеллигентные развитые земледѣльцы должны хорошо влiять на сосѣдей примѣромъ, и только при такихъ условіяхъ возможно надѣяться на обновленіе нравственности крестьянъ, но трудно предположить, чтобы крайности аскетической жизни стали предметомъ подражанія для крестьянъ, особенно изъ молодыхъ. Идея объ облегченіи участи интеллигентной молодежи и желаніе воспользоваться этими молодыми силами для обновленія деревенской жизни временами казалась мнѣ невыполнимой, временами же я вдохновлялась, и мечты мои доходили до грандіозныхъ размѣровъ.

Оцѣнивая свою любимую мечту при посредствѣ житейскаго опыта, я получала выводы, иногда обѣщавшіе мнѣ успѣхъ, временами же мнѣ все казалось иллюзіей. На основаніи описанія деревенской жизни швейцарцевъ и другихъ народовъ, мы хотя и сознаемъ, что въ Россіи, за исключеніемъ юга, такой комфортъ немыслимъ, и сомнѣваемся въ возможности устроить для нашихъ земледѣльцевъ даже что-либо подходящее, но въ то же время не вѣрится, чтобы во

всемъ наша деревня всегда представляла контрастъ, начиная съ прекрасныхъ домовъ и кончая пищей. Не вѣрится это еще и потому, что, припоминая видѣнную мною жизнь нѣмецкихъ колонистовъ, я не могу сравнивать ее съ жизнью крестьянъ; правда, я утверждаю это по воспоминаніямъ о жизни петербургскихъ колоній.

Рамбовская колонія, напр., занимаетъ узкую полосу морского берега высокой и крутой части, по дорогѣ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, передъ которою разстилается низменная песчаная полоса, незамѣтно сливающаяся съ поверхностью моря. Жилища колонистовъ отличаются хорошими постройками, огородами и садами. Колонисты одѣваются прилично, ѣдятъ хорошо, а работаютъ энергичнѣе крестьянъ; другія колоніи оставляютъ такое же пріятное впечатлѣніе. Наблюденія мои надъ жизнью латышей, литвиновъ и мѣстныхъ раскольниковъ подтверждаютъ также, что жизнь самыхъ бѣдныхъ изъ нихъ нельзя сравнить съ жизнью захудалыхъ крестьянъ; это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать неблагопріятнымъ экономическимъ условіямъ и низкому уровню умственнаго развитія простого народа, проводящаго жизнь либо въ усиленномъ трудѣ, либо въ праздности, сопровождаемой пьянствомъ и разгуломъ.

Во многихъ мѣстностяхъ наше крестьянство замѣтно опустилось, и ему трудно подняться безъ внѣшней помощи. Мѣшаютъ имъ подняться бѣдность, пьянство и эксплуатація кулаковъ какъ русскихъ, такъ и еврейскихъ.

Для ихъ нравственнаго обновленія необходимо предпринять что-либо особенное. Мало одной грамотности, нужно ее сдѣлать источникомъ нравственнаго развитія. При видѣ мѣщанъ и другого городскаго люда, невольно подумаешь: что дала имъ грамотность? Если бы нѣсколько интеллигентныхъ колоній разбросить между деревень и притомъ дать имъ естественный строй, т. е., чтобы они жили не коммунами, а жили отдѣльно, семьями, съ правомъ держать необходимое число работниковъ, однимъ словомъ, организоваться, подобно семьямъ зажиточныхъ крестьянъ, то дѣло бы пошло успѣшно какъ въ отношеніи благосостоянія колоніи, такъ и со стороны нрав-

ственнаго вліянія, которое могли бы оказать колоніи на крестьянъ, въ смыслѣ контроля надъ произволомъ, царствующимъ въ нашихъ деревняхъ.

Наблюдая надъ жизнью арендаторовъ Витебской губ., я находила, что имъ живется вообще хорошо, безпокоятъ ихъ, а нерѣдко и разоряютъ потравы и кражи сосѣднихъ крестьянъ. Если бы эти арендаторы жили, какъ я предполагаю, жизнью интеллигентной колоніи, то подобнаго осложненія они не встрѣтили бы и не чувствовали бы себя такими одинокими.

Непьющіе земледѣльцы живутъ безбѣдно, особенно тѣ, которые не полагаются на рабочихъ, а сами ходятъ за сохой. Я увѣрена, что если бы интеллигентная колонія устроилась, хотя на первое время, по образцу нѣмецкихъ колонистовъ или швейцарскихъ деревень, то жизнь колоніи пошла бы хорошо.

Извѣстный профессоръ, сельскій хозяинъ, Энгельгардтъ, интеллигентнаго рабочаго считаетъ выше неинтеллигентнаго, что подтверждаютъ и наблюденія надъ дикарями, которые отличаются непредусмотрительностью и недостаткомъ воли; я не говорю уже о томъ, что интеллигентный, кромѣ проявленія воли, при достиженіи намѣченной цѣли, т. е. работая сознательно, можетъ прилагать знанія, пріобрѣтенныя изъ книгъ, къ своему дѣлу. Г. Соколовскій подтверждаетъ также это мнѣніе. Описывая Буковскій хуторъ, онъ говоритъ, что въ немъ было десять интеллигентныхъ лицъ. «Когда они работали, любо смотрѣть: работа такая чистая, тщательная; если они пашутъ, то огрѣховъ найдешь немного; если они косятъ, за ними и травинки не найдешь»... Обладая знаніемъ какого-либо ремесла, члены колоніи могутъ заняться, для удешевленія жизни, выдѣлываніемъ кожъ, шитьемъ обуви и платья, обработкой шерсти, наконецъ, кузнечнымъ, столярнымъ и токарнымъ дѣломъ. Этимъ не только удешевилась бы жизнь, но многіе сырые продукты получили бы сбытъ и сократили бы расходы на покупку одежды и бѣлья, обходящагося дорого, вслѣдствіе непрочности матеріала. Въ этой надеждѣ можетъ утвердить насъ жизнь латышей, изготовляющихъ одежду и бѣлье изъ собственныхъ матеріаловъ, между тѣмъ какъ наши

крестьяне, соблазняясь кажущеюся дешевизною ситцевъ и другихъ матерій, перестали изготовлять домашнія издѣлія. Однако извѣстно, что покупное держится только до первой стирки, а домашнему издѣлію и сносу нѣтъ. Мнѣ приходилось встрѣчать въ провинціи помѣщиковъ, носящихъ одежду изъ матеріала мѣстнаго производства; красиво сшитое пальто изъ домашняго сукна коричневаго цвѣта и женскія платья изъ шерстяныхъ матерій и мѣстныхъ серпянокъ. Вотъ тутъ-то и пожалѣешь, что не хватаетъ у нашихъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ храбрости пренебречь глупымъ обычаемъ рядиться и жить не по средствамъ, однимъ словомъ, не «хворать на панство», по мѣстному выраженію, т. е. болѣзнью, составляющею одну изъ не послѣднихъ причинъ разоренія средняго класса. Съ устройствомъ интеллигентныхъ колоній, средній классъ, обѣднѣвшіе помѣщики и духовенство не только упростили бы свою жизнь, но и не стали бы стыдиться физическаго труда, сдѣлавшагося основою общественной организаціи и потому переставшаго быть унизительнымъ, что мы и видимъ уже осуществленнымъ въ американскомъ обществѣ, и жизнь ихъ получила бы большій интересъ. Трудъ облагораживаетъ человѣка и услаждаетъ жизнь, но какъ бы высоко ни смотрѣли мы на трудъ, однообразіе и чрезмѣрность его надоѣдаетъ и становится вреднымъ для здоровья и развитія. Поэтому мнѣ кажется, что, благодаря однообразію деревенской работы, нѣтъ полезнѣе и интереснѣе труда земледѣльца, но это справедливо только при условіи посильности и извѣстной обезпеченности со стороны вознагражденія и покоя. Помимо сказаннаго, земледѣльческій трудъ оказываетъ вліяніе и на нравственный складъ жизни. Этотъ же самый народъ превратился бы въ дикарей, если бы отнять отъ него земледѣліе, такъ какъ земледѣліе и есть настоящая колыбель цивилизаціи. Грамотный, религіозный и трудолюбивый крестьянинъ выдается изъ простого народа своимъ благородствомъ; чѣмъ дальше у насъ деревня отъ города, тѣмъ народъ нравственнѣй, потому что наши города представляютъ не центры цивилизаціи, а вертепы разврата; стоитъ крестьянина лишить земледѣльческаго труда, какъ черезъ короткое

время онъ дѣлается неузнаваемымъ. Доказательствомъ облагораживающаго влiянiя земледѣльческаго труда служитъ поражающая разность между крестьянами, ищущими заработка на сторонѣ, и тѣми, которые остаются въ семьяхъ, а также между сибирскими поселенцами, сѣвшими на землю, и тѣми, которые занялись другими профессiями. Поколѣнiе преступниковъ, благодаря земледѣлiю и близости природы, перерождается въ хорошее, трудолюбивое и трезвое населенiе; ремесленники же, горожане и ихъ потомство далеко не внушаютъ къ себѣ симпатiи. Эти выходцы и разнаго рода бродяги удерживаютъ сибирскую интеллигенцiю отъ землевладѣнiя. Кто не знаетъ условiй сибирской жизни, тотъ не пойметъ невозможности существованiя одиночныхъ поселенiй въ Сибири, тамъ возможна только жизнь въ колонiяхъ. Какъ полезно было бы устроить интеллигентныя по заранѣе составленному плану земледѣльческiя колонiи, которыя могли бы служить станцiями для переселенцевъ, направляющихся въ Сибирь, и центрами цивилизацiи Сибири. Какое противорѣчiе, скажутъ мнѣ, опрощенiе и цивилизацiя! Со времени Руссо мы не можемъ примириться съ цивилизацiею и приписываемъ ей все зло существующаго порядка вещей. Наши интеллигентные колонисты держатся того же мнѣнiя о вредѣ цивилизацiи, но отъ такого огульнаго нападка на цивилизацiю отказался, кстати сказать, и самъ Руссо еще при своей жизни; ненормальности же въ средѣ цивилизованнаго общества поддерживаютъ идею Руссо до нашихъ дней. Измѣните эти условiя и нападки на цивилизацiю прекратятся.

Въ настоящее время съ достаточною опредѣленностью доказана истина, что всѣ животныя чувства и дѣйствiя человѣка подавляются религiей и воспитанiемъ, вообще цивилизацiей. Идеи воспитанiя намъ и по сiе время неясны и идутъ въ разрѣзъ съ нашимъ образомъ жизни.

Этотъ образъ жизни долженъ оказывать воспитательное влiянiе на народъ, такъ какъ онъ можетъ развиваться главнымъ образомъ подъ влiянiемъ примѣрной жизни окружающихъ лицъ, служащихъ для него идеаломъ, стремленiе къ которому обусловитъ самовоспитанiе народа.

До сихъ поръ у насъ всѣ мало-мальски грамотные и способные бѣгутъ изъ деревни ища карьеры и, въ погонѣ за нею, нерѣдко, вслѣдствіе недостатка средствъ, попадаютъ въ невыносимыя условія столичной жизни, вызывающія неудовольствіе и ропотъ на свою судьбу. Взамѣнъ этихъ тяжелыхъ условій столичной жизни лица, не нашедшія себѣ дѣла въ ней, получатъ душевный покой въ трудовой, облагораживающей душу жизни и предоставятъ своему потомству хорошія условія для воспитанія, а для себя удовлетвореніе въ сознаніи принятаго на себя благого дѣла.

Люди, чувствующіе крѣпость своихъ нервовъ, силу и энергію, должны оставаться въ столицахъ, служа всей націи. Многимъ цивилизованнымъ лицамъ, не обладающимъ свѣтскостью, гораздо болѣе будетъ подходить жизнь въ колоніи, гдѣ щепетильность и самолюбіе ихъ не будетъ задѣваемо такъ часто. Такъ же точно жизнь въ проектируемыхъ мною колоніяхъ будетъ болѣе по душѣ идеальнымъ, добрымъ и кроткимъ личностямъ, не способнымъ къ противленію злу.

Моя мечта, кажется мнѣ, будетъ имѣть будущность уже по массѣ вопросовъ, охватываемыхъ ею, что я и постараюсь теперь выяснить.

Интеллигенція хлопочетъ объ опрощеніи, упуская изъ виду, что народъ будетъ смотрѣть на это, какъ на подражаніе тому, отъ чего онъ хочетъ избавиться. Чтобы народъ могъ усвоить идею опрощенія, его нужно развить и укрѣпить въ немъ чувство уваженія къ труду не изреченіями, помѣщаемыми въ прописяхъ, и не подражаніемъ во всемъ ему, а примѣрною трудовою жизнью цивилизованнаго класса. Итакъ, съ одной стороны, надо народъ путемъ образованія и хорошимъ примѣромъ поднять до высоты цивилизованнаго общества, а нашу интеллигенцію воспитать въ принципахъ трудовой жизни; въ воспитаніи же нашемъ физическій трудъ игнорируется и, вмѣсто воспитанія, мы начинаемъ набивать голову ребенка всевозможными знаніями, необходимыми для полученія аттестата зрѣлости, безъ котораго въ настоящее время молодой человѣкъ выбрасывается за бортъ интеллигентнаго

общества, и для достиженія котораго молодую жизнь мы ставимъ въ тѣсныя рамки школьнаго долбленія.

Позабывается при этомъ, что учиться можно всю жизнь, а воспитаніе необходимо давать въ извѣстные годы, когда складывается привычка, замѣняемая впослѣдствіи принципомъ, котораго, однако, лишена наша современная школа.

Возвратите семьямъ и особенно деревнѣ ихъ интеллигентныхъ членовъ, и жизнь пойдетъ совершенно другимъ порядкомъ. Этотъ возвратъ можетъ осуществиться при посредствѣ обширныхъ интеллигентныхъ колоній, которыя дадутъ возможность молодому человѣку, не имѣющему ученаго диплома, просуществовать, не выдѣляясь изъ своего общественнаго круга, а родителямъ явится возможность воспитывать своихъ дѣтей, не стѣсняясь предѣльнымъ возрастомъ, обусловливающимъ возможность пріобрѣтенія аттестата зрѣлости, такъ какъ не всѣ дѣти способны къ раннему развитію; дѣти же съ позднимъ развитіемъ лишены у насъ возможности оканчивать курсъ — и только лица, высокопоставленныя и вполнѣ независимыя въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи, могутъ обставить образованіе дѣтей, пользуясь для этого наиболѣе совершенными методами и системами. При наличности интеллигентныхъ силъ, въ подобной колоніи найдутся учителя различныхъ предметовъ, такъ что обученіе дѣтей сдѣлается возможнымъ съ удержаніемъ ихъ при семьяхъ до болѣе зрѣлаго возраста, 14—15 лѣтъ, въ которомъ они уже не такъ легко поддаются вліянію худыхъ товарищей, имѣя болѣе твердыя нравственныя убѣжденія. Одновременно съ этимъ и самыя колоніи оказывали бы благотворное вліяніе на воспитаніе, такъ какъ среда интеллигентныхъ рабочихъ предоставила бы полнѣйшую гарантію отъ грязи и цинизма темнаго народа, возраствивъ здоровое, нравственное и правильно мыслящее поколѣніе.

Не мало вліянія интеллигентныя колоніи окажутъ на судьбу женскаго вопроса. У насъ до настоящаго времени женщины потому мало цѣнятся, что женитьба сопряжена съ большими расходами. Съ полученіемъ же возможности удешевить и упростить жизнь, браки въ средѣ молодежи сдѣлаются доступнѣе,

и изъ массы молодыхъ отзывчивыхъ и интеллигентныхъ дѣвушекъ многія рѣшатся идти рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ. Вотъ такія-то любящія женщины будутъ имѣть цѣну, и на чувства ихъ къ мужу можно будетъ вполнѣ положиться и въ такой семьѣ женщина можетъ сравняться въ своихъ правахъ съ мужчиной. При настоящихъ же условіяхъ онѣ должны стыдиться своего желанія семейной жизни и своего незнанія, куда приложить энергію и силу и чѣмъ наполнить пустоту жизни.

При облегченіи условій доступности брака несомнѣнно уменьшится число болѣзненно самолюбивыхъ, обиженныхъ, лишенныхъ имени, несчастныхъ личностей.

Многіе могутъ усумниться въ способности интеллигентовъ одолѣть земледѣльческій трудъ, а, слѣдовательно, и въ осуществимости моей мечты. Сомнѣнія эти, по моему мнѣнію, излишни. Если бы земледѣльческій трудъ былъ такъ недоступенъ силѣ интеллигента, то, конечно, онъ не былъ бы доступенъ и большинству крестьянъ, а между тѣмъ нерѣдко можно видѣть, что, за отсутствіемъ въ деревнѣ взрослыхъ рабочихъ, ушедшихъ на заработки, работу ихъ справляютъ подростки, а во многихъ мѣстахъ внутреннихъ и сѣверныхъ губерній однѣ женщины. Наконецъ, если бы въ дѣйствительности крестьянская работа была такъ трудна, какъ о ней думаютъ, то не насчитывалось бы въ Россіи только въ 9 губерніяхъ до 360 тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ, образовавшихъ до 1200 самостоятельныхъ колоній; во владѣніи и пользованіи ихъ находится болѣе 2½ милліоновъ десятинъ земли, обрабатываемыхъ большею частью собственными руками. Жажда простоты и естественности и стремленіе быть ближе къ природѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ жизнь цивилизованнаго человѣка все болѣе и болѣе усложняется, становясь напряженною, искусственною. Городская жизнь не даетъ простора для души, которая его жаждетъ и потому рвется въ ширь и даль изъ тѣсной, узкой рамки, гдѣ шумъ и суета не даютъ жить и мыслить глубоко. Хотя большинство нашей молодежи и рвется на землю, надѣясь найти на лонѣ природы осуществленіе своихъ идеаловъ и отдыха, но при настоящихъ условіяхъ эта надежда

трудно осуществима, что я и постараюсь доказать, изложивъ мои впечатлѣнія для лицъ, не имѣющихъ понятія о деревенской и провинціальной жизни.

ГЛАВА II.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, благодаря модной идеѣ народолюбія, я, начитавшись описаній крестьянской жизни, проникласъ любовью и жалостью къ народу и считала его, хотя и приниженнымъ, но равнымъ по уму и чувствамъ. Любовь моя къ народу доходила до смѣшного. Не зная совершенно народа, я винила въ его несчастіи и убожествѣ всѣхъ, кромѣ его самого, и уважала тѣхъ, кто бралъ сторону даже очевидно виновнаго крестьянина. Благодаря повѣстямъ и разсказамъ Рѣшетникова и вообще современной ему литературѣ, я не могла слышать безъ слезъ «Дубинушки» и другихъ бурлацкихъ пѣсенъ и любила при всякомъ удобномъ случаѣ побесѣдовать съ простымъ человѣкомъ, сообщить ему что-нибудь новое. Любимою моею мечтою было служить народу, но для серьезнаго осуществленія своей идеи я рѣшила подготовить себя къ избранной дѣятельности, т. е. пріобрѣсти необходимыя для народа знанія... Судьба же иначе распорядилась мною: я встрѣтила человѣка, котораго полюбила. Спустя годъ послѣ моего замужества, я поѣхала съ семьею въ Орловскую губернію къ дядѣ моего мужа. Я уже раньше слышала о немъ, какъ о человѣкѣ съ умомъ и характеромъ, и объ удивительномъ его хладнокровіи и сдержанности съ крестьянами.

Деревенская обстановка и жизнь привели меня въ восторгъ, а любезный пріемъ дяди поддержалъ пріятное расположеніе духа. Онъ также не скрывалъ хорошаго впечатлѣнія, произведеннаго мною на него, и мы на первыхъ же порахъ сошлись, какъ близкіе родные. Наши хорошія отношенія продолжались однако недолго; я сама разрушила ихъ. Не имѣя

никакого понятія о томъ, какъ, ведя хозяйство, нужно поставить себя съ крестьянами, я поразилась дядинымъ равнодушіемъ и безучастіемъ къ крестьянскимъ нуждамъ. Дядя имѣлъ привычку принимать отчеты управляющихъ по вечерамъ въ столовой, гдѣ обыкновенно сидѣли мы и куда къ нему приходили крестьяне за расчетомъ и выраженіемъ своихъ просьбъ.

Тутъ мнѣ пришлось ознакомиться впервые со способомъ крестьянъ выпрашивать деньги. Всѣ увѣренія объ ихъ несчастьи я принимала за истину. Они съ убитымъ видомъ просили денегъ, придумывая для того какой-либо подходящій предлогъ или несчастіе: увѣряли, что жена умираетъ, ѣсть нечего, ребенокъ боленъ, а послѣднюю корову тащатъ со двора. Не знаю, насколько правдивы были ихъ увѣренія, но мнѣ пришлось убѣдиться впослѣдствіи, какъ однообразны и выдуманны ихъ несчастья. Но въ то время ихъ просьбы и жалобы были для меня такъ убѣдительны, а въ голосѣ ихъ мнѣ слышался такой протестъ противу равнодушія дяди, что мнѣ казалось неудовлетвореніе ихъ просьбъ непростительной жестокостью. Хотя дядя и объяснилъ мнѣ обычную манеру выманивать деньги разными способами и, послѣ забора денегъ впередъ, уходить отъ него въ самую рабочую пору и возвращаться въ ненужное для него время, но объясненія эти однако меня не успокаивали. Все видѣнное, вмѣстѣ съ прочитаннымъ ранѣе, производило на меня такое дѣйствіе, что я тутъ же безтактно вмѣшивалась въ дѣла дяди и, забывая разницу лѣтъ, выговаривала ему, упрекала его въ безсердечіи и, убѣгая вслѣдъ за уходящимъ въ переднюю, совала несчастному нѣсколько рублей. Позабывая, что деньги эти намъ были подарены дядею, я поступала, какъ поступаетъ большинство молодыхъ людей, безъ разсужденія, подъ внушеніемъ чувства жалости. Мнѣ казалось, что если бы я была на дядиномъ мѣстѣ, то сумѣла бы всѣхъ осчастливить.

Крестьяне, видя сочувствіе въ ихъ нуждахъ, стали меня эксплуатировать, выпрашивать деньги, которыхъ у меня было не такъ много, чтобы раздавать безъ разбора, и старались меня еще болѣе разжалобить, ссылаясь на свою горькую

участь: подати нужно платить, земли мало, да и та не родитъ, заработки плохи; а служащіе у дяди жаловались на пищу. Разжалобленная, желая имъ чѣмъ либо помочь, я выпрашивала для нихъ въ имѣніи все, что только можно, отдавала имъ послѣднія деньги, лѣчила людей и ихъ скотъ и покупала имъ лѣкарства. Лѣченіе мое, несмотря на малое знаніе, почерпнутое большею частью изъ книгъ да разговоровъ со стариками, шло очень удачно. И вотъ тутъ я убѣдилась, какъ много можетъ сдѣлать для народа интеллигентъ своими совѣтами и познаніями, и какъ народъ нуждается въ совѣтахъ, даже въ такихъ, которые пріобрѣтены отъ опытныхъ крестьянъ другихъ мѣстностей. Конечно, служба народу, благодаря его неразвитію и дикости, не легка и нерѣдко оплачивается очень дорого. Припоминаю одинъ ужаснѣйшій примѣръ подобнаго рода. Живя въ провинціи, я познакомилась съ однимъ молодымъ сельскимъ врачемъ. Онъ былъ въ своемъ родѣ энтузіастъ-народникъ и поклонникъ опрощенія. Сначала онъ служилъ въ полку, затѣмъ, оставивъ полковую службу, перешелъ въ земство, поселился въ деревнѣ и жилъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отдавшись всею душою служенію народу. Крестьяне тоже любили его. Бывая у меня, онъ съ большимъ интересомъ раскaзывалъ мнѣ о своихъ удачахъ и вообще о случаяхъ, когда удавалось ему помочь своимъ паціентамъ. Въ холерное время онъ серьезно занялся изученіемъ холернаго вопроса. Вдругъ распространился слухъ о его внезапной смерти. Его нашли въ квартирѣ мертвымъ и рѣшили, что докторъ отравился или угорѣлъ. Незадолго передъ этимъ событіемъ онъ былъ у насъ, и я его нашла въ совершенно добромъ и хорошемъ настроеніи. Конечно, внезапная смерть молодого врача вызвала много предположеній.

Спустя много времени, какъ-то везъ меня за городъ молодой парень; дорогою мы разговорились о холерѣ, и въ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ, почему холеры у насъ нѣтъ. При этомъ онъ таинственно разсказалъ, что у нихъ жилъ докторъ, котораго они любили и считали за добраго. Между тѣмъ, когда доктора не было дома, полюбопытствовали посмотрѣть, что онъ писалъ, и къ ужасу своему прочли

о томъ, сколько нужно холернаго яда, для того чтобы человѣкъ умеръ отъ холеры. Перепуганные и возмущенные читатели-крестьяне подговорили мужика, который долженъ былъ ѣхать на станцію за докторомъ, завести его въ глухое мѣсто, гдѣ его избили до полусмерти; затѣмъ его привезли въ квартиру и потомъ нашли мертвымъ на постели. Когда разсказывавшій замѣтилъ мое волненіе и разспросы, то пересталъ отвѣчать, и я не могла отъ него добиться больше ни одного слова. Передавая слышанное другимъ докторамъ, которые могли сообщить болѣе точныя свѣдѣнія объ ихъ коллегѣ, я получила утѣшительные отвѣты и увѣреніе, что все это вздоръ. Зная же доктора хорошо, я убѣждена, что если его и не убили, то онъ могъ самъ отравиться, разочаровавшись такъ сильно въ любимомъ имъ народѣ и въ своей дѣятельности. Во взглядѣ на докторовъ евреи отличаются отъ русскихъ: первые считаютъ, что появленіе доктора въ домѣ сопутствуется двумя ангелами, а нашъ народъ считаетъ доктора чуть не за колдуна, знающагося съ чортомъ. Эта дикость народа и объясняетъ недовѣріе его къ интеллигентамъ и апатичность большинства служащихъ интеллигентовъ къ участи народа. Давая совѣты и лѣкарства, я постоянно наталкивалась на подобную дикость и суевѣріе, сильно распространенное не только между крестьянами, но и въ средѣ духовенства и многихъ помѣщиковъ. Въ бытность мою у дяди пришла ко мнѣ старуха изъ двора, прося помочь ея внуку и объяснивъ, что онъ плохо спитъ, груди не беретъ и все кричитъ. Осмотрѣвъ ребенка, я дала ему слабительное и положила согрѣвающій компрессъ на животъ. На другой день, проходя мимо избы, я увидала много бабъ, которыя сообщили, что ребенокъ уже кончается. Удивленная, я зашла въ избу и нашла ребенка на полу, согласно мѣстному обычаю класть умирающаго на полъ. Поднявъ ребенка съ подушкой, на которой онъ лежалъ, я стала его распеленывать, сняла компрессъ, который позабыли снять, и въ раздумья простояла нѣсколько минутъ передъ нимъ. Онъ, дѣйствительно, казался умирающимъ, и какъ я его ни ворочала, не открывалъ глазъ и вяло перевертывался. Думая, что ребенокъ серьезнѣе боленъ,

чѣмъ я предполагала, я вышла изъ избы, увѣренная въ смертномъ исходѣ болѣзни. Черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ опять со старухой, на вопросъ мой, умеръ ли ребенокъ, она упрекнула меня, что я ее морочу, сама же заговоривъ ребенка отъ смерти, такъ какъ, послѣ моего шептанія и ухода изъ избы, онъ ожилъ, взялъ грудь и сталъ улыбаться. Все необъяснимое для нихъ имъ кажется сверхъестественнымъ. Ребенокъ долго отъ боли въ желудкѣ не спалъ. Когда боль унялась, онъ крѣпко и надолго заснулъ, что и принято было на смерть. Между тѣмъ старуха и ея товарки были въ полной увѣренности, что я заговорила ребенка отъ смерти, и стали на меня смотрѣть враждебно. По ихъ взгляду, я пошла противъ воли Божіей; да къ тому же деревенскія старухи не особенно печалятся о смерти дѣтей, такъ какъ увѣрены, что ангельскія души за нихъ молятся на томъ свѣтѣ. Ребенокъ лежалъ подъ образами, Богъ бралъ ребенка, а я заговорила его отъ смерти. Одновременно съ этимъ мнѣ случайно пришлось спасти истекавшую отъ крови женщину, а также облегчить страдавшую зубною болью дѣвушку. Дворня стала меня избѣгать, говоря, что я могу по чьей-нибудь просьбѣ сдѣлать кому нибудь худо.

Послѣ удачнаго лѣченія зубовъ ко мнѣ стали обращаться съ просьбой заговорить грыжу и другія неизлѣчимыя болѣзни. Мой отказъ они принимали за нежеланіе имъ помочь и оставались мною недовольны. Самая обычная матеріальная помощь кому-нибудь вызывала въ другихъ чуть не призрѣнье. Привыкши издавна смотрѣть на господъ, какъ на нѣчто для нихъ недоступное, дворня не могла понять моего гуманнаго и простого обращенія: одни заподозрѣвали во мнѣ не барское происхожденіе, и это въ глазахъ ихъ роняло меня, другіе осуждали меня и переставали уважать за то, что я не умѣла держать себя такъ, какъ настоящая барыня, и я замѣчала впослѣдствіи, что лица, относившіяся къ прислугѣ не такъ гуманно, пользовались всегда большимъ уваженіемъ, чѣмъ я. Несмотря на все стараніе мое обращаться съ ними по человѣчески, я не могла заслужить ихъ любви и не помню, чтобы кто-нибудь изъ нихъ оцѣнилъ мои человѣческія отношенія къ

нимъ. Молодая и неопытная, я всею душою старалась пріобрѣсти къ себѣ расположеніе крестьянъ, и какъ больно отзывались на мнѣ ихъ неблагодарность и насмѣшки! Вотъ первое мое разочарованіе. Но я не падала духомъ, оправдывала ихъ поступки темнотой и обвиняла другихъ. Каждый разъ при спорѣ съ дядей я брала сторону крестьянъ и даже обвиняла дядю въ томъ, что его обкрадываютъ, говоря, что онъ потворствуетъ ихъ порочности, допуская плутни. Дядя увѣрялъ, опираясь на свой долгій опытъ, что взысканіями ничего не подѣлаешь, а въ сношеніяхъ съ ними необходима твердость и рѣшительность. Вообще имъ нужно показать разъ на всегда, что никакія ихъ просьбы не могутъ измѣнить разъ принятаго рѣшенія. Въ то время я не соглашалась съ мнѣніемъ дяди, находила его обращеніе съ крестьянами жестокимъ, но впослѣдствіи опытъ убѣдилъ меня въ правотѣ дядиныхъ словъ. Во время моихъ переѣздовъ съ мужемъ въ различныя мѣста служенія, я постоянно наблюдала мѣстныя условія жизни народа, сближаясь съ нимъ и интересовалась всѣмъ, что его касается. Но, чѣмъ болѣе я знакомилась съ народомъ, тѣмъ болѣе я убѣждалась, что съ нимъ, какъ и съ дѣтьми, слѣдуетъ обращаться строго и справедливо. Когда я съ мужемъ проѣзжала по Сибири вплоть до Байкала, то я не замѣтила большой разницы между нашими и сибирскими земледѣльцами. Прежде всего слѣдуетъ указать, что, за отсутствіемъ крѣпостного права, въ сибирякѣ незамѣтно той забитости и приниженности, которая составляютъ такую характерную черту русскаго крестьянина, особенно западныхъ губерній.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ я переѣхала въ Витебскую губ. Въ то время я успѣла уже ознакомиться съ бытомъ крестьянъ Петербургской, Московской, Орловской и Тульской губерній и съ губерніями Западной и Восточной Сибири, какъ я уже упоминала, не считая аборигеновъ, нигдѣ не видала народа бѣднѣе витебскаго крестьянина. Правда, вслѣдствіе обилія лѣса жилища ихъ приглянѣе жилищъ центральныхъ губерній, но жизнь витебчанъ ужасна. Отхожіе промыслы, бурлачество по Западной Двинѣ, оживляемой весною массой идущихъ плотовъ, барокъ и судовъ, вліяютъ на нравствен-

ность этого народа, проводящаго жизнь въ пьянствѣ, развратѣ, въ бродяжничествѣ и кражѣ. Кромѣ этихъ причинъ, бѣдственное состояніе крестьянъ этой губерніи обусловливается не мало обычаемъ далеко отвозить въ пастухи 6—7 лѣтнихъ дѣтей, получая 3 или 5 руб. въ годъ. Помимо возбуждающаго вліянія картинъ изъ непосредственнаго наблюденія природы, развращающихъ ихъ, эти несчастные пастухи и пастушки не снабжаются даже необходимой одеждой на время ранней весны и поздней осени. Они постоянно мокры и голодны, и только развѣ лѣнивый ихъ не бьетъ, не говоря уже о пастухахъ, заколачивающихъ ихъ до полусмерти. Въ городахъ существуютъ общества покровительства животныхъ, а до этихъ несчастныхъ нѣтъ никому дѣла, даже родители не хотятъ ничего знать, забравъ впередъ годовую плату. Я постоянно воевала съ хозяевами этихъ несчастныхъ дѣтей, но что я могла сдѣлать одна? Вѣдь нельзя же мѣстной полиціи поручить надзоръ, хоть за тѣмъ, чтобы хозяева кормили и одѣвали пастушковъ. Ей не мало дѣла съ законными преступленіями, а между тѣмъ оставить этихъ дѣтей на произволъ хозяевъ тоже немыслимо. Вглядываясь въ эти некрасивыя условія крестьянской жизни, находишь подорванными основы жизни самой крестьянской семьи, большинство членовъ которой лишены отцовъ, уходящихъ на сторону искать работу, и также дѣтей подростковъ, проводящихъ свое отрочество въ ужасныхъ условіяхъ, малолѣтнихъ батраковъ, не успѣвшихъ даже научиться молиться и не могущихъ различить добра отъ зла, такъ рано они свыкаются съ тѣмъ и другимъ. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать, чтобы наша литература освѣщала этотъ вопросъ съ указанной точки зрѣнія. Возвращаюсь къ описанію быта витебскаго крестьянина.

Тутъ чувствуется отсутствіе земства и интеллигентнаго помѣщика, принимающаго близко къ сердцу горести народа, благодаря массѣ польскихъ пановъ, равнодушныхъ къ участи нашихъ крестьянъ, и небогатыхъ помѣщиковъ, могущихъ едва прокормиться и думающихъ только о своихъ личныхъ интересахъ. Я не нашла среди крестьянъ Витебской губерніи той религіозности, которою отличается русскій народъ, и эти,

обиженные судьбою люди лишены единственнаго утѣшенія, твердой вѣры, что бросается въ глаза вслѣдствіе религіозности другихъ народовъ этой губерніи: поляковъ, латышей, евреевъ. Уваженіе католиковъ къ своимъ ксендзамъ передалось и православнымъ; желаніе насладиться музыкой, послушать органъ тянетъ крестьянъ въ костелъ на богослуженіе, котораго они не понимаютъ. Многія православныя женщины, выйдя замужъ за католика, воспитываютъ дѣтей въ католическомъ духѣ. Живя лѣто въ имѣніи К—но, отъ котораго недалеко находится большой каменный храмъ, а верстахъ въ четырехъ не менѣе величественный костелъ, и идя однажды съ дѣтьми къ обѣднѣ, я была поражена множествомъ народа, шедшаго въ костелъ. У своихъ спутницъ, идущихъ со мною въ церковь, я спросила о причинѣ такого множества народа, и въ отвѣтъ мнѣ сказали, что въ деревняхъ есть не мало старыхъ бабъ, которыя говорятъ, что скорѣе будутъ молиться въ хлѣву, чѣмъ пойдутъ въ православную церковь; тутъ же передавали о томъ дурномъ вліяніи на подрастающее поколѣніе, которое оказываютъ убѣжденія этихъ бабъ, такъ какъ многіе парни, не желая итти въ костелъ, не заходили также и въ храмъ, а проводили это время въ корчмѣ, стоявшей противъ церкви. Проходя мимо корчмы, я услышала плясовую музыку мѣстнаго скрипача и плясъ въ набитой народомъ корчмѣ. Увѣренная въ окончаніи службы, я повернула назадъ, но встрѣчаемый мною народъ убѣждалъ меня, что служба только началась. Вернувшись въ церковь, я дѣйствительно застала службу только что начатую, но народу почти не было, и только къ концу службы нѣкоторые заглянули изъ корчмы въ церковь.

Когда мнѣ пришлось въ первый разъ увидать вблизи витебскихъ крестьянъ, прозванныхъ еще покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ мякинниками, сплавлявшими по Двинѣ раннею весною еврейскіе плоты, я боялась подойти къ нимъ, думая, что они перенесли тифъ или другую эпидемическую болѣзнь. Такими показались они мнѣ тощими, блѣдными, истомленными. Они пригодны были бы изображать мертвецовъ съ того свѣта. Я со страхомъ начала съ ними

разговоръ. Оказалось, что они съ ранней весны не видятъ хлѣба и ежегодно терпятъ такую нужду, которая съ трудомъ поддается описанію. Большею частью къ веснѣ они питаются толченымъ ячменемъ, а многіе не видятъ и этого, прокармливаясь корнемъ болотнаго растенія бобовника, который употребляется ими толченый, въ видѣ муки. Мнѣ приходилось отвѣдывать ихъ новый хлѣбъ тотчасъ послѣ молотьбы. Зерно для хлѣба не отвѣивается и перемалывается съ пескомъ и мякиною, а потому хлѣбъ черенъ, какъ земля, и называется половымъ. Этотъ хлѣбъ считается лучшимъ, а къ другимъ сортамъ прибавляется ячменная мука, картофель и, наконецъ, простая мякина. Мнѣ тяжело вспомнить, что лучшаго крестьянскаго хлѣба не ѣли охотничьи собаки моего мужа. Между тѣмъ въ этой мѣстности полнаго неурожая не знаютъ, средній урожай можно считать самъ шесть, семь, и однако, благодаря безхарактерности крестьянъ, они поддаются искушенію евреевъ и продаютъ весь свой хлѣбъ малыми количествами въ началѣ года. Евреи большею частью занимаются скупкою льна, ржи и при этомъ не брезгаютъ и малыми количествами хлѣба. Рыская по подворьямъ, покупая у кого пудъ, у кого полпуда, они свозятъ все это въ однѣ руки. Благодаря такой организаціи, наши русскіе купцы и нѣмцы, занимающіеся торговлею льномъ, жалуются на худыя дѣла въ Ригѣ вслѣдствіе еврейской конкурренціи, страшной потому, что евреи скупаютъ все по низкой цѣнѣ, пользуясь задолженностью и безденежьемъ крестьянъ въ осеннее время, когда они наѣзжаютъ въ деревни для расплаты по долгамъ, забираютъ хлѣбъ по 30 или 40 коп. и въ концѣ концовъ малыми частями за безцѣнокъ крестьяне продаютъ значительную часть урожая. На базарахъ же, благодаря разнымъ продѣлкамъ евреевъ, привозимые крестьянами продукты и скотъ тоже продается за безцѣнокъ.

Но такіе порядки господствуютъ не въ одной Витебской губерніи.

Вотъ характерный отзывъ въ томъ же родѣ одного корреспондента изъ Кременчугскаго уѣзда, приводимый въ «Народно-хозяйственныхъ наброскахъ» г. Карышевымъ («Русское Богатство» 1897 г. № 3, стр. 39). Факторы, комисіонеры,

какъ разъяренныя акулы, бросаются на свои жертвы и всячески стараются купить у нихъ дешевле хлѣбъ, нежели онъ стоитъ на рынкѣ. Я не буду говорить про Кременчугъ, куда привозится для продажи массы зерна, а про села и деревни, куда являются крокодилы. Они тамъ внѣ закона и дѣлаютъ все, что имъ угодно. Разумѣется, лица, премущественно крестьяне, ведущія съ ними торгъ и сильно нуждающіяся въ деньгахъ, очень легко поддаются на ихъ обманъ и продаютъ хлѣбъ дешевле. Бѣдствіе крестьянина увеличивается съ другой стороны и тѣмъ, что, взамѣнъ всего дешево уступленнаго, онъ покупаетъ у евреевъ всякую дрянь, гниль, и, наконецъ, не малую причину бѣдствій составляетъ вино и даже спиртъ, тайно развозимые евреями скупщиками по деревнямъ. Крестьянамъ очень трудно бороться съ соблазномъ скупщиковъ, потому что вино составляетъ чуть-ли не единственное наслажденіе въ жизни крестьянъ, да и вообще расположеніе къ пьянству у нихъ врождено. Въ «Русск. Вѣстн.» за 1896 г. въ воспоминаніяхъ С. М. Соловьева объ освобожденіи крестьянъ указывается на удешевленіе водки, сопутствующее освобожденію крестьянъ, какъ на причину начала ужаснаго пьянства. Онъ описываетъ все зло, причиненное удешевленіемъ вина для крестьянъ, получившихъ свободу. Пьянство распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ, хозяйство крестьянина получило страшный ущербъ, такъ какъ пьянство неразлучно съ праздностью. Пьяный отецъ не могъ запретить пить сыновьямъ, женѣ, снохѣ и дочерямъ; пили едва вышедшіе изъ дѣтства. Все крестьянское управленіе, хозяйство и судъ подчинялось господствующему стремленію къ пьянству, правда пропивалась міромъ, какъ это дѣлается и теперь; хотя многіе не считаютъ пьянства главною причиною деревенскихъ неурядицъ, но чему же слѣдуетъ приписать чрезмѣрное распространеніе праздности, воровства и конокрадства? Г. Карышевъ въ «Народно-хозяйственныхъ наброскахъ» приводитъ рукопись, въ которой грамотный крестьянинъ, ссылаясь на свой житейскій опытъ и наблюденія, объясняетъ причины крестьянскихъ бѣдствій. Приводимое имъ подтверждается многимъ мною сказаннымъ по тому же вопросу. Хотя онъ не

считаетъ мужика пьяницей, говоря, что трата крестьянина на вино хотя и не болѣе траты соотвѣтственныхъ классовъ другихъ странъ, но оно расшатываетъ хозяйство, потому что въ скудномъ крестьянскомъ хозяйствѣ каждая копейка имѣетъ свое назначеніе, десять копеекъ тѣмъ болѣе, а рублемъ можно заткнуть порядочную нужду. Но если крестьянинъ пропиваетъ послѣдній рубль, то онъ пропьетъ и болѣе, если у него будутъ деньги; когда же денегъ у него не хватитъ, то для удовлетворенія страсти къ вину онъ начнетъ красть у сосѣдей. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступаютъ крестьяне Витебской губерніи, чѣмъ и вызываются враждебныя отношенія между сосѣдями, доходящія иногда до невозможности жизни въ крестьянскомъ быту. Ссоры обостряются еще невѣжественностью крестьянъ, вѣрящихъ въ разные примѣты, повѣрья, обычаи и суевѣрія. Мнѣ извѣстна масса случаевъ отравленія жизни наговорами, потравами другъ другу «по насерди», т. е. на кого золъ. Недавно деревенцы выволокли изъ хаты одного такимъ образомъ оговореннаго мужика и хотѣли прикончить, подозрѣвая въ порчѣ одного чахоточнаго. На него кто-то показалъ по злобѣ, увѣряя, что тотъ самъ хвастался этимъ. Спасла мужика только близость города и боязнь наказаній. Подобные случаи обыкновенно остаются необнаруженными, но и по сіе время они очень часто повторяются, черезъ что вражда сосѣдей, конечно, не уменьшается, а еще болѣе разгорается. Въ той же деревнѣ и приблизительно въ то же время крестьянинъ запрягалъ лошадь, а ссорившійся съ нимъ сосѣдъ былъ на своемъ дворѣ. Лошадь заноровила и всю дорогу изъ города сворачивала въ канаву, вѣроятно, отъ неловкой упряжи. Мужикъ же, пріѣхавъ домой, бросилъ коня на дворѣ, самъ побѣжалъ къ сосѣду, схватилъ его за грудь и началъ бить коломъ; когда же тотъ спрятался въ сѣни, то онъ началъ по окнамъ бить, крича: «попомнишь, чародѣй, какъ коней портить!» И вскорѣ у мнимаго чародѣя украли хомутъ и лошадь. Такія ссоры описаны въ разсказѣ гр. Толстого «Упустишь огонь, не потушишь». По злобѣ также совершаются большія потравы. Я спрашивала крестьянъ, отчего они считаютъ урожай самъ 6—7, когда у нихъ въ колосѣ ржи болѣе 25 зе-

ренъ, въ ячменѣ отъ 40 до 60, а въ овсѣ до 80 зеренъ на одномъ корнѣ. Я получила въ отвѣтъ, что урожай выходитъ малымъ отъ потравъ при началѣ всхода и въ продолженіе всего лѣта. Стѣсняетъ витебскаго мужика также общинное владѣніе. Тяжесть его заключается, во 1-хъ, въ томъ, что онъ никуда не можетъ уйти отъ недруговъ, во 2-хъ, не имѣетъ права распорядиться землею по своему желанію. Напримѣръ, я знаю такихъ хозяевъ изъ общественниковъ, которые находили, что выгодно сѣять ранній картофель для продажи, но другіе не соглашались; если бы онъ одинъ посѣялъ, то свиньи деревенскія взроютъ; я не упоминаю другихъ примѣровъ. Всѣ эти мною описанныя невзгоды гонятъ не только бѣдняка, но и крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ въ чужую сторону на заработки и переселенія; земля здѣсь недорога, но я знаю такихъ, которые продали свой участокъ земли за 200, 300 и 400 руб., значитъ, не одно безземелье гонитъ народъ, переселяться ему содѣйствуютъ также непригдядныя стороны жизни. Замѣчательно, что переселяются болѣе порядочныя личности, но имъ приходится переселяться тайкомъ, такъ какъ временами, благодаря массѣ желающихъ, запрещалось переселеніе, и зачинщиковъ арестовывали. Тяжело было слышать ропотъ тѣхъ, которые уже все распродали въ надеждѣ на отъѣздъ. Они жаловались на тяжелыя условія жизни, да и къ тому же евреи имъ не давали ничего продать по настоящей цѣнѣ. На базарахъ они отгоняютъ разными продѣлками покупателей, благодаря чему скотъ и все другое идетъ въ еврейскія руки почти задаромъ. Жить плохо, переселяться не даютъ, заработковъ нѣтъ, хлѣба не хватаетъ!...

Меня всегда поражала ненормальность условій витебскаго крестьянина, сѣющаго хлѣбъ, котораго однако большинству хватаетъ не на весь годъ и который притомъ самаго низкаго качества, между тѣмъ какъ самая бѣдная еврейская семья, имѣетъ хлѣбъ лучшаго качества на цѣлый годъ, а по субботамъ ѣстъ пшеничную булку и мясо. Объяснить это воздержаніемъ и вообще аккуратностью нельзя, такъ какъ евреи хотя и ѣдятъ мало, но большинство ихъ имѣетъ огромныя семьи, прокормить которыя стоитъ недешево. Бѣднымъ евреямъ

живется гораздо лучше, чѣмъ бѣднымъ крестьянамъ, ихъ не обкрадываютъ, и украденное скоро находится, не бросаютъ безпомощными на произволъ, и такіе милостыни не собираютъ, за нихъ ее собираютъ богатые евреи, которые знаютъ, кто дѣйствительно не можетъ работать. Это древній, но разумный обычай, при которомъ охотно подается милостыня, такъ какъ она не размножаетъ тунеядства. У насъ онъ непримѣнимъ потому, что члены нашего общества мало знаютъ условія жизни бѣднѣйшихъ и не съ такимъ рвеніемъ относятся къ дѣлу благотворительности. Вообще у евреевъ много хорошаго, не считая ихъ крайней нелюбви къ иновѣрцамъ, поощряемой ученіемъ талмуда, оправдывающаго ихъ эксплуатацію иновѣрцевъ. Проживая молодость въ петербургской мѣстности, гдѣ мало евреевъ, не имѣя съ ними дѣлъ и встрѣчая только интеллигентныхъ изъ нихъ, я возмущалась вообще нелюбовью къ нимъ и приписывала гоненіе на евреевъ фанатизму и неразвитію. Я не вѣрила, что одни евреи эксплуатируютъ народъ, и потому для меня представлялось безразличнымъ, кто изъ торговцевъ, безъ которыхъ обойтись нельзя, занимается эксплуатаціею. Но я и понятія не имѣла о многочисленности евреевъ. Ознакомившись съ губерніями, населенными евреями, я убѣдилась, что эта многочисленность и безвыходность ихъ положенія значительною тягостью ложится и на нихъ самихъ и на народъ, вслѣдствіе плохой торговли и ужасной бѣдности, обусловливающихъ упадокъ строгихъ нравовъ. Немыслимо такой массѣ жить правильной торговлей, а прожить, занимаясь трудомъ въ провинціи, при многочисленности ремесленниковъ весьма тяжело. Эта борьба за существованіе у евреевъ ужасная и заглушаетъ всякое чувство любви другъ къ другу, дѣлая сострадательнаго еврея безсердечнымъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось видѣть взаимное озлобленіе при столкновеніи ихъ интересовъ. Были случаи, что изъ-за грошей плевали подолгу другъ другу въ лицо, буквально залѣпляя глаза слюною. Это было что-то ужасное, и только нужда можетъ довести еврея до такого озлобленія противу своего же брата. Борьба за существованіе дѣлаетъ еврея нетерпимымъ и мелочнымъ, преслѣдующимъ только свои

интересы. Несимпатичныя стороны евреи унаслѣдовали отъ предковъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ смѣшенія крови, а потому и достоинства ихъ характерны и однообразны: не пьяницы, миролюбивые, услужливые, заботливые, нравственные, исполнительные, талантливые, они вообще развитѣе темнаго народа, а потому между ними не встрѣчается такихъ ужасныхъ типовъ разбойниковъ и цинизма преступленій, какъ у другихъ народовъ; но зато характерны и ихъ пороки: мстительность, страсть къ покупкѣ краденаго и кражи, совершаемыя организованными шайками, подобранными изъ крестьянъ; подговоры и соблазнъ людей, не думающихъ о кражѣ, пристрастіе къ сутяжничеству и всякаго рода плутнямъ и фальсификаціи товаровъ растлѣвающимъ образомъ дѣйствуютъ на крестьянскую среду, рабочихъ и прислугу. Вотъ почему неизвѣстность будущаго, неимѣніе ничего опредѣленнаго, постоянная боязнь за судьбу дѣтей, тяжесть существованія, гоненія, временами возводимыя на нихъ, презрѣніе къ нимъ общества и сознаніе, что деньги и нажитое богатство составляютъ для нихъ въ жизни все, превращаютъ стремленіе къ наживѣ чуть ли не въ культъ ихъ житейской мудрости. Не смотря на многіе хорошія врожденныя качества, невоспитаніе, обусловливающее развитіе экономическаго индивидуализма, дѣлаетъ этотъ народъ нетерпимымъ среди другихъ европейскихъ народовъ («Наблюдатель» 1896 г., статья А. Б. Липранди).

Еврей находитъ утѣшеніе во всѣхъ своихъ невзгодахъ и униженіяхъ въ одной религіи. Она миритъ его съ жизнью, и въ своей безпомощности онъ терпѣливо ожидаетъ въ будущемъ лучшей жизни. Лучшая изъ древнихъ религій, давшая намъ христіанство, вслѣдствіе гнета талмуда дѣлаетъ еврейскую жизнь еще тягостнѣе. Мозгъ его постоянно обремененъ заботою не нарушать предписаній талмуда: не ѣсть трефного, не забыть, въ которомъ часу слѣдуетъ ѣсть мясо послѣ молока, не перемѣшатъ молочныхъ горшковъ съ мясными, успѣть отнести въ рѣзницу курицу, цыпленка и прочую мелочь, торопиться закончить работу къ шабашу и не позволить себѣ какой-либо работы во время его; однимъ словомъ, быть лишеннымъ той свободы, которою пользуются другіе народы.

Необходимо къ этому прибавить, что за исполненіемъ талмуда слѣдитъ все еврейское общество. Я полагаю, что утвержденіе въ званіи раввина лицъ, получившихъ высшее образованіе, и замѣна многочисленныхъ еврейскихъ школъ общею синагогою уменьшило бы еврейскую отчужденность.

Можно поражаться организаціей еврейскаго общества въ преслѣдованіи своихъ гешефтовъ; они работаютъ на этомъ поприщѣ сообща, какъ члены строго организованной шайки, начиная со скупщика и кончая синдикатами обширныхъ производствъ. Безъ еврея въ западномъ краѣ трудно что-нибудь купить, а особенно продать: имъ извѣстны нужды всякаго хозяина, тайны каждой семьи. Они за много времени ранѣе другихъ узнаютъ о поднятіи или пониженіи цѣнъ, и, несмотря на все это, евреи одинъ изъ несчастнѣйшихъ народовъ, потому что организація ихъ обществъ и общественная забота направлена главнымъ образомъ на контроль за выполненіемъ предписаній талмуда; развитіе же личности еврея ихъ мало интересуетъ и жизнь ихъ ухудшается конкурренціей разнообразныхъ еврейскихъ сектъ. Недостатки своей расы они, видимо, сознаютъ, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы гордиться собою, какъ народъ, избранный Богомъ, они порознь стыдятся своего происхожденія, и если хотятъ похвалить или показать достоинство своего ребенка, то нерѣдко услышишь отъ нихъ увѣреніе, что онъ непохожъ на еврея. Евреи своимъ безцеремоннымъ, настойчивымъ приставаньемъ и плутнями надоѣдаютъ и дѣйствуютъ на нервы, но, сознавая тяжелыя условія ихъ жизни, миришься съ ними, хотя жалѣешь и тотъ народъ, на шею котораго они ложатся всею тяжестью своего безвыходнаго положенія и, какъ утопающіе, топятъ попавшихъ имъ въ руки, желая спасти себя.

Еврейская эксплуатація имѣетъ такую силу, благодаря плохой организаціи нашего общества. Никакіе законы и мѣры не спасутъ нашъ народъ отъ еврейства, ему нужно противупоставить союзъ интеллигентовъ; только дружное, хорошо организованное интеллигентное общество можетъ оградить народъ отъ эксплуатаціи евреевъ и вызвать къ жизненной дѣятельности законы и распоряженія правительства. Подъ

контролемъ интеллигентныхъ колоній еврей сдѣлается безвреднымъ для народа и самъ будетъ въ безопасности отъ взрывовъ народнаго негодованія. Интеллигентный еврей получитъ тогда возможность также пристроиться къ колоніи и существовать въ ней своимъ честнымъ трудомъ, что и поможетъ выдѣлять изъ массы еврейскаго кагальнаго общества достойныхъ сыновъ этого приниженнаго народа.

ГЛАВА III.

Гдѣ-то я вычитала, что говорить всѣмъ правду въ глаза составляетъ признакъ ненормальности; но мнѣ много разъ приходилось въ жизни встрѣчать людей, умственно вполнѣ здоровыхъ, но съ какой-то болѣзненной чувствительностью къ несправедливостямъ и злу, творимыми людьми, и не могущихъ воздержаться отъ потребности высказать правду въ глаза. Это разрядъ людей самыхъ несчастныхъ въ жизни, это рыцари безъ страха и упрека, какъ выразился Вл. Чере-анскій («Историческій Вѣстникъ», ноябрь 1895 г.) въ замѣткѣ «Нѣчто о странномъ человѣкѣ — Н. Н. Раевскомъ». Кто живетъ изо дня въ день личными интересами, тотъ описываемые факты приметъ за единичные случаи и, кромѣ странности, ничего не замѣтитъ въ такихъ людяхъ и съ удивленіемъ спроситъ, чего имъ нужно. Обладая всѣми благами въ жизни они страдаютъ и волнуются за дѣла, имѣющія непрямое къ нимъ отношеніе. А вѣдь подобные факты почти всегда выдающіеся. Я вспоминаю біографію двухъ инженеровъ, бывшихъ любимцами покойнаго Императора Николая I-го и отличавшихся честностью. Они ужасно страдали отъ творившагося кругомъ зла и, несмотря на поддержку Императора, сломились въ борьбѣ и лишились разсудка. Для того, чтобы сойти съ ума, нужно, чтобы весь организмъ человѣка былъ потрясенъ, и это большею частью бываетъ при долгой борьбѣ съ окружающимъ зломъ. Вотъ почему люди, не имѣющіе никакого понятія о

чувствахъ этихъ честныхъ натуръ, приписываютъ все ненормальности и предрасположенію и не видятъ границъ между умопомѣшательствомъ, вызваннымъ неблагопріятною окружающею средою и сумашествіемъ наслѣдственнымъ, а также не замѣчаютъ глубокой отравы жизни тѣхъ личностей, которыя устояли противу умопомѣшательства. Конечно, не всякаго умопомѣшаннаго или самоубійцу слѣдуетъ причислять къ числу жертвъ общественной неурядицы, но найдется много людей, покончившихъ съ собою вслѣдствіе выпавшей на ихъ долю массы непріятностей и разочарованія. Изъ своей жизни я могу указать на нѣсколькихъ подобныхъ личностей, которыя, сдѣлавшись жертвою интригъ, и которымъ можно было бы сохранить ихъ жизнь и разумъ, давъ имъ возможность жить при иныхъ условіяхъ, могущихъ облегчить также жизнь людей съ крѣпкими нервами, страдающихъ при видѣ житейской неурядицы. Поэтому замѣтка о Раевскомъ, бросившемъ всѣ свои полезныя предпріятія въ Туркестанѣ, благодаря интригамъ компаніи, сплотившейся противъ него тѣсною стѣною, сквозь которую не легко было проникнуть истинѣ, обратило мое вниманіе и вызвало грустное воспоминаніе о подобныхъ же фактахъ, встрѣчавшихся и въ моей жизни. Въ замѣткѣ Вл. Чере-анскаго сказано: «Жестоко страдалъ Н. Н. Раевскій отъ нравственнаго насилія этого кружка, главныя лица котораго впослѣдствіи были обличены правительствомъ и сосланы въ Сибирь». Но Раевскій стоялъ близко къ лицамъ высокопоставленнымъ; что же ожидаетъ людей маленькихъ, не поладившихъ съ окружающими? Такимъ личностямъ, лишеннымъ по своему общественному положенію возможности оказывать вліяніе на окружающее общество, во избѣжаніе безполезной траты энергіи слѣдовало бы отстраняться отъ такой среды и подыскивать условія, при которыхъ бы дѣятельность ихъ могла служить примѣромъ для окружающихъ. Въ подтвержденіе трудности жизни для порядочной личности, я приведу краткое описаніе жизни одной моей родственницы и друга, которая осталась здорова только потому, что была отстранена отъ сильно волновавшей ее борьбы съ окружающей неблагопріятной средой, и попутно опишу свои

впечатлѣнія и благотворное вліяніе на здоровье деревенской жизни, а также обрисую полезную дѣятельность порядочныхъ лицъ въ интеллигентной колоніи.

Моя родственница отличалась съ дѣтства справедливостью и прямотою характера, унаслѣдованнаго ею отъ отца, не только не страдавшаго никакою нервностью, но, наоборотъ, обладавшаго полнымъ здоровьемъ и значительною физическою силой. Однако же ему пришлось немало испытать непріятностей и лишеній за недостаткомъ житейской дипломатіи. Прямота характера моей родственницы, вѣроятнѣе всего, обусловливалась твердостью убѣжденій и обдуманностью поступковъ. Привычка обдумывать свои поступки и провѣрять себя была такъ сильна въ ней, что она никогда не могла примириться съ окружающимъ ее недомысліемъ и оставленіемъ безъ вниманія фактовъ, надъ которыми слѣдовало бы призадуматься. Все видѣнное ею зло и равнодушіе къ нему окружающихъ доставляли ей невыразимыя страданія. Малѣйшая несправедливость или беззаконіе, которыми изобилуетъ провинція, выводили ее изъ себя, заставляя страшно волноваться даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они не касались ея лично. Съ годами она какъ-то очерствѣла или устала и впослѣдствіи стала устранять себя и игнорировать то, что дѣлалось кругомъ, изъ боязни довести себя до полнаго нервнаго разстройства и отъ сознанія, что борьба со зломъ становится ей не подъ силу, и она только даромъ тратитъ свое здоровье.

Принимая все близко къ сердцу, она не въ состояніи была сдерживаться, высказывала всѣмъ въ глаза все возмущавшее ее и болѣе и болѣе убѣждалась, какъ не любятъ сознавать и слышать о своихъ неблаговидныхъ поступкахъ люди, поступающіе противу совѣсти. Всякій, кто осмѣливался имъ высказывать правду, дѣлался имъ страшнымъ врагомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они были увѣрены, что и молчавшіе знали о ихъ продѣлкахъ. Наблюдая сама это явленіе весьма часто, я объясняю его себѣ боязнью огласки и думаю, что печати они еще болѣе боялись бы, но, можетъ быть, это слѣдуетъ принимать за психозъ. Такъ или иначе, но прямотою своею моя родственница пріобрѣла себѣ и мужу своему

массу враговъ. Мужъ ея не разъ ей кротко высказывалъ въ моемъ присутствіи, что своей безполезной во многихъ случаяхъ прямотой она дѣлаетъ ему большія непріятности по службѣ; она и сама сознавала это и чуть-ли не болѣе страдала, когда оправдывались на дѣлѣ его предостереженія. Она была не изъ тѣхъ бойкихъ женщинъ, которыя вмѣшиваются въ служебныя отношенія мужа и преслѣдуютъ при этомъ только свои интересы; этой стороны она старалась не затрогивать, но, узнавъ о несправедливостяхъ или какомъ-нибудь возмутительномъ поступкѣ совершенно посторонняго ей человѣка, она энергично протестовала, и такъ какъ ее могли уязвить только чрезъ посредство мужа или дѣтей, то враги ея не упускали случая подгадить имъ. Убѣжденія ея относительно обязанности каждаго обличать зло и бороться противъ него передались и ея мужу, который добровольно сталъ приносить себя въ жертву борьбы и даже самъ лично, подъ вліяніемъ настойчивости ея, заступался за обиженныхъ. Никакіе доводы близкихъ родныхъ не поколебали ея убѣжденій и, вопреки ученію гр. Толстого «не противиться злу», она считала, что стоитъ на томъ прямомъ пути, по которому собиралась пройти всю жизнь. Ей и въ голову не приходило, что она не выдержитъ этой тяжелой дороги и свернетъ въ сторону. Здоровая, энергичная, она не думала, что такъ рано спасуетъ, и что вся эта борьба такъ сильно подѣйствуетъ на ея здоровье. Когда я теперь вспоминаю ея вѣру въ силу общественнаго мнѣнія и возможность убѣдить людей въ ихъ ошибкѣ, мнѣ становится жаль, что она уже утратила эту вѣру. Страшное было отношеніе окружающихъ: ее уважали, боялись и сильно ненавидѣли люди съ плохой репутаціей, которыхъ она болѣе другихъ обличала. Когда она расхворалась, кто-то изъ нихъ сказалъ, что это ее Богъ наказываетъ. Въ своей наивности онъ, вѣроятно, принималъ, что Богъ покровительствовалъ его неблаговиднымъ дѣламъ. Она повсюду видѣла къ себѣ незаслуженную ненависть, недоброжелательство, и даже тѣ, кто поклонялся ей, не смѣли показывать ей этого явно изъ боязни навлечь на себя гоненіе. Постоянныя непріятности, всякія неправды и сплетни,

взводимыя на нее, а главное, вымещеніе и насмѣшки надъ ея дѣтьми, доводили ее до такого состоянія, которое, по словамъ докторовъ, было близко къ сумасшествію или параличу сердца. Сознавая всю тяжесть борьбы со зломъ и видя, что эта борьба отражалась на мужчинахъ еще ужаснѣе, потому что приводила къ столкновеніямъ по службѣ и въ обществѣ, она стала мучиться отъ мысли о томъ, слѣдуетъ-ли поддерживать въ дѣтяхъ жажду истины и правды. Когда она замѣтила въ дѣтяхъ основныя черты своего характера, проявляющіяся въ той самоотверженности, съ которою они бросались защищать слабыхъ, въ ней заговорило чувство материнскаго самоохраненія настолько сильно, что убѣжденія ея стали колебаться. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы обречь свое дитя на вѣчное страданіе и гоненіе за правду, недостаточно быть человѣкомъ, нужно быть выше его. Благодаря пережитому и продуманному, ея организмъ былъ такъ потрясенъ, что жизнь для нея сдѣлалась страданіемъ, малѣйшій шорохъ не только мѣшалъ ей мыслить, но и причинялъ ей боль въ ушахъ, головѣ и сердцѣ, и ей былъ предписанъ полнѣйшій покой, который и спасъ ее. Но я разсказываю судьбу женщины, могущей располагать своей свободой, не связанной служебными занятіями и имѣвшей возможность удалить себя отъ всего непріятнаго; но что бы было при такихъ условіяхъ съ лицомъ, находящимся на службѣ и вообще въ зависимости? Я имѣла возможность оцѣнить преимущество положенія, такъ какъ одновременно трое изъ моихъ знакомыхъ, находящихся на службѣ, не выдержали житейскаго гнета и лишились разсудка. Одинъ изъ нихъ, академикъ, попалъ въ немилость къ начальству, все время хлопоталъ о переводѣ, соглашался даже ѣхать въ Сибирь, чтобы избавиться отъ неблагопріятной для него среды. Такъ и не удалось ему перевестись; жена его нѣсколько разъ передавала мнѣ о его ужасномъ нравственномъ состояніи и какъ-то разъ явилась ко мнѣ особенно встревоженною: ея мужъ послѣ незаслуженной непріятности, какъ казалось ему, въ морозъ безъ шапки прибѣжалъ домой и, находясь въ полномъ сознаніи, въ теченіе долгаго времени не могъ вымолвить ни слова. Ей совѣто-

вали увезти мужа какъ можно скорѣе куда-нибудь, но она опасалась, что болѣзнь мужа дастъ поводъ къ удаленію его со службы, а это лишило бы ихъ послѣднихъ средствъ къ жизни. Въ такихъ случаяхъ оплакиваемый нами народъ счастливѣе интеллигента; простому человѣку и не приходится испытывать такихъ нервныхъ потрясеній, такъ какъ организмъ его приспособленъ къ болѣе суровому режиму жизни, ему не приходится испытывать сильнаго нравственнаго потрясенія даже при очень рѣзкихъ перемѣнахъ въ своей судьбѣ. Да и къ тому же при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни, порядочный и честный человѣкъ цѣнится болѣе всего въ средѣ прислуги, по крайней мѣрѣ въ томъ слыслѣ, что не онъ дорожитъ мѣстомъ, а имъ дорожатъ. Не то происходитъ въ средѣ интеллигентовъ: нашему академику, напр., нашли черезъ годъ мѣсто только въ клиникѣ, гдѣ онъ умеръ, а жена и посейчасъ жалуется и возмущается, но на ея жалобы никто не обращаетъ вниманія, а люди, доведшіе его до такого состоянія, продолжаютъ спокойно обдѣлывать свои дѣла. Когда читаешь въ «Историческомъ Вѣстникѣ» какое-нибудь разоблаченіе людей, давно покоющихся, то жалѣешь, что все даромъ сходитъ, а какъ бы было хорошо знать, кому слѣдуетъ, все это во-время. Я уже сказала, что въ теченіе своей короткой жизни я имѣла случай встрѣтить нѣсколько личностей, потерявшихъ разумъ на службѣ, а сколько случаевъ извѣстно мнѣ по слухамъ, особенно о такихъ несчастныхъ и самолюбивыхъ неудачникахъ, которые изо дня въ день несутъ тягостную для нихъ жизнь, оставаясь въ полномъ разумѣ. Какъ горячо многіе изъ такихъ поблагодарили бы судьбу, если бы имъ дали возможность устроить болѣе простую, но лишенную нравственныхъ тревогъ жизнь. Наше общество имѣетъ въ средѣ своей массу неразвитыхъ личностей, изводящихъ другъ друга и находящихъ наслажденіе въ травлѣ кого нибудь. Въ послѣднемъ случаѣ, позабывая личные счеты, они дѣйствуютъ солидарно. Въ большинствѣ случаевъ ихъ выборъ падаетъ на рыцарей безъ страха и упрека, на людей, о которыхъ я ранѣе упоминала, и дѣятельность которыхъ была бы такъ полезна въ

деревнѣ. Но возвратимся къ нашей больной. На предписанную ей докторами поѣздку заграницу не хватало средствъ; кромѣ того, отъ этой поѣздки ее удерживалъ рискъ оставить семью безъ надзора матери и боязнь желѣзнодорожнаго шума. Все это вмѣстѣ взятое побудило меня уговорить мою родственницу поселиться въ деревнѣ. Я не ошиблась, разсчитывая на благопріятныя условія деревенской жизни, но я не имѣла въ виду тѣхъ неурядицъ и той дикости, которая дѣлаетъ деревенскую жизнь немыслимою для интеллигента при настоящихъ порядкахъ. Жажда нравственнаго покоя потянула и меня въ деревню къ любимому народу, который, по моему, если и не такъ поступаетъ, то ему это простительно, такъ какъ отъ него многаго требовать нельзя, и несправедливости его, я полагала, не такъ сильно будутъ волновать мою больную. Къ этому времени здоровье ея сильно пошатнулось, моя больная не могла переносить не только общества и разговора, но даже внезапный шорохъ страшно раздражалъ ее. Она почти лишилась сна; музыку, которую страшно любила, перестала переносить и сама не могла играть; вслѣдствіе сильнаго ослабленія зрѣнія она должна была лишить себя и того удовольствія, которое доставляли ей книги. Казалось бы, что въ такомъ состояніи она не могла быть ни для чего и ни для кого полезной. Трудно, однако, описать, какое благотворно одушевляющее дѣйствіе произвела на мою больную тишина, покой и природа.

Быстро поправляясь, при этомъ она сама, своею опытностью и природной снаровкой, успѣвала нравственно вліять и приносить огромную пользу въ хозяйствѣ для крестьянъ. Въ деревнѣ отсутствовалъ постоянный городской шумъ, и не было слышно гула монастырскихъ и церковныхъ колоколовъ, ни звонковъ визитеровъ, заставлявшихъ вздрагивать своею внезапностью. Отъ этого всего моя больная избавилась, но зато намъ пришлось испытать нѣчто гораздо худшее, что лишило насъ впослѣдствіи возможности пользоваться прелестями деревенской жизни. Чистый воздухъ и прекрасныя окрестности, большая грунтовая дорога, сохранившая мѣстами посадки Екатерининскихъ временъ, озеро, занимающее до 18

десятинъ площади и окаймленное столѣтними соснами, лиственный лѣсъ, покрывающій крутые берега озера и образующій какъ бы рамку раскинувшагося передъ глазами ландшафта, окрашиваемаго лучами лѣтняго солнца въ разноцвѣтные теплые тоны—вся эта прекрасная картина и чистый деревенскій воздухъ дѣйствовали на нервы успокоительно. Проживъ въ деревнѣ около двухъ мѣсяцевъ, моя больная совершенно оправилась и энергично принялась со мною за дѣло. Отдавшись вся хозяйству, она не имѣла времени думать о постороннемъ, тѣмъ болѣе, что первое время намъ приходилось знакомиться и изучать хозяйство, въ чемъ намъ охотно помогали крестьяне, благодаря которымъ, въ короткое время мы пріобрѣли необходимыя практическія познанія. Чтобы не тратить времени на свои туалеты и обходиться безъ прислуги, мы старались вести жизнь самую простую не вдаваясь въ крайности: носили гладкія ситцевыя платься, и для удобства головнымъ уборомъ служили платки, а ради здоровья ходили босыя до самой глубокой осени. Въ такомъ видѣ мы исполняли всѣ хозяйственныя работы, готовили для всѣхъ пищу, носили со двора дрова, поили телятъ, кормили свиней, индюшекъ, куръ, гусей, присутствовали при дойкѣ коровъ, сбивали масло, пересыпали изъ одного засѣка въ другой пророставшее зерно, перебирали на сѣмена картофель и работали на огородѣ. Не имѣя никакого понятія о нашей деревенской жизни, наши молодые друзья, пріѣзжая изъ города, не подозрѣвали, что ихъ посѣщенія нарушали нашъ трудовой день, и, несмотря на радость ихъ видѣть, такъ какъ это дѣйствительно были сердечные люди, мы неохотно отрывались отъ работы, которая не ждетъ.

Такая трудовая жизнь много способствовала поправленію здоровья, такъ что къ концу лѣта моя больная могла пѣшкомъ пройти шесть верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ города, чувствовала себя счастливою, здоровою, отдохнувшею душой и забывала всѣ житейскія непріятности, изъ-за которыхъ ранѣе не чувствовала радости жизни. Видя такую перемѣну въ душѣ ея, я мысленно пожелала такихъ условій всѣмъ тѣмъ, кто нуждается въ покоѣ и отдыхѣ, стараясь при этомъ взвѣсить всѣ условія за и противъ такой жизни. Въ то время я была

увѣрена въ возможности легко устроить спокойную жизнь въ деревнѣ, такъ какъ еще не испытала въ ней разочарованій, но вскорѣ мнѣ пришлось разочароваться и въ этой надеждѣ.

Подъ вліяніемъ жалости къ народу и радушнаго настроенія мы помогали чѣмъ могли всѣмъ, обращавшимся къ намъ за совѣтомъ и съ просьбами: давали деньги, вещи, продукты, сѣно и другой кормъ; все это бралось въ долгъ безъ отдачи. По мнѣнію опытныхъ людей, на первыхъ порахъ мы сдѣлали много ошибокъ и, вмѣсто друзей, на которыхъ разсчитывали вліять нравственно, пріобрѣли въ сосѣдяхъ много враговъ: такъ какъ всѣхъ обращавшихся къ намъ удовлетворить было невозможно, то неудовлетворенные считали себя обиженными. Первая капитальная наша ошибка заключалась въ томъ, что мы, взявъ въ аренду землю, оставили у себя спашникомъ крестьянина, бывшаго на спашкѣ и уже получившаго отказъ отъ нашего предмѣстника за несостоятельность. Имущество его было описано за еврейскій долгъ въ 56 руб. Заплативъ за него долгъ, мы оставили его спашникомъ на двѣ сохи, ради знакомства его съ условіями хозяйства. Другая семья спашниковъ уже считала себя какъ бы обиженной и, хотя была болѣе состоятельна, но завидовала бѣдной семьѣ и потому стала себѣ позволять дѣлать упущенія при выполненіи своихъ обязательствъ.

Видя мою сговорчивость, они упросили на двѣ оставшихся сохи не брать третьяго спашника, а всѣ шесть сохъ отдать имъ, съ тѣмъ, что они наймутъ отъ себя по работнику и прикупятъ лошадей. Просьба ихъ была такъ назойлива, что пришлось нехотя имъ уступить. На дѣлѣ же оказалось, что они не только не наняли рабочихъ, но даже не брали жней, и, чтобы не упустить времени, намъ самимъ пришлось нанимать рабочихъ, справлять толоку и, видя ихъ неуправку, всячески помогать въ работѣ спашникамъ. Видя такую щедрость съ нашей стороны, сосѣдніе крестьяне еще болѣе начали осаждать насъ, прося о покупкѣ сѣмянъ, лѣкарствъ для себя и своего скота, который въ той мѣстности сильно болѣлъ промочкой. Всѣхъ просьбъ было такъ много, что онѣ мѣшали хозяйству, отнимая много времени на разговоры и выдачу

просимаго. Пока я благодушно исполняла ихъ просьбы, многіе, приходя, высматривали, гдѣ и что плохо лежитъ, а впослѣдствіи, когда былъ произведенъ рядъ систематическихъ кражъ, я узнала, что большинство просящихъ дѣлали это не изъ нужды, а чтобы поживиться на даровщину. Чѣмъ мы были добрѣе, тѣмъ окружающіе насъ дѣлались нахальнѣе: сначала они только просили, потомъ начали потихоньку увозить съ поля сѣно и снопы; одинъ изъ ихъ сподвижниковъ, перевязавъ снопы веревкою и перелѣзая черезъ ограду, чуть не удавился. Тотъ, кто его спасъ, разсказывалъ потомъ объ этомъ съ циничнымъ хохотомъ. Тяжелѣе всего было видѣть, какъ они между собой подымали насъ же на смѣхъ, приписывая нашу доброту къ нимъ нашей глупости. Когда нечего было красть въ полѣ, они опоражнивали ямы съ картофелемъ, нарочно скармливали скотомъ наши луга и яровые хлѣба. Пользуясь отъ насъ всѣмъ, въ плутняхъ они были за одно со спашниками. Когда, черезъ годъ, мы объявили спашникамъ, что держать ихъ не будемъ, они задумали съ нами судиться и подговорили крестьянъ стоять за нихъ и ложно показывать на судѣ. Чтобы подорвать къ намъ довѣріе мирового судьи, они подали ему нѣсколько жалобъ на насъ вмѣстѣ съ евреемъ, скупавшимъ у насъ молоко и прогнаннымъ нами за укрывательство во дворѣ краденой лошади. Намъ, никогда въ жизни не судившимся, пришлось имѣть нѣсколько дѣлъ. У спашниковъ и еврея оказалось достаточное число свидѣтелей, у насъ же никого, кромѣ прислуги. Они, обвиняя насъ, въ то же время страшно клеветали на насъ. Тутъ намъ пришлось въ первый разъ испытать наглость простолюдиновъ и подмѣтить любовь ихъ къ сутяжничеству. Для нихъ было это простымъ развлеченіемъ, пріятнымъ препровожденіемъ времени, тѣмъ болѣе, что судились они не въ рабочее время. Для насъ же это было тяжелой мукой. Передъ каждымъ дѣломъ они собирались всею гурьбой въ кабакъ, устраивали сходку, на которой совѣщались о томъ, что кому слѣдуетъ показывать на судѣ. Только судясь съ ними, я поняла разницу душевнаго настроенія интеллигента и крестьянина на судѣ. Относясь снисходительно къ ихъ продѣлкамъ и прощая имъ все, даже

долги, мы все-таки страдали морально отъ ложнаго обвиненія и того безстыдства, съ которымъ винонные пользовались нашей оплошностью или довѣрчивостью. Подавая на насъ, они приходили въ такое торжественное состояніе и восторгъ, точно совершали великое дѣло. Каждый свидѣтель послѣ показаній, данныхъ на судѣ, самодовольно кичился и хвастался передъ другими своею ловкостью во враньѣ и какою-нибудь сказанною противъ насъ мерзостью, въ родѣ того, что онъ видѣлъ кого-нибудь изъ насъ ночью на огородѣ спашниковъ вырѣзывающими кочни капусты или приказывавшими заколоть чужую курицу и т. п. Вся эта ложь была такъ очевидна, что знающіе насъ только смѣялись, но намъ тогда было не до смѣха, такъ какъ своей наглой ложью они задѣвали и дѣтей и вообще семью. Наглость ихъ въ этомъ отношеніи доходила до такихъ размѣровъ, что угрожала не только спокойствію, но могла навлечь неисправимое несчастіе. Я заключаю это изъ случившагося три года спустя, когда уже мы передали аренду другому лицу изъ крестьянъ, который самъ ихъ началъ прижимать. Въ отместку ему они его 19-лѣтняго сына чуть было не упекли въ Сибирь за поджогъ лѣса и дровъ, но на его счастье, крестьянъ, обвинявшихъ его въ поджогѣ, самихъ видѣли крадущими съ мѣста поджога и слышали, какъ они уговаривали другихъ показать на сына арендатора.

Испытывая сильныя нравственныя потрясенія на подобныхъ судбищахъ, мы все-таки не имѣли возможности избѣжать ихъ, такъ какъ противъ насъ выдумывали дѣла.

Для примѣра опишу хотя слѣдующую выдумку. Наши спашники, убѣдившись, что ихъ не оставляютъ на слѣдующій годъ, думали все-таки схитрить: стали увѣрять насъ, что дѣло идетъ такъ нескладно потому, что мы нанимаемъ ихъ только на годъ, но если мы отдадимъ землю имъ на спашку лѣтъ на пять, то все пойдетъ другимъ порядкомъ; но когда на эту удочку мы не поддались, они подали на насъ жалобу на неправильный дѣлежъ и поставили свидѣтелями массу своихъ родственниковъ и крестьянъ. Только очевидная наглость ихъ претензій и явная ложь, обнаруженная свидѣтелями съ нашей стороны, позволили намъ выиграть это дѣло. Начать съ того,

что спашники не имѣли трехъ сохъ, а всего двѣ, вслѣдствіе чего большинство луговъ оставались не скошены, хлѣбъ не сжатъ, земля не вспахана подъ озимь. Нельзя было скрыть никакими свидѣтельствами того факта, что уборка полей была окончена на нашъ счетъ, а дѣлежъ собранныхъ продуктовъ, во избѣжаніе грубыхъ столкновеній, производился, безъ всякой съ нашей стороны повѣрки, нашимъ управляющимъ, который впослѣдствіи былъ прогнанъ за мошенничество съ ними и, вѣроятно, подбилъ спашниковъ на возбужденіе дѣла, обѣщавъ имъ показывать въ ихъ пользу. Не желая подвергать себя непріятнымъ ощущеніямъ во время суда, мы поручили адвокату начать встрѣчный искъ противъ спашниковъ и выиграли дѣло, по которому спашники обязаны были уплатить намъ 300 руб. убытковъ. А такъ какъ спашники успѣли скрыть имущество, то, не получивъ ничего, намъ же пришлось уплатить пошлины и другіе расходы по дѣлу. Не стоитъ описывать всѣ унизительныя просьбы и извиненія спашниковъ, сваливавшихъ все на подускиваніе крестьянъ. Невольно думаешь, какъ хорошо бы было обходиться безъ всѣхъ этихъ каверзъ между помѣщиками и крестьянами, дошедшихъ до такихъ размѣровъ, что жизнь средняго помѣщика и хозяйство дѣлаются невозможными. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, чтобъ жизнь крестьянина была лучше матеріально, съ нравственной же точки зрѣнія, не касаясь основныхъ причинъ, жизнь интеллигента въ деревнѣ сдѣлалась невыносимой.

Потерпѣвъ неудачу со спашниками, мы рѣшились попробовать вести хозяйство сами, нанявъ необходимое число годовыхъ работниковъ. Но и этотъ опытъ далъ не лучшіе результаты. Это, конечно, нужно было предвидѣть, но мы разсчитывали, что гуманнымъ обращеніемъ и хорошею пищею мы вызовемъ въ нихъ рвеніе или хотя мало-мальски добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Началось однако обычнымъ порядкомъ: рабочіе получили до $^1/_4$ своего жалованья впередъ, формальныхъ условій, какъ не приводящихъ къ цѣли, тоже дѣлать не стали, но нѣкоторые изъ нашихъ рабочихъ поинтересовались узнать, будутъ ли они отвѣчать въ случаѣ пропажи лошадей съ ночлега, и, успокоившись тѣмъ, что не

будуть, такъ какъ мы сказали, что беремъ отдѣльнаго конюха, стали переселяться въ фольварокъ. Впослѣдствіи для насъ стала ясна цѣль этой справки, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ самое жаркое рабочее время у насъ произведены были три кражи лошадей, и работники, подъ предлогомъ розысковъ, пропадали сами, а потомъ не работали за неимѣніемъ лошадей. Съ приближеніемъ страдного времени, когда трудно достать рабочаго, они съ назойливостью, доходящей до дерзости, требовали денегъ впередъ, разсчитывая какъ можно больше забрать и затѣмъ уйти. Нужно имѣть много характера и стойкости, чтобы отказывать имъ въ ихъ просьбахъ. Рабочіе не ограничивались однимъ недобросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но временами одинъ или нѣсколько рабочихъ, подъ предлогомъ мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ и кирмашей, т. е. мѣстныхъ ярмарокъ, уходили на нѣсколько дней, добродушно соглашаясь на вычетъ выбраннаго впередъ жалованья, чрезъ что, конечно, происходили задержки въ полевыхъ работахъ. Нанимать рабочихъ было затруднительно еще и потому, что чуть попадается порядочный рабочій изъ дальнихъ мѣстъ, они тотчасъ начинали выживать его всѣми силами, въ чемъ имъ помогали также и дружившіе съ ними крестьяне. Перепробовавъ всѣ мѣры, чтобы принудить ихъ къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, мы стали ихъ усовѣщевать, говоря, что такъ нельзя вести хозяйство, что имъ самимъ лучше служить на хорошихъ мѣстахъ, чѣмъ попасть въ руки кулака-хозяина; но ничто на нихъ не дѣйствовало, они жили настоящей минутой, и чѣмъ дальше, тѣмъ выходило хуже, а если и попадался работникъ, который сочувствовалъ намъ, они такого били. Сколько ни старались мы о ихъ благосостояніи, избѣгая попасть въ число эксплуататоровъ народа, не заботясь о своихъ доходахъ, давая имъ хлѣбъ, который сами ѣли, т. е. лучше того, который употребляютъ мѣстные помѣщики, и при этомъ не только хлѣбъ отпускался безъ вѣса, но они получали и молоко отъ 30 коровъ, ничто не дѣйствовало на нихъ. Сверхъ всего этого, они получали свиное сало, а нерѣдко попадало и коровьяго мяса; отпускалась также ячменная мука

и крупа, крупы гречневыя, перловыя, просо, картофель и овощи, и при всемъ томъ они постоянно капризничали, что меня ужасно возмущало, такъ какъ ихъ капризы возрастали вмѣстѣ съ нашими заботами о нихъ. Картофель въ томъ году былъ очень дорогъ, у насъ было нѣсколько ямъ чуднаго разсыпчатаго, и мнѣ давали за него большія деньги. Работники уговаривали меня не продать, а имъ оставить. Я согласилась, но впослѣдствіи раскаялась, такъ какъ картофель былъ израсходованъ очень скоро, что вызвало предположеніе о постепенной его кражѣ. Предположеніе это стало мало по малу оправдываться, такъ какъ разъ я встрѣтила рабочаго, несшаго въ корчму ковригу хлѣба, и тутъ поняла, почему они такъ много его съѣдаютъ; въ этой кражѣ, конечно, участвовала вся артель рабочихъ, дѣйствовавшая такъ дружно въ подобныхъ дѣлахъ, что усмотрѣть за ними невозможно. Баловство ихъ дошло до невѣроятныхъ предѣловъ. Увидавъ на ледникѣ нѣсколько кадушекъ масла, они нахальнѣйшимъ образомъ стали требовать, чтобы и имъ давалось масло, сбитое мною лично на машинѣ, выписанной изъ Парижа, говоря: «мы тоже люди»; умѣстно будетъ сказать, что въ этой мѣстности крестьяне въ пищу употребляютъ исключительно свиное сало, и когда имъ было въ маслѣ отказано, то они изъ подъ замка украли все сливочное масло, спрятавъ его въ озерѣ. Все это я описываю потому, что кругомъ помѣщики переживали тоже самое, если не худшее, что и заставило ихъ одного за другимъ покинуть свои усадьбы. Мнѣ разсказывали случаи проигрыванія въ карты пастухами лучшихъ овецъ и даже коровъ, кража масла практиковалась кругомъ, уводили изъ конюшенъ по шести стоичныхъ лошадей. Въ одномъ дворѣ, разобравъ соломенную крышу, перетащили черезъ нее нѣсколько коровъ, причемъ одну задавили. Избѣгнуть такого зла трудно, потому что отъ своихъ воровъ не уберечься. Въ концѣ концовъ и наши работники, убѣдившись, что изъ нихъ никого не оставятъ на другой годъ, окончательно поддались вліянію сосѣднихъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ обкрадываніи насъ. Сначала обобрали все, что можно было найти во дворѣ и амбарахъ:

колеса, выдѣланныя шкуры и т. п.; закончилось же наше лѣтнее пребываніе въ деревнѣ кражею серебра и другихъ цѣнныхъ вещей изъ самаго дома. Для сего они выбрали темную холодную осеннюю ночь, забрались на дачу, гдѣ спали дѣти и прислуга, черезъ окно и, вынеся шкафы съ вещами въ садъ, скрылись, оставивъ двери и окна открытыми, отчего простудился грудной ребенокъ и другія дѣти. Кража эта была совершена, конечно, при участіи домашней прислуги, доказательствомъ чему служитъ, во первыхъ, то обстоятельство, что брали вещи люди, знавшіе, гдѣ онѣ хранились, и, во вторыхъ, цѣпная и двѣ комнатныя собаки не лаяли. Молчаніе собакъ и было причиною нашей безпечности, такъ какъ мы слышали изъ флигеля, гдѣ помѣщались прочіе члены семьи, какой-то шумъ и временами стукъ, но приняли его за шумъ на большой дорогѣ. Тутъ намъ опять пришлось возиться съ судомъ и полиціей, и, несмотря на то, что мы сами разыскали часть украденныхъ вещей у нѣкоторыхъ участниковъ воровства и указали на существованіе организованной шайки, въ которой одни подводятъ, другіе крадутъ, третьи сбываютъ, а четвертые становятся свидѣтелями, дѣло было прекращено высшей судебной инстанціей за недостаточностью доказательствъ. Затѣмъ оно два раза подымалось попутно съ кражами, совершенными у нашихъ сосѣдей, вслѣдствіе участія двухъ нашихъ рабочихъ въ этихъ кражахъ, и, несмотря на это, главнымъ дѣятелямъ шайки удалось увернуться отъ отвѣтственности, и дѣло кануло въ воду. Лично для меня всѣ эти дѣла представляли мало интереса, такъ какъ вещей мы не могли вернуть, и прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ я порвала всякія сношенія съ этой мѣстностью, закаявшись хозяйничать, но меня заботила судьба порядочныхъ крестьянъ и особенно свидѣтелей по всѣмъ этимъ дѣламъ; показывая правду на судѣ, они болѣе всего боялись оправданія подсудимыхъ и преслѣдованія отъ лицъ, замѣшанныхъ въ этихъ дѣлахъ, лицъ, имѣвшихъ достаточныя средства и пользовавшихся вліяніемъ на деревнѣ и въ уѣздѣ. Угрожала опасность не только имъ, но и намъ, такъ какъ родственники судившихся стращали сжечь насъ живьемъ; имущество, сѣно, зерно, конечно,

мы могли застраховать, но жилое помѣщеніе пришлось самимъ по ночамъ караулить, а съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей переѣхать въ городъ и бросить попытку хозяйничанья въ деревнѣ.

Малая нравственность и цинизмъ крестьянской среды и дѣтей устрашили меня и поселили убѣжденіе въ невозможности при настоящихъ условіяхъ воспитывать дѣтей въ деревнѣ, но я всетаки питала надежду какъ нибудь устранить это препятствіе, удаляя ихъ отъ деревенской компаніи, держа порядочную женскую прислугу, которая бы избѣгала всякой встрѣчи съ работниками; но и эти мѣры были парализованы, такъ какъ рабочіе выискивали себѣ подругъ на деревнѣ съ самой отчаянной репутаціей, воровокъ и распутницъ, которыя, не смѣя приходить во дворъ, выискивали работниковъ въ полѣ, и тѣ, побросавъ лошадей съ плугами на мѣстѣ, убѣгали въ ближайшій лѣсъ. Меня приводила въ отчаяніе не столько потеря времени, сколько боязнь, что эту грязь увидятъ дѣти, любившія проводить время съ рабочими и нерѣдко даже помогавшія имъ въ работѣ. Какъ мы ни уберегали дѣтей, работники всетаки разсказывали имъ многое такое, чего бы имъ не слѣдовало знать. Вотъ чѣмъ закончилось наше первое знакомство съ деревенской жизнью и хозяйствомъ. Мы бросили аренду имѣнія и переѣхали снова въ городъ, ощущая блаженство даже при всѣхъ неудобствахъ, доставляемыхъ небольшимъ и плохо устроеннымъ уѣзднымъ городомъ.

Тѣ, которые живутъ на жалованьи, и понятія не могутъ имѣть о томъ, что такое значитъ жить въ деревнѣ и заниматься хозяйствомъ. Не говоря уже о матеріальномъ необезпеченіи землевладѣльца, деревенскую жизнь, при настоящихъ условіяхъ, можно сравнить развѣ съ жизнью на какой-либо азіатской окраинѣ, гдѣ ежеминутно приходится оборонять свое имущество и охранять не только спокойствіе, но и самую жизнь; а если вы будете доступны народу, то можете неожиданно наткнуться на самыя грубыя выходки и даже побои, чему чуть не подверглась моя больная, благодаря обличенію ею вора. Все мною сказанное можетъ быть провѣрено, а о многомъ я и не упоминала. Только тѣ изъ по-

мѣщиковъ, которые не живутъ въ деревнѣ, а если и живутъ, то не занимаются хозяйствомъ или держатъ крестьянъ въ кабалѣ за пользованіе угодьями, безъ которыхъ крестьянамъ обойтись нельзя, могутъ опровергать мое описаніе деревенской жизни. Спросите остальныхъ и вы услышите если не то же самое, то, навѣрное, что нибудь подобное описанному мною; опроверженія же, дѣлаемыя различными столичными авторами, слѣдуетъ принимать за плоды недоразумѣній.

Впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ пережитымъ такъ сильны, что и по сіе время, встрѣчая уединенные подгородные дома арендаторовъ городской земли, мнѣ становится жутко. Все это приводитъ къ сознанію, какъ незавидна жизнь того русскаго человѣка, которому «бабушка не ворожитъ»: найдетъ службу, хорошо, если ему повезетъ, а не повезетъ, куда дѣваться? Въ деревню? Но тамъ не управиться и тѣмъ, которые по необходимости должны въ ней жить; такъ мало ограждена жизнь большинства въ деревнѣ.

Я, однако, не жалѣю потраченныхъ денегъ и времени на опытъ деревенской жизни, потому что онъ меня обогатилъ практическими свѣдѣніями; не взирая на неблагопріятныя условія, деревня оказала столь хорошее дѣйствіе на здоровье моей больной родственницы подруги, что, несмотря на переѣздъ въ городъ, она сохранила его и только временами страдала отъ своего недуга. Равнодушіе, съ которымъ относилась къ нашимъ приключеніямъ мѣстная администрація и окружающее общество, сильно меня возмущало. Для нихъ, повидимому, постигавшія насъ непріятности и систематическое обкрадываніе служили развлеченіемъ, и до сихъ поръ какъ то не вѣрится въ возможность всего пережитаго. Г-нъ А. Мещерскій въ «Первой ступени» («Русскій Вѣстникъ», августъ 1895 г.) также рисуетъ грустную картину хозяйственной жизни, но, видимо, онъ не придаетъ этой картинѣ надлежащаго значенія и, какъ на выходъ изъ тяжелаго положенія, хозяевамъ, не имѣющимъ достаточнаго капитала, рекомендуетъ хозяйство съ «испольщиками» или, какъ называютъ его въ нашемъ краѣ, со «спашниками», совѣтуя выбирать въ «испольщики» только богатыхъ крестьянъ. Начну съ того,

*

что совѣтъ А. Мещерскаго трудно выполнимъ, и если совѣтовать, то слѣдуетъ выбирать изъ крестьянъ лицъ, извѣстныхъ хорошею нравственностью; весьма возможно, что это выполнить еще труднѣе, но зато въ этомъ послѣднемъ случаѣ чего нибудь да добьешься. Богатство же ничего не гарантируетъ, такъ какъ большинство крестьянъ пропиваютъ свое добро и, привыкши красть у себя въ семьяхъ, не задумаются пощадить ваше добро даже и тогда, когда достигнутъ богатства; а объ остальныхъ нечего и говорить: мнѣ не разъ приходилось замѣчать, какъ они въ семьѣ прячутъ по кустамъ и ямамъ сѣмена, выданныя на посѣвъ. Если они такъ поступаютъ въ общемъ дѣлѣ, то чего же отъ нихъ можно ожидать въ другихъ случаяхъ; очевидно, это — люди, нисколько не задумывающіеся надъ своими поступками. Я уже описывала спашническое хозяйство у насъ, но мнѣ могутъ указать на мою неумѣлость, неопытность; такъ теперь я могу привести результаты такого хозяйства у мѣстныхъ священниковъ, держащихъ спашниковъ и при полной бдительности не могущихъ уберечь своего добра и оградить себя, несмотря на свой санъ, отъ личныхъ непріятностей. Живя какъ-то на дачѣ у священника, я была свидѣтельницею раздѣла урожая. Спашникъ, уличенный въ кражѣ, взялъ за бороду уважаемаго всѣми священника. Хотя онъ потомъ и просилъ прощенія, и священникъ, имѣя въ виду грубость и непосредственность здѣшнихъ крестьянъ, и простилъ ему, но кто же добровольно станетъ обрекать себя на такія непріятности. Между тѣмъ авторъ «Первой ступени» говоритъ, что если нѣтъ присмотра, то не положитъ охулки на руку и исполовщикъ; въ этомъ случаѣ онъ хотя и виноватъ, но заслуживаетъ полнаго снисхожденія, а хозяинъ хотя и не виноватъ, но никакого снисхожденія не заслуживаетъ. Должно быть, спашникъ, взявшій священника за бороду, былъ одного съ авторомъ мнѣнія, да и къ тому же типъ, обрисованный авторомъ, нежелателенъ въ деревнѣ. Надо быть евреемъ или кулакомъ, чтобы трудъ хозяина заключался исключительно въ наблюденіи, какъ бы что лишнее не перешло къ спашнику. Авторъ такъ же безцеремонно высказываетъ свое нерасположеніе къ интеллигентнымъ колоніямъ,

обзывая дѣятелей прозвищемъ «тонконогіе», даннымъ мужиками. Онъ говоритъ: людямъ, ищущимъ дѣла въ деревнѣ, не интеллигентные поселки, гдѣ (тонконогіе) надрываются непривычной для него работой, въ исполненіи которой каждый мужикъ всегда дастъ ему сорокъ очковъ впередъ, а испольное хозяйство можетъ дать достаточное поприще для вполнѣ полезнаго продуктивнаго труда. Если бы авторъ поинтересовался ознакомиться даже черезъ литературу объ интеллигентныхъ поселкахъ, то убѣдился бы, что и въ средѣ ихъ есть хорошіе работники, не считая тѣхъ, которые туда попали изъ народа; а про непривыкшихъ къ сельскимъ работамъ можно сказать словами автора: «выучиться хозяйству гораздо труднѣе, чѣмъ научиться работать самому всякой мужицкой работѣ». Я же скажу, что при настоящихъ условіяхъ только и можно хозяйничать, или отдавая имѣніе въ аренду, или работая въ интеллигентныхъ колоніяхъ, и то значительною массою, потому что всѣ деревенскіе ужасы не есть мое воображеніе, а факты, въ которыхъ можетъ убѣдиться всякій, интересующійся деревенской жизнью. Прочитавъ въ «Наблюдателѣ» за 1895 г. статью В. К. Рышкова «Въ паутинѣ», я должна была вычеркнуть многое изъ моихъ воспоминаній, не желая повторяться,—такъ много оказалось общихъ фактовъ. И только тотъ, кто это переиспыталъ на дѣлѣ, можетъ оцѣнить правдивость разсказовъ г. Рышкова. Въ меньшемъ масштабѣ все разсказанное г. Рышковымъ было испытано и нами. Я увѣрена, что во всякомъ хозяйствѣ или техническомъ дѣлѣ будетъ царить распущенность и отсутствовать порядокъ, если хозяинъ гуманенъ и не обладаетъ достаточно черствымъ сердцемъ, чтобы не уступить тысячамъ просьбъ и не дѣлать поблажекъ. Нашъ народъ пока только и можетъ управляться хозяиномъ-кремнемъ честнаго нѣмецкаго типа. У нашихъ же помѣщиковъ крестьяне встрѣчаютъ то поблажку, то притѣсненіе. Послѣднее встрѣчается чаще, потому что каждый изъ насъ, побившись съ народомъ, бросаетъ или передаетъ хозяйство въ руки тѣхъ лицъ, которыя привыкли притѣснять народъ и смотрятъ на рабочихъ, какъ на скотъ, давая ему гнилую пищу и сырое помѣщеніе и требуя при этомъ отъ него непосильнаго труда.

ГЛАВА IV.

Всматриваясь въ типы крестьянъ и ихъ поступки, поражаешься сходствомъ многихъ изъ нихъ съ типами арестантовъ. Это сходство нѣкоторымъ изъ писателей даетъ тему для идеализаціи и сантиментальности. Такъ, И. Порошинъ, напримѣръ, авторъ этюда «Въ пути», описывая типы арестантовъ, говоритъ, что ни безнадежнаго отчаянія, ни безшабашной удали, для которой не писаны никакіе законы, онъ не замѣчалъ; большею частью это были все чисто русскія, открытыя лица, добрыя и простыя, съ оттѣнкомъ того наивнаго равнодушія, въ которомъ, въ силу этой самой наивности, «добро и зло такъ близко граничатъ другъ съ другомъ» (Міръ Божій, 1893 г. ноябрь, стр. 69). На многія черты сходства, подмѣченныя мною у крестьянъ, указываетъ также Мельшинъ (Русское Богатство за 1896 г.) въ замѣткахъ бывшаго каторжника. Я обращаю вниманіе здѣсь на затаенную мысль многихъ изъ нихъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для побѣга съ цѣлью отмстить свидѣтельствовавшимъ противъ нихъ. Желающимъ прослѣдить этотъ вопросъ подробнѣе я рекомендую ознакомиться съ записками Мельшина, такъ какъ онъ одинъ изъ тѣхъ, который не идеализируетъ преступника. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи я приведу свои наблюденія.

Знакомство мое съ жизнью народа и типами арестантовъ во время поѣздокъ моихъ по Сибири убѣдили меня, что масса лицъ, мало чѣмъ отличающихся отъ арестантовъ, живетъ на свободѣ, потому что случайно не попадается въ руки правосудія. Много лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій, я какъ-то возвращалась изъ города на дачу на лодкѣ и нагнала пустую барку съ арестантами изъ мѣстной тюрьмы, возвращавшуюся также изъ города послѣ выгрузки матеріала. Мнѣ предложили изъ любезности взять лодку на буксиръ, такъ какъ большинство бывшихъ на баржѣ знало меня по моему положенію въ городѣ. Тутъ мнѣ удалось ближе разсмотрѣть

лица арестантовъ, большинство которыхъ оказались парнями лѣтъ 18—20, многіе изъ которыхъ представляли добродушныя и наивныя лица. Раздавъ имъ булки и яблоки, которыя я взяла съ собой на дачу, мы разговорились. Мои люди стали удивляться молодости ихъ. На это они отвѣчали, что «настоящіе-то ихъ товарищи по ремеслу опытнѣе насъ; уговоривъ насъ на воровство, при слѣдствіи отстояли другъ друга, а потому и остались на свободѣ, а вотъ мы, дураки, и попались». Когда я спросила, зачѣмъ же они такъ себя вели, что теперь приходится жалѣть, они начали сами себя осуждать, говоря, что причина ихъ несчастья баловство да деньги, что нынче человѣкъ изъ за денегъ, Богъ знаетъ, на какія звѣрства идетъ, и стали разсказывать про какихъ-то людей, имъ всѣмъ, какъ видно, знакомыхъ, такіе ужасы, при выпытываніи указанія спрятанныхъ денегъ, что имъ трудно повѣрить; разсказывали, напр., про пытку огнемъ на ночлегѣ; впечатлѣніе отъ этого разсказа усиливалось тѣмъ, что парень лѣтъ 18, увлекаясь, выдавалъ себя, и чувствовалось, что такъ разсказывать можетъ только тотъ, кто былъ свидѣтелемъ пытки и сочувствовалъ злодѣю.

Между прочимъ тѣ изъ нихъ, которые посажены на короткое время, говорили, что соблазнъ великъ смотрѣть на тѣхъ, кто балуется, а чтобы баловаться виномъ, картами, да особенно дѣвками, нужны деньги, а откуда ихъ взять? Вонъ у пановъ на баловство денегъ много, а у насъ нѣтъ, у насъ, почитай, каждый малецъ не прочь украсть, а то и хуже. Эта нужда въ средствахъ на франтовство и кутежъ доводитъ иногда темныхъ людей до ужасающихъ преступленій. Весьма характерно въ этомъ отношеніи дѣло крестьянъ Воронежской губерніи «о воровской свѣчѣ», разбиравшееся 13-го ноября 1896 года, въ которомъ участниками преступленія и свидѣтелями были какъ взрослые, такъ и большинство дѣтей. Въ селѣ Уколовѣ объ этомъ преступленіи всѣ молчали до послѣдней крайности, такъ какъ человѣческаго сала для воровской свѣчи, усыпляющей, по ихъ повѣрію, обкрадываемыхъ, желали добыть многіе, тайно потворствующіе преступленію. Подумайте о нравственномъ уровнѣ деревни, въ которой 16

и 18 лѣтніе парни являются исполнителями, чуть не при свидѣтеляхъ, звѣрскаго преступленія. Въ этомъ преступленіи, помимо мучительной смерти 12-ти лѣтняго мальчика, у котораго, по свидѣтельству эксперта, вырѣзывали сальникъ еще при жизни, наносились сильнѣйшія нравственныя страданія матери, о чемъ никому изъ соучастниковъ не приходило и въ голову. Такъ поглотила ихъ всѣхъ мысль о воровской свѣчѣ, съ которою имъ удобно будетъ совершать кражи, производящія такой соблазнъ на деревнѣ. По поводу такого соблазна, живя по сосѣдству съ деревней Мумино, мнѣ пришлось слышать много разсказовъ. Смотришь, говорилъ одинъ изъ крестьянъ, въ нѣкоторыхъ избахъ гогочатъ, подплясываютъ; знать какое нибудь дѣльце обдѣлали, и станетъ грустно, тяжело не оттого, что съ ними не въ компаніи, а что такимъ-то отчаяннымъ весело живется. Другой разсказывалъ о пиршествѣ, происходившемъ послѣ кражи у дальняго помѣщика вядчины, сала, масла и другихъ припасовъ, и какъ, по разсказу свидѣтелей, вареную вядчину выбросили въ хлѣвъ, косточки запрятали бабы за пазухи, а сырые окорока спрятали въ сѣно. При обыскѣ такъ бы ничего и не нашли, если бы случайно сосѣдка баба не указала мѣсто, въ которомъ слѣдуетъ искать спрятанное; но полиція своими протоколами выдала эту женщину и тѣмъ, можетъ быть, заставила всю жизнь расплачиваться за свою непрошенную услужливость, а, можетъ быть, за желаніе наказать воровъ. Выходитъ, что, въ силу существующихъ порядковъ, порядочные крестьяне обрекаются на невольное участіе въ воровствѣ, такъ какъ присутствующіе, при укрываніи въ ихъ хатѣ или осети краденаго, обязаны молчать изъ боязни навлечь на себя бѣду. Вообще свидѣтелемъ у насъ худо быть, а потому всякій сторонится и всячески избѣгаетъ попасть въ число ихъ. Для оправданія этого факта достаточно описать положеніе свидѣтелей даже на судѣ, не говоря о положеніи ихъ при возвращеніи въ свою среду, гдѣ ихъ ожидала месть. Въ 1890 г. я присутствовала на одномъ дѣлѣ, разбиравшемся съ участіемъ присяжныхъ. По дѣлу этому было привлечено до 30 свидѣтелей, которыхъ засадили, точно въ клѣтку, въ

крошечную комнату и при этомъ держали страшно долго. Объ удобствахъ этихъ свидѣтелей можно судить по тому, напр., что одна женщина съ ребенкомъ на рукахъ не могла найти мѣста, куда приткнуться, другая умоляла пустить ее выйти на минуту, но этой необходимой просьбы не исполнили, а больше всего меня поразило обращеніе судебнаго пристава со свидѣтелями изъ крестьянъ, которыхъ онъ толкалъ въ шею, когда приходила очередь выступать передъ судомъ, да и въ присутствіи судей обращался съ ними до невозможности грубо; вообще положеніе свидѣтелей на судѣ было несравненно хуже положенія подсудимыхъ.

Такъ какъ судъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на нравственность народа, то хорошо бы было обратить вниманіе на дѣятельность администраціи и подвергать отвѣтственности лицъ, пользующихся властью. Въ провинціи въ составъ администраціи входятъ лица, вышедшія изъ разныхъ слоевъ общества, и многіе внесли съ собою всѣ несимпатичныя стороны низшихъ классовъ, благодаря чему неправда царитъ въ провинціи. Отдѣльнымъ личностямъ изъ ихъ среды, отличающимся гуманностью, не подъ силу бороться со зломъ. Я указываю здѣсь не на плебейское происхожденіе,—каждый понимаетъ, что хорошія качества или дѣйствительное развитіе и знаніе способны снять клеймо такого происхожденія, и всякій, добившійся просвѣщенія и учености, заслуживаетъ глубокаго уваженія, помимо своего происхожденія, — но большинство лицъ изъ провинціальной администраціи не заслуживаетъ этого уваженія, потому что цѣлью своей жизни ставитъ стремленіе завоевать себѣ положеніе и преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Теперешняя система обученія болѣе по силамъ здоровому, грубому и энергичному плебею, чѣмъ потомкамъ нервнаго, слабаго интеллигента. Бразильскій профессоръ А. Шунъ говоритъ: «Въ Россіи студенты, большею частью дѣти духовныхъ лицъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ, плохо воспитаны и съ дурной школьной подготовкой». Не лучшіе отзывы о прошлыхъ русскихъ дѣятеляхъ встрѣчаемъ мы въ различныхъ воспоминаніяхъ. Какъ бы въ подтвержденіе неодобрительныхъ отзывовъ о дѣятеляхъ русской админи-

страціи, въ августовской и сентябрской книжкахъ «Русской Старины» за 1895 г., въ статьѣ «Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка», авторъ прямо высказываетъ мнѣніе, что онъ не встрѣтилъ въ Россіи ни одного порядочнаго человѣка. Вотъ отзывы нашей и заграничной литературы о дѣятеляхъ, которымъ предоставлено право карать и миловать. Хотя и тяжело читать подобные отзывы, однако нужно согласиться, что есть и при томъ немало лицъ въ нашемъ обществѣ, дающихъ поводъ къ подобнымъ отзывамъ своими формальными отношеніями къ обязанностямъ службы, а чаще всего прикрытіемъ закономъ своихъ беззаконій и вызывающихъ справедливый ропотъ среди молодежи.

Не стану подымать этихъ вопросовъ, слишкомъ больно копаться въ такой грязи, а потому и ограничусь увѣреніемъ, что поведеніе этихъ личностей составляетъ соблазнъ и бичъ для народной нравственности. Массѣ извѣстна закулисная жизнь нѣкоторыхъ представителей закона; разсказывая одинъ другому потихоньку и узнавая такимъ образомъ другъ отъ друга нерѣдко о возмутительно безнравственномъ поведеніи и несправедливости лицъ, облеченныхъ властью, нѣкоторыхъ это поощряетъ на проступки, другіе же окончательно падаютъ духомъ, не зная, къ кому обратиться за помощью. Тутъ-такъ же, какъ и противъ еврейства, нужно разумное, дружное интеллигентное общество, отстаивающее законъ при посредствѣ общественнаго мнѣнія и гласности, столь необходимой какъ для общества, начинающаго сознавать свои права, такъ и для правительства, могущаго найти опору въ общественномъ контролѣ. Примѣръ пробужденія народнаго сознанія можно найти въ одномъ изъ очерковъ И. Иванюкова, въ которомъ описываются два схода волостного правленія Самарской и Саратовской губерній, на которыхъ, благодаря грамотности крестьянъ, несмотря на угрозы уѣздной власти и на трехдневный арестъ и кутузку, сходы отстояли свои права. Эти факты весьма утѣшительны для лицъ, знакомыхъ съ деревенскимъ произволомъ и отсутствіемъ въ крестьянахъ сознанія своихъ правъ. Это сознаніе немало задерживается угрозою кутузки и розгами съ одной стороны и трудностью съ другой стороны для тем-

наго люда отстаивать свои права и интересы, благодаря своему умственному убожеству. Вотъ благородное поприще для дѣятельности будущихъ интеллигентныхъ колоній.

Но отдѣльные факты проявленія общественнаго сознанія являются рѣдкими проблесками въ темной жизни народа, неспособнаго въ отдѣльности ни защищать себя, ни отстоять своихъ правъ. Какъ на характерные случаи, могущіе иллюстрировать высказанную мысль, укажу на два совпадающія по времени рѣшенія мирового суда одного уѣзднаго городка.

Какъ-то въ прошломъ году восемнадцати-лѣтній работникъ, круглый сирота, порядочность котораго мнѣ была хорошо извѣстна, благодаря тому, что сестра его въ теченіе трехъ лѣтъ находилась у меня въ услуженіи, вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ привезъ въ городъ дрова. Хозяинъ его, тоже крестьянинъ, приказалъ ему привязать къ телѣгѣ бродившую около нихъ на базарѣ собаку. Вслѣдъ затѣмъ случайно нашелся хозяинъ собаки, какой-то мѣстный еврей. Найдя городового, онъ подошелъ къ нимъ и потребовалъ составленія протокола о кражѣ собаки. На судѣ всю вину хозяинъ свалилъ на работника, и послѣдній былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Очевидно, работникъ могъ бы защитить себя, задавъ, напримѣръ, судьѣ вопросы: зачѣмъ ему собака? что она будетъ у него стеречь? и если-бы онъ привязалъ собаку не по приказанію хозяина, кто-бы позволилъ кормить ее остатками хозяйскихъ харчей? Если-бы работникъ былъ достаточно развитъ, то онъ отказалъ-бы хозяину въ просьбѣ привязать собаку, а если-бы это и сдѣлалъ, то могъ-бы привести и много другихъ доводовъ, достаточныхъ если не для оправданія его, то для облегченія приговора, по которому онъ обрекался на трехмѣсячное изученіе тюремной жизни въ началѣ рабочаго сезона, и который лишилъ его непорочной чести и возможности получить мѣсто годового рабочаго. Но я привела это дѣло не для защиты пострадавшаго, а для сравненія его съ другимъ, болѣе возмутительнымъ рѣшеніемъ, могшимъ осуществиться только по беззащитности пострадавшаго, сложности нашего судопроизводства и недовѣріи темнаго человѣка къ суду. Дѣло было

такъ: молодая, только-что вышедшая замужъ баба ударила еврейку за то, что та потихоньку брала воду, приносимую бабой для себя; въ отместку за это десять евреевъ ворвались въ хату и, не найдя виновной, избили ея мужа, послѣдствіемъ чего была продолжительная болѣзнь, лишившая его заработка.

Мировой судъ, приговорившій рабочаго за кражу собаки на три мѣсяца тюрьмы, очевидно, посмотрѣлъ на это дѣло, какъ на невинную ссору сосѣдей, и приговорилъ виновныхъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Можетъ быть, судья принялъ во вниманіе деликатность еврейскихъ натуръ, но пострадавшій, боясь угрозъ и мести по истеченіи мѣсяца, предпочелъ помириться, получивъ съ каждаго обидчика по рублю, чѣмъ немало отравилъ свою жизнь, такъ какъ евреи не давали ему прохода своими насмѣшками за полученные рубли. Имѣя дѣло съ интеллигентами, развѣ могъ бы судья допустить подобную складчину за обиду, и развѣ приведенные мною факты не указываютъ на безпомощность темнаго люда? Весьма вѣроятно, что въ этихъ фактахъ немалую роль играетъ неувѣренность крестьянъ въ справедливости суда, служащая для него источникомъ житейскихъ невзгодъ. Помимо неумѣлости отстаивать свои права, многіе, не находя защиты у мѣстной администраціи, видя безнаказанность зла, вмѣсто исканія суда, ищутъ удовлетворенія въ томъ, что сами начинаютъ пользоваться общимъ беззаконіемъ, что особенно вредное вліяніе оказываетъ на подростающее поколѣніе, берущее примѣръ со старшихъ и уже съ дѣтства начинающее пробовать свою удаль. О заразительности преступленій немало было писано, а также и о томъ, что безнаказанность способствуетъ ихъ распространенію.

Такъ, я знала двухъ 16—17-лѣтнихъ мальчиковъ изъ порядочной зажиточной семьи, слышавшихъ о кражахъ, совершаемыхъ деревенцами, и они сами вздумали ночью сѣсть подъ мостъ, набравъ въ платки каменьевъ съ тѣмъ, чтобы этими узлами бить по головѣ при нападеніи. Мужикъ, на котораго они напали, былъ прездоровенный мужчина; сначала онъ испугался внезапнаго нападенія и бросилъ лошадь, но, потомъ, видя, что два почти мальчика роются въ его телѣгѣ,

подошелъ тихонько, взялъ ихъ за волосы и началъ бить другъ о дружку головами; мальцы впослѣдствіи долго хворали, но своей попытки уже вновь не пробовали повторять.

Само собою понятно, что удайся ихъ первое нападеніе, эта удача опредѣлила бы и будущую ихъ погибель. Ясно, какое вредное воспитательное значеніе играетъ безнаказанность проступковъ, особенно для молодежи, даже и такая, которая проистекаетъ только отъ небрежнаго исполненія своихъ обязанностей; нечего уже говорить о той, которая сопряжена съ злоупотребленіями...

Помимо безнаказанности проступковъ въ деревнѣ, меня удивляетъ бездушность крестьянъ въ отношеніи порядочнаго помѣщика, и возмущаетъ его собственная безпечность въ матеріальномъ отношеніи. Существующая пословица «чужое добро въ прокъ нейдетъ», какъ нельзя лучше, оправдывается на ворахъ всякаго рода, могущихъ жить безбѣдно въ виду ихъ разнообразной дѣятельности и легкой добычи денегъ, помимо земледѣлія. Если нѣтъ, напримѣръ, случая украсть, они отправляются ночью въ лѣсъ и производятъ тамъ порубку; лѣсники ихъ боятся и часто потворствуютъ ихъ продѣлкамъ, лишь-бы не подвергнуться мести; я сама нѣсколько разъ встрѣчала ночью крестьянъ, везущихъ краденый лѣсъ къ евреямъ, скупающимъ подъ городомъ все привозимое. Вырученныя деньги тутъ же пропиваются. Не лучше ведутъ себя и крестьяне, занимающіеся отхожими промыслами и добывающіе съ трудомъ копейку. Отбившись отъ семьи, въ средѣ лицъ, имъ почти незнакомыхъ, находясь внѣ контроля своихъ односельцевъ, они ведутъ разгульную жизнь и возвращаются на родину въ большинствѣ случаевъ съ пустыми руками. Бабы жалуются, что мужики уходятъ на заработки, оставляя все хозяйство на малыхъ ребятъ, не знающихъ, что и когда сѣять, деньги прогуливаютъ, придумывая различныя приключенія и несчастія въ пути, а за упреки бьютъ своихъ женъ. Какъ на примѣръ безпечности къ самымъ близкимъ своимъ интересамъ, могу сослаться на поступки многихъ крестьянъ, уходящихъ на переселеніе. Распродавъ все свое имущество, многіе изъ нихъ въ ожиданіи отправленія въ путь пропиваютъ въ кабакахъ

всѣ вырученныя отъ продажи деньги, оправдывая себя тѣмъ, что въ Сибири получатъ дармовую землю. Въ частности же могу указать на одного семейнаго крестьянина, выпрашивавшаго у меня подъ разными предлогами по 3 и по 5 руб.; впослѣдствіи я узнала отъ его жены, что онъ пропилъ не только мои деньги, но проигралъ въ орлянку собственные 50 руб. Другой парень выпросилъ со слезами 20 руб. на свадьбу, резонно доказывая, что безъ бабы невозможно въ хозяйствѣ. Съ полученными отъ меня деньгами онъ отправился въ городъ, первымъ дѣломъ купилъ щегольскія штиблеты, заплативъ за нихъ 5 руб., а остальныя деньги пропилъ и проигралъ; свадьбы не справилъ и денегъ не заплатилъ. Какъ я ни старалась объяснять бравшимъ у меня деньги въ долгъ, что если они мнѣ не будутъ отдавать, то я не въ состояніи буду помогать другимъ, но мои объясненія не дѣйствовали. Вотъ еще примѣръ отношенія крестьянъ къ благотворительности. Желая удовлетворить убѣдительнѣйшей просьбѣ дать работу двумъ семействамъ изъ солдатъ, я рѣшила вытеребить лугъ на арендованной мною землѣ. Деньги, слѣдуемыя за работу, они выбрали впередъ, работы не окончили, обѣщавъ очистить лугъ къ веснѣ; когда же пришлось имъ отказать, то они угрожали судомъ и, навѣрно, подали бы въ судъ, если бы работа была окончена. Я старалась платить за все дороже существующихъ цѣнъ, чтобы сколько-нибудь поправить ихъ матеріальный недостатокъ, и мнѣ тяжело было видѣть, какъ пропивались и проигрывались эти деньги. Азартная игра сильно распространена между рабочими и крестьянами, особенно между подгородными. Несмотря на строгое преслѣдованіе полиціи, они выискиваютъ какое-либо мѣсто у загороднаго кабака и собираются цѣлыми толпами на сосѣднемъ полѣ для игры въ орлянку, карты или кости. Издали увидя полицію, они разбѣгаются кто куда попало, такъ что полиція, убѣдившись въ своемъ безсиліи, принуждена махнуть рукой и смотрѣть сквозь пальцы на подобныя сборища. На такихъ сборищахъ весь заработокъ, какъ бы онъ ни былъ малъ или великъ, проигрывается мѣстнымъ шулерамъ. Сколько бы ни писали о томъ, что трудъ нашего рабочаго мало опла-

чивается, жизнь намъ указываетъ, что въ большинствѣ случаевъ благосостояніе крестьянъ обусловливается не столько заработками, сколько ихъ поведеніемъ. Хорошій рабочій вездѣ цѣнится; но какую бы плату безпорядочные рабочіе ни получали, ихъ матеріальная сторона не поправится, пока не улучшится нравственность, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ большинство изъ нихъ либо пропьетъ, либо прогуляетъ заработокъ. Слѣдовательно, для улучшенія ихъ благосостоянія прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на умственное и нравственное развитіе и затѣмъ уже, съ увеличеніемъ ихъ потребностей, на увеличеніе заработанной платы, которою они сумѣютъ съ пользою распорядиться. Изъ числа лицъ, ратующихъ за увеличеніе платы, многія стараются оправдать неблаговидные поступки крестьянъ ихъ нуждою, и на судѣ общественное мнѣніе симпатизируетъ преступнику по той же причинѣ, забывая объ участи тѣхъ мирныхъ жителей, благосостоянію которыхъ они вредятъ. Если приписывать безнравственность бѣдности, вмѣсто праздности, то какъ объяснить тотъ часто встрѣчающійся фактъ, что бѣдные честнѣе богатыхъ, и въ средѣ первыхъ есть масса трудолюбивыхъ, добросовѣстныхъ и непьющихъ личностей, тяготившихся болѣе другихъ неблагопріятными условіями окружающей ихъ обстановки. Каждому мыслящему дѣлается жаль этихъ бѣдныхъ тружениковъ, и невольно благоговѣешь передъ лицами, старающимися имъ помочь. Но помощь должна быть общественная, дружная, разумная, а не единичная отдѣльными лицами. Эту помощь нужно распространить не на однихъ крестьянъ, какъ въ большинствѣ высказываются у насъ народники, а на всѣхъ вообще землевладѣльцевъ безъ различія званій, стараясь при этомъ уничтожить рознь между классами общества. Можетъ быть я, какъ женщина, и ошибаюсь, но всетаки, мнѣ кажется, что мой взглядъ шире взгляда народниковъ: я люблю человѣка, какихъ бы онъ происхожденія и націи ни былъ, лишь бы онъ былъ человѣкъ, а не негодяй, можетъ быть, и заслуживающій снисхожденія, но я, по крайней мѣрѣ, не желаю подыскивать ему оправданія, которое при желаніи всегда легко подыскать. Я одинаково скорблю объ участи

людей, зная, что во всякомъ сословіи найдутся люди несчастные, хорошіе и дурные; но къ удивленію, быть можетъ, многихъ я скажу, что симпатіи мои лежатъ болѣе къ интеллигенціи, чѣмъ темному люду, такъ какъ я не забываю, чѣмъ обязано человѣчество интеллигенціи, какая огромная разница между развитымъ и неразвитымъ, какъ развитіе трудно дается и скрашиваетъ человѣка. Читая экономическія статьи народниковъ, помимо уваженія къ серьезности труда, выносишь впечатлѣніе какого-то ненавистничества къ обезпеченному слою общества и какъ бы нежеланіе дать ему просуществовать на землѣ и имѣть возможность отплатить обществу, давъ ему, въ лицѣ своего потомства, развитыхъ и интеллигентныхъ личностей, въ которыхъ у насъ пока чувствуется большой недостатокъ, и для обученія которыхъ нужны средства. Всѣ экономисты-народники съ пренебреженіемъ смотрятъ на все, что не народъ. Въ средѣ обезпеченнаго класса въ настоящее время найдется хотя и очень небольшой процентъ заслуживающихъ уваженія, но всетаки этому меньшинству мы обязаны всѣмъ хорошимъ, что дала намъ цивилизація.

Это ясно чувствуется, если мысленно нарисовать картину царствія темнаго народа, который долженъ погрузить общество въ историческую эпоху господства мрака, фанатизма, суевѣрія, невѣжества и нищеты. Для тѣхъ, кто сомнѣвается въ этомъ, рекомендую прочесть брошюру И. Тэна «Соціализмъ, какъ правительство». Нужно оградить народъ, дать ему грамотность, стараться улучшить его матеріальный бытъ, заслужить у него довѣріе и стараться показать ему благой примѣръ взаимопомощи, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что необходимо отдавать судьбу народа въ руки неизвѣстныхъ и своекорыстныхъ представителей его и вообще отводить массѣ народа первенствующее значеніе въ цивилизованной странѣ, долженствующее принадлежать достойнымъ лицамъ изъ интеллигенціи безъ различія сословій, а не грубой силѣ народа. Въ подтвержденіе нѣкоторыхъ своихъ взглядовъ о взаимопомощи я нашла въ «Очеркѣ и наблюденіи» у Н. Соколовскаго мысль, что зло, въ корень подтачивающее мызы и деревни, заключается въ томъ, что каждый, засѣвъ въ

уголъ или мірокъ, справляется съ мелкими и крупными дѣлами. Мысль отстранить недобрый часъ взаимными усиліями чужда имъ. Сельскохозяйственный интересъ выражается мелочнымъ злословіемъ и въ ликованіяхъ; продешевилъ такой-то хлѣбъ на 5 к., подгноили сѣно, такіе-то торжествуютъ, успѣвшіе захватить свѣтлые дни. Весь день земледѣльца слагается изъ непріятныхъ мелочей; эти самыя мелочи, взятыя въ совокупности, составляютъ злобу дня; «Мошка да блошка, да третья вошка, а отъ нихъ упокоя нѣтъ», говоритъ пословица. Было бы болѣе чѣмъ наивно предполагать, что какая-бы то ни была власть въ своихъ предначертательныхъ планахъ на пользу отечественнаго землевладѣнія приметъ на себя заботу отгонять отъ насъ эти назойливые рои, а, между тѣмъ, какъ бы въ одиночку ни отмахивался сельскій хозяинъ, они измучатъ его и не дадутъ ему жить до тѣхъ поръ, пока онъ самъ и его товарищи по профессіи не проникнутся убѣжденіемъ, что избавиться отъ надоѣдливыхъ тварей можно только путемъ общихъ усилій».

Задавшись главною цѣлью провести свою прекрасную идею о взаимопомощи землевладѣльцевъ, г. Соколовскій, не замѣчая противорѣчія въ своемъ очеркѣ, увлекается новыми хозяевами народолюбцами, увеличившими размѣръ рабочей платы на 50%. Въ томъ же очеркѣ авторъ говоритъ, что въ описанной мѣстности, находящейся на половинѣ желѣзнодорожнаго пути отъ обѣихъ столицъ, крестьяне и мызы одинаково не знаютъ, куда дѣться съ своимъ сѣномъ, цѣна которому 10 коп. за пудъ. Не слѣдуетъ забывать тѣхъ трудностей и случайностей, которыя встрѣчаются при уборкѣ сѣна, а также при сбытѣ другихъ продуктовъ. Авторъ увлекается, забывая, что всѣ эти благодѣянія носятъ временный характеръ. Начинающіе богатые хозяева, прошлое которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ кропотливымъ, тяжелымъ трудомъ помѣщика, отводятъ душу благотворительностью, а дальше, какъ говоритъ авторъ, покажетъ будущее. Городской обыватель, недостаточно знакомый съ сельскохозяйственной жизнью, не знаетъ, что значитъ поднять на ноги раззоренное имѣніе; его ждетъ много горькихъ разочарованій и испытаній. На

вопросъ автора, сколько новый хозяинъ вложилъ въ имѣніе, неоднократно отвѣчали: не напоминайте, страшно подсчитать, а сколько еще предстоитъ?

Дѣйствительно, въ настоящее время если и можно пріобрѣсти имѣніе, то въ конецъ раззоренное, и много требуется затратъ, чтобы привести его въ надлежащій видъ. Хотя авторъ и говоритъ, что въ земляхъ, прошедшихъ купеческія руки, варварски истребляются лѣса, но кто ихъ не истребляетъ? Да и какъ сохранить лѣсъ? Повсюду жалуются на порубки, пожары и истребленія, отвратить которые нѣтъ способовъ. Въ нашемъ краѣ и не купцы совершенно обезцѣниваютъ имѣнія: вырубаютъ лѣса, землю истощаютъ льномъ, объ удобреніи и помину нѣтъ, и затѣмъ обезцѣненное имѣніе закладывается въ банкъ. За время моего деревенскаго хозяйства мои доброжелатели много разъ предупреждали объ убыткахъ и совѣтовали начать хищническое хозяйство: сѣять ленъ, продавать сѣно и не держать на зиму скота. Я не воспользовалась этими совѣтами, и пришлось испытать правоту совѣтовъ тѣхъ, которые предупреждали меня объ убыткахъ; такъ какъ я не уменьшила во-время количества скота, и то сѣно, которое было собрано лѣтомъ въ достаточномъ количествѣ, было частью скормлено зря, частью расхищено, то къ веснѣ пришлось докупить на значительную сумму.

Въ одномъ мѣстѣ своего очерка г. Соколовскій восхваляетъ новыхъ хозяевъ за введеніе хорошаго скота, а въ другомъ говоритъ, что онъ знаетъ вовсе недурныхъ хозяевъ, которые послѣ долголѣтней практики, имѣя у себя хорошіе луга, подсчитывали, во что обходится косьба и уборка сѣна, плата и содержаніе рабочихъ при скотномъ дворѣ, прокормъ скота и т. д., и, сравнивая съ тѣмъ, что даетъ скотный дворъ, серьезно задумывались надъ вопросомъ, не выгоднѣе ли оставить нѣсколько штукъ коровъ, а сѣно продать на сторону.

Вотъ прекрасная картина нашего хозяйства; прибавьте къ ней непригодность пастбища для дорогого скота, невозможность оградить его и луга отъ потравы крестьянами, которые успѣваютъ накормить свои стада задолго до выпуска хозяйскаго скота. Какъ бы вы ни торопились доить коровъ

раннимъ утромъ, въ деревнѣ выпускаютъ коровъ недоенными, чтобы хоть урывками накормить, такъ какъ въ казенныхъ лѣсахъ пастбища плохи, а свои всѣ распаханы.

Ужасно трудно также уберечь скотъ отъ грубаго обращенія пастуховъ; послѣднее время я стала брать на ихъ мѣсто пастушекъ, подъ присмотромъ старшаго пастуха, и коровы перестали сбрасывать, что часто случалось при пастухахъ. Несмотря на просьбы не бить коровъ, я помню два случая подрядъ переломовъ бедерныхъ костей брошенными камнями или кирпичемъ двумъ дорогимъ, по третьему году, телкамъ, отъ 80-ти рублевыхъ коровъ.

Восхваленіемъ новыхъ хозяевъ изъ интеллигентовъ за боязнь съ ихъ стороны обидѣть мужика и за нововведенія, стоящія немало денегъ, переполненъ очеркъ г. Соколовскаго. Все это прекрасно, но такую благотворительность могутъ позволить себѣ богатые люди, но не о нихъ нужно думать, а о тѣхъ, которые желаютъ существовать земледѣліемъ и служить народу. Самъ же авторъ сожалѣетъ о невозможности хорошимъ людямъ жить на землѣ. Надѣюсь, говоритъ онъ, что не мнѣ одному приходилось нападать на такіе (не особенно веселые) факты изъ современной сельско-хозяйственной жизни. Является въ захолустье новый человѣкъ съ благими намѣреніями хозяйничать и работать; онъ приноситъ съ собою личную порядочность, желаніе потрудиться и достаточныя матеріальныя средства для приведенія этого желанія въ исполненіе, словомъ, всѣ данныя, въ силу которыхъ становится цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ любой средѣ дѣятельности деревенской, столь много нуждающейся въ порядочныхъ людяхъ. Повидимому, остается только радоваться появленію новаго хозяина и ожидать болѣе или менѣе благотворныхъ послѣдствій отъ его достоинства и трудовъ.

На первыхъ горячихъ порахъ новая метла работаетъ, какъ слѣдуетъ; человѣкъ читаетъ, учится, строится, расчищаетъ, негодуетъ на рутину, волнуется на судьбу деревни и т. д. Въ концѣ безцѣльно опускаетъ руки, остатки же добрыхъ намѣреній уходятъ на безцѣльныя, всѣмъ надоѣвшія жалобы. На что и на кого? И отчего безцѣльныя и надоѣвшія?

*

Вѣдь не одинъ же жалуется, говорится о большинствѣ случаевъ. Какъ же можно такъ небрежно относиться къ этому и не понять, что жалующіеся не ищутъ для себя облегченія, а печалятся объ общей участи? Насъ такъ поглотила идея народничества, что многіе изъ подражанія придерживаются ея. Большинство знаетъ народъ по литературѣ, другіе же возводятъ его на пьедесталъ ради своего происхожденія. Любить народъ не значитъ быть къ нему слѣпымъ или пристрастнымъ; нужно же что-нибудь предпринять, чтобы не бѣжали отъ народа полезные и желанные люди, оставляя народъ въ рукахъ кулаковъ и въ невѣжествѣ. Г. Соколовскій, не желая показаться отсталымъ или изъ упрямства народника, говоря объ очеркѣ средняго и крупнаго частно-владѣльческаго хозяйства въ Дмитровскомъ уѣздѣ, указываетъ на преднамѣренность лжи въ утвержденіяхъ, что критическое положеніе, переживаемое землевладѣльцами, находится въ непосредственной зависимости отъ крестьянскаго своеволія, распущенности и требовательности. Самъ же авторъ подтверждаетъ безцеремонную требовательность крестьянъ съ наплывомъ народниковъ-помѣщиковъ. Крестьяне, не видя дома мяса, настолько избаловались, что не нанимаются на мызу безъ ежедневнаго требованія одного фунта мяса. Хлѣба сколько съѣстся, а кромѣ того крупа гречневая, ячневая, молоко, творогъ, картофель и вся огородная овощь. Да къ тому же они выходятъ на работу часомъ позже, отдыхаютъ часомъ больше и оканчиваютъ работу часомъ раньше, получая увеличенную плату на 50%. Изъ доходовъ земли такая щедрость немыслима. Отчего же не обращается вниманіе на хозяевъ изъ крестьянъ, которые, плохо содержа своихъ рабочихъ, при этомъ платятъ ничтожное жалованье. Сколько, напримѣръ, писалось о претензіяхъ рабочихъ и о томъ, что приходилось переживать хозяевамъ южныхъ губерній въ урожайные годы. «Плата поденная возросла до громадныхъ размѣровъ, водка требовалась не ведрами, а бочками; не зная, что еще придумать, требовали музыкантовъ, которые играли по цѣлымъ днямъ во время работы». Держать во что бы то ни стало сторону мужика будетъ только тотъ, кто его недостаточно знаетъ. Стоитъ

только окунуться въ крестьянскую жизнь, чтобы вынести оттуда самыя тяжелыя впечатлѣнія, жалость и возмущеніе. Знакомство мое съ крестьянами Тульской, Орловской, Витебской и другихъ губерній показало мнѣ всѣ неприглядныя стороны ихъ самихъ, а также и условія ихъ жизни. Кромѣ бѣдности, грязи, невѣжества и суевѣрія, я нашла очень малое мышленіе, которое, за малымъ исключеніемъ, все обращено на плутни. Все это вмѣстѣ возбуждало во мнѣ отвращеніе и безнадежность къ улучшенію ихъ жизни. Если бы я не встрѣтила между ними личностей, которыя своими хорошими качествами сглаживали эти ужасныя впечатлѣнія, я охладѣла бы къ народу. Но даже ради этого, сравнительно ничтожнаго, числа хорошихъ людей стоитъ любить народъ (они скрашиваютъ неотрадное впечатлѣніе, производимое темнымъ народомъ). И какъ пріятно было узнать изъ прочитаннаго, что, благодаря интеллигентному и обезпеченному классу, въ настоящее время существуютъ цѣлыя деревни читающихъ и мыслящихъ людей. Достаточно упоминанія, что при столкновеніи съ народомъ я повсюду встрѣчала свѣтлыхъ и порядочныхъ личностей, жизнь которыхъ чрезвычайно тяжела вообще и особенно въ средѣ непорядочныхъ. Личности темныя, подозрительныя имѣютъ большую силу, онѣ знаются съ подобными себѣ далеко въ окружности. Ихъ сближаетъ общій интересъ — кража. Въ случаѣ неудавшейся кражи, онѣ идутъ другъ за друга въ свидѣтели. Весьма часто дѣлами этими управляютъ евреи, которые и сбываютъ краденое. Въ большинствѣ же случаевъ воровское дѣло на деревнѣ имѣетъ солидную организацію, изображающую собою шайку воровъ, доказать существованіе которой трудно, несмотря на то, что весь округъ знаетъ о существованіи ея. Подобныя шайки воровъ до того распространены, что жизнь крестьянъ дѣлается почти невозможной, такъ какъ, помимо этихъ шаекъ, существуютъ и одинокіе мелкіе воры, что въ общемъ сильно отравляетъ жизнь крестьянина, призывая его къ постоянной бдительности и лишая необходимаго покоя при трудовой жизни. Самостоятельная порядочная жизнь для него становится невозможной, крестьянинъ боится показать правду и быть сви-

дѣтелемъ противъ вора изъ опасенія мщенія; особенно угрожаютъ пустить краснаго пѣтуха, такъ какъ, при крѣпкомъ деснѣ крестьянина и быстро распространяющемся огнѣ, въ деревнѣ жизнь его и всей семьи находится въ опасности, а потому такая угроза съ необычайною силою поражаетъ вообраşеніе крестьянина и приводитъ его въ ужасъ при одной мысли быть свидѣтелемъ противъ вора; сознаніе ихъ силы заставляетъ молчать, а часто и укрывать ихъ дѣянія. Беззащитность крестьянъ отъ произвола шайки позволяетъ имъ безнаказанно воровать въ окрестности коней, сѣно, холстъ, одежду, овчины и т. д. Были примѣры безнаказаннаго опустошенія цѣлыхъ амбаровъ. Трудясь весь годъ, крестьянинъ не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра; ложась богатымъ, онъ можетъ проснуться нищимъ.

Въ нашей мѣстности кража повальная, крестьяне крадутъ другъ у друга, даже считающіеся порядочными людьми. Меня поразилъ поступокъ уважаемаго всѣми крестьянина, который за ночь выкосилъ у сосѣда огороженный сѣнокосъ и продалъ траву въ городѣ, думая, что это не откроется. Другой подобный же случай, указывающій на полное безучастіе къ интересамъ сосѣдей, касается крестьянина, бывшаго единственнымъ работникомъ въ семьѣ. Онъ торопился починить къ осени избу и ставилъ новую печь; бѣдность въ семьѣ ужасная, и я помогла имъ, давъ денегъ на кирпичъ. Торопясь окончаніемъ работы, такъ какъ уже приходило время для посѣва озимаго хлѣба, онъ не досмотрѣлъ коня, котораго сосѣди украли. Пришедшая ко мнѣ съ какой-то просьбой изъ той деревни старуха разсказала, что хозяинъ украденной лошади, какъ узналъ о пропажѣ, упалъ ничкомъ въ разоренной хатѣ и въ теченіе нѣсколькихъ дней ничего не ѣлъ и говорилъ, что не имѣетъ силъ окончить избу. Я просила старуху его успокоить, обѣщавъ дать ему хорошую рабочую лошадь. Старуха, какъ водится, разболтала объ этомъ другимъ, и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ начали приходить бѣдные и даже богатые, прося меня продать имъ въ долгъ эту лошадь. Многіе даже совали мнѣ половину денегъ — стоимость лошади, нисколько не сочувствуя горю сосѣда. Несмотря на

мои укоры, какъ имъ не стыдно завидовать попавшему въ такую двойную бѣду, они равнодушно стояли на своемъ и разошлись, какъ бы мною недовольные и разочарованные въ неудавшейся выгодной покупкѣ. Черезъ нѣсколько дней этотъ бѣдняга пришелъ ко мнѣ уже въ городъ, избитый, жалуясь, что ему покоя не даютъ, а нѣкоторые сосѣди въ пьяномъ видѣ даже лѣзутъ съ нимъ въ драку, говоря, что и этой лошади онъ не увидитъ; чтобы не возбуждать зависти, я должна была каждому въ деревнѣ изъ десяти дворовъ чѣмъ нибудь угодить. Это не единственный былъ случай зависти: стоило только кому нибудь оказать помощь, какъ являлись съ наговорами на него, что онъ и пьяница, и лѣнтяй, и тутъ же просили о помощи себѣ. Мнѣ разсказывали сами мужики, что ихъ жены, завидуя бабамъ, женамъ воровъ, упрекали ихъ въ томъ, что они не воруютъ, говоря, что у женъ деревенскихъ воровъ все есть, и онѣ ѣдятъ постоянно мясо. Въ деревнѣ не только вы не найдете теперь добрыхъ отношеній къ сосѣдямъ, но даже члены семьи крадутъ въ своемъ домѣ: парни тащутъ изъ дому, чтобы имѣть деньги на гостинцы дѣвкамъ, мужикъ, отецъ семьи, тащитъ добро въ кабакъ или къ лицамъ, занимающимся тайною продажею водки; бабы утаиваютъ въ нераздѣльной семьѣ масло, яйца и другіе продукты, чтобы продать и купить дѣтямъ баранокъ, сахару и одежду; даже деревенскіе подростки опустошаютъ огороды и сады и занимаются кражею путъ съ лошадей, которыхъ затѣмъ пускаютъ на свободу, причиняя вредъ себѣ и сосѣдямъ.

Если крестьяне отравляютъ жизнь своему брату крестьянину, то можно себѣ представить, какъ они относятся къ помѣщикамъ, по отношенію которыхъ они не задумываются прибѣгать къ поджогамъ, воровству и всякаго рода недоброжелательствамъ. Украсть у пана по здѣшнимъ мѣстамъ вовсе не грѣхъ. Они хладнокровно смотрятъ, какъ ихъ свиньи и скотъ портятъ панское добро; а луга и яровыя нарочно скармливаютъ скотомъ. Я убѣждена, что какъ бы ни былъ гуманенъ помѣщикъ, крестьяне будутъ относиться къ нему недоброжелательно, съ какой-то враждой и съ особымъ злорадствомъ ликовать надъ его неудачей или потерей. Это еще

старая ненависть къ панамъ, разражающаяся местью за всякое выигранное судебное дѣло или ограниченіе въ пользованіи угодьями. Обычною местью является поджогъ. Вотъ одна изъ причинъ частой смѣны одного хозяина помѣщика другимъ и значительнаго числа продающихся имѣній. Незнакомая съ деревней, заманиваемая привольемъ этой жизни, масса неопытныхъ людей кидается на хозяйство, но скоро остываетъ при знакомствѣ съ дѣйствительностью. Большею частью крестьяне къ уходу гуманнаго помѣщика относятся равнодушно, спокойно, выжидая, что будетъ съ приходомъ новаго; но странно мнѣ было слышать изъ устъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сожалѣніе объ уходѣ порядочнаго помѣщика или арендатора, какъ бы съ грустью посылаемый къ кому-то упрекъ, что и надобно было ожидать ухода ласковаго и жалостливаго барина. Случалось также слышать ихъ оплакиваніе заранѣе кого-либо изъ вновь прибывшихъ порядочныхъ лицъ и предсказанія ему скораго ухода словами: «уйдетъ, сживутъ, такіе у насъ недолго пробудутъ, ужъ больно добръ». Значитъ, крестьяне сознаютъ, что между ними трудно прожить гуманному человѣку, и если бы не низкая степень ихъ умственнаго развитія, они могли бы общими силами постараться для своей пользы удержать у себя такихъ людей, а вмѣсто этого они только думаютъ, какъ бы лучше обобрать новаго хозяина, пользуясь его добротой. Весь этотъ произволъ крестьянъ и темнота ихъ не только вредятъ отдѣльнымъ личностямъ, но и цѣлой странѣ, и долго еще нужно будетъ ждать, когда умственное состояніе ихъ настолько будетъ поднято, что они сами станутъ понимать вредъ, приносимый ихъ поступками странѣ, себѣ и своему потомству. Надо быть слишкомъ развитому, чтобы такъ далеко заглядывать впередъ. Проф. Чижъ въ статьѣ своей «Объ измѣреніи умственныхъ способностей» («Сѣвер. Вѣстн.» 1895 г. № 11) указываетъ, что дѣятельность дикаря ограничивается удовлетвореніемъ непосредственно испытываемыхъ страданій: когда голоденъ, онъ ищетъ пищу, когда холодно, ищетъ пріюта. Онъ положительно неспособенъ дѣйствовать подъ вліяніемъ давнихъ, а, слѣдовательно, и будущихъ ожидаемыхъ раздраженій. Сколькимъ тысячелѣтіямъ нужно

было пройти, чтобы дикарь сдѣлался свободнымъ земледѣльцемъ. Трудъ раба, трудъ крѣпостного человѣка не показываетъ еще развитія, потому что дѣлается по принужденію, и, конечно, теперешнее малое умственное развитіе нужно приписать вліянію крѣпостного состоянія. Нужны еще вѣка для такого измѣненія строенія мозга, при которомъ бы громадное большинство свободныхъ землевладѣльцевъ сдѣлалось способно безъ внѣшняго побужденія страдать на работѣ, чтобы избѣжать страданій голода зимой и не прибѣгать для его удовлетворенія къ кражамъ, плутовству и всякаго рода преступленіямъ. Могъ ли понимать народъ, что онъ своими дѣйствіями и хищническимъ, небрежнымъ обращеніемъ съ лѣсомъ и землей много лѣтъ назадъ систематически раззорялъ отечество и свое хозяйство, благодаря чему такъ распространилась бѣдность? Конечно, народники возстанутъ противъ огульнаго обвиненія крестьянъ, но, во 1-хъ, не однихъ крестьянъ я обвиняю, обвиненіе относится ко всѣмъ хищникамъ вообще и къ тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ расхищеніи естественныхъ богатствъ. Во 2-хъ, слова свои я могу подтвердить свидѣтельствомъ многихъ лицъ. Весьма назидательно въ этомъ смыслѣ письмо изъ Пскова, напечатанное въ № 2 «Русскаго Богатства» за 1896 годъ; оно свидѣтельствуетъ о томъ хищничествѣ, противъ котораго я только что возстала. Въ письмѣ описывается страшная нужда и обезцѣненіе скота, благодаря неурожаямъ, такъ что здоровый рабочій скотъ отдавался за стоимость шкуры; любопытнѣе же всего оказывается тотъ фактъ, что причиною неурожая послужила доходность одной изъ коренныхъ отраслей псковскаго земледѣлія—льноводства. Интересно прослѣдить за тѣмъ недомысліемъ, которое довело землю цѣлой губерніи подъ Петербургомъ до полнаго истощенія. Изъ письма автора, во 1-хъ, слѣдуетъ, что не одно крестьянство содѣйствовало кризису: «Если въ лучшій періодъ льноводства недурно жилось мужику, то, конечно, лучше всего было помѣщику и купцу, снимавшимъ сливки съ крестьянскаго дохода». Во 2-хъ, «недомысліе льноводовъ проявляется въ томъ спокойствіи, съ которымъ они совершали свое раззореніе». Въ прежніе годы,

когда льноводство баловало хозяевъ, мы могли неособенно задумываться надъ будущимъ, могли надѣяться на златоносныя свойства нашего кормильца и нашего вѣрнаго источника платежей». «Въ результатѣ же всего этого хищническаго хозяйства получилась столь великая задолженность крестьянъ, что безъ искусственнаго возникновенія новыхъ источниковъ заработковъ, т. е. общественныхъ работъ, мѣстное населеніе будетъ не въ силахъ выбиться изъ своихъ долговъ, ибо выплатка даже обычныхъ повинностей производится съ трудомъ».

Интересна мѣра, которую рекомендуетъ авторъ письма для устраненія кризиса. Необходима, по словамъ автора письма, организація благотворительности, необходима помощь общества. Общество, откликнувшееся такъ щедро и гуманно въ тяжелую для Россіи годину 1891—1892 годовъ, вѣроятно, не забудетъ и псковскаго мужика. Совѣты эти напоминаютъ мнѣ басню «Стрекоза и муравей»: псковскимъ помѣщикамъ и купцамъ съ крестьянами жилось хорошо, весело, они все пѣли, не думая о будущемъ, а обществу приходится расплачиваться за нихъ. Другой, живя все это время экономно, отказывая себѣ во всемъ, потому что не сѣялъ и не продавалъ льна, долженъ, благодаря недомыслію псковичей, жертвовать послѣднимъ своимъ заработкомъ. Я не возстаю противъ благотворительности, вызываемой какими-либо случайными невзгодами, но поощрять послѣдовательную и намѣренную расточительность непростительно. Вѣдь не могли же отговариваться псковичи незнаніемъ вреднаго дѣйствія на производительность земли льноводства, точно такъ же не могутъ они утверждать, что земли ихъ были плохи, такъ какъ ленъ требуетъ хорошей земли, а псковской долгунецъ славился своею добротою, что и служитъ доказательствомъ хорошихъ качествъ псковской земли.

На такія воззванія къ благотворительности общество въ правѣ посовѣтовать для избѣжанія подобнаго несчастья не истощать земли, не выживать хорошихъ людей изъ деревни, меньше пьянствовать, не выжигать лѣсовъ съ цѣлью скрытія порубокъ, ради мести, потѣхи или по небрежности ночлежниковъ, разводящихъ костры подъ самыми толстыми и высо-

кими деревьями; я совѣтовала бы также оставить сопутствующую порубкамъ порчу деревъ при выборѣ годнаго для порубки дерева, потому что лѣсъ еще можетъ кое-какъ поддержать производительность земель, удерживая въ мѣстности необходимую влагу. Вотъ что пишетъ въ «Недѣлѣ» г. Марковъ по поводу обезлѣсенія Воронежской губерніи, нѣкогда отличавшейся замѣчательнымъ плодородіемъ, а теперь постоянно жалующейся на неурожаи: «Мы, какъ малыя дѣти, какъ дикари, до сихъ поръ не можемъ сознать, что природу невозможно грабить и раззорять, что ее надо изучать настойчиво и внимательно, что за природой надо ухаживать съ любовью, иначе она жестоко отомститъ своимъ раззорителямъ. Перестань рубить тотъ сукъ, на которомъ сидишь, перестань истреблять лѣса, засорять и изсушать воды, истощать землю. Корми и холь свою мать, которая тебя кормитъ и холитъ. Не услышитъ-ли русскій человѣкъ этотъ громкій укоръ природы, пойметъ-ли онъ его наконецъ»?

Помѣщикъ одного богатаго лѣсного имѣнія жаловался мнѣ, что во время порубокъ нѣсколькихъ деревъ было испорчено до 7 т. деревьевъ, оказавшихся негодными, что по этимъ порубкамъ у него накопилось до 500 дѣлъ, ради которыхъ онъ держитъ годового адвоката; и это все продѣлывается у помѣщика, у котораго въ рукахъ окружные крестьяне, не имѣющіе ни пастбищъ, ни дровъ, ни лѣса. Уничтоживъ свои лѣса, крестьяне жалуются на помѣщиковъ, что, продавая свои лѣса на срубъ и распахивая заросли, они лишаютъ крестьянъ пастбищъ для скота; помѣщики же спѣшатъ продавать лѣса на срубъ вслѣдствіе трудности охранить ихъ отъ хищничества крестьянъ. Вслѣдствіе этого лѣса какъ бы убѣгаютъ отъ жилыхъ мѣстъ, уступая свое мѣсто пахотѣ. На окраинѣ Россіи, въ Сибири, напр., на мѣстѣ вырубленнаго лѣса еще можно встрѣтить заросли, у насъ же въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ вокругъ населенныхъ мѣстъ на далекое пространство не имѣется лѣса, такъ что крестьянамъ прута негдѣ взять, не только добыть хворосту для топки печи. Конечно, если бы крестьяне могли предвидѣть такое лѣсоопустошеніе, лишившее ихъ топлива, и знали о томъ вліяніи, которое лѣсъ

оказываетъ на количество влаги, выпадающей въ мѣстности, то они перемѣнили бы свое отношеніе къ лѣсному хозяйству и дружной порукой стали бы ограждать и чужой лѣсъ отъ расхищенія. Недостатокъ дровъ и отдаленность лѣса принуждаетъ крестьянъ даже западныхъ губерній, не имѣющихъ лошади, употреблять иногда на мѣсто топлива солому, гречишную лузгу и даже навозъ. Послѣдствіемъ всего этого является недостатокъ корма, плохо рождающагося на неудобренныхъ мѣстахъ, и необходимость уничтожить скотъ, оставивъ для хозяйства какую-нибудь клячу. Сердце болитъ глядѣть на работу большинства крестьянъ весною. Благодаря страшному конокрадству и бѣдности, крестьяне работаютъ на такихъ лошадяхъ, которыхъ и красть не стоитъ. Весною истощенныя отъ безкормицы лошади едва тащатъ ноги, онѣ не видятъ не только овса, но и сѣна имъ не попадаетъ, такъ какъ, по причинѣ высокихъ весеннихъ цѣнъ, сѣно или продается крестьянами, или его вовсе не осталось къ веснѣ. Проработавъ кое-какъ на такой лошади какой-нибудь часъ, крестьянинъ пускаетъ ее на пастбище, на которомъ травы еще нѣтъ, и долго дожидается, чтобы она хотя утолила голодъ. Крестьяне сами сознаютъ, что на хорошемъ конѣ лучше, скорѣй и веселѣй работается, но держать хорошихъ коней могутъ только конокрады и тѣ, которые съ ними дружатъ, да евреи, краденыя лошади которыхъ скоро находятся. Еще въ началѣ моего землевладѣльчества еврей, арендовавшій у меня коровъ, таинственно сообщилъ, что при уборкѣ хлѣба въ здѣшнемъ краѣ принято откупаться отъ воровъ и конокрадовъ, выставляя имъ бочку ржи и другого хлѣба. Возмущенная такимъ совѣтомъ, я не приминула спросить другихъ объ этомъ, и мнѣ подтвердили этотъ обычай, говоря, что нѣкоторые помѣщики и арендаторы пробовали возставать противъ такого постыднаго соглашенія съ ворами, но въ концѣ концовъ имъ пришлось уступить. Когда же, несмотря на предусмотрительность и принятыя мѣры, у насъ въ самое страдное время три раза крали лошадей, я вспомнила совѣтъ еврея и не удивляюсь теперь, почему такой плохой результатъ имѣютъ всѣ мѣры правительства, направленныя къ улучшенію породы

лошадей. Для улучшенія условій сельскохозяйственнаго быта надо прежде всего озаботиться объ улучшеніи нравственной породы людей, чего можно добиться, поставивъ молодое поколѣніе въ благопріятныя для развитія нравственности условія. Одна изъ многочисленныхъ причинъ дикости нашего народа заключается въ рѣдкой населенности страны, въ обособленности и малой культурности центровъ цивилизаціи вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія, телеграфовъ, газетъ и школы. Устранить эту обособленность можно, сверхъ упомянутаго, заселеніемъ раіоновъ интеллигентными поселками, могущими сблизить народъ съ интеллигентами и сдѣлать для него доступными блага цивилизаціи, хотя наглядно. Въ Западной Европѣ нѣтъ такихъ уединенныхъ мѣстъ, и народъ не окруженъ своей собственной дикостью, побороть которую можно только хорошею интеллигентною средою, дающею ему примѣръ въ его обыденной жизни. Честный судья, развитой гуманный помѣщикъ, примѣрный священникъ, учитель, писарь, начальникъ сдѣлаютъ для него своею примѣрною жизнью болѣе, чѣмъ всѣ мертвые законы, написанные съ самой доброжелательною цѣлью. Намъ, какъ и европейцамъ, слѣдуетъ не спускаться до условій народной жизни, а, оставаясь самими собой, подымать народъ до себя. Поэтому, какъ пріятно встрѣтить просвѣщенную дѣятельность городскихъ обществъ Саратова и другихъ городовъ, описанную въ «Очеркахъ провинціальной жизни» Иванюкова («Русская Мысль» за 1896 г.), и душевно желаешь распространенія такого вліянія по всѣмъ захолустьямъ нашей провинціи, чего можно достигнуть черезъ распространеніе интеллигентныхъ колоній. Будущія, проектируемыя интеллигентныя колоніи не должны забывать своего высокаго призванія—стать примѣромъ нравственной и трудолюбивой жизни для народа, не смущая его вопросами религіи и политики. Надо имѣть среду слишкомъ развитую, чтобы поднятіемъ этихъ вопросовъ произвести реформу, вмѣсто смуты. Только всмотрѣвшись во внутреннюю жизнь народа, можно понять, какое великое значеніе имѣетъ религія въ его жизни, исполненной заботъ, труда, лишеній и страданій. Только религія и можетъ утѣшить его въ его невѣдѣніи и безпомощ-

ности. Великій грѣхъ берутъ на свою душу лица, подрывающія ее. Не слѣдуетъ также думать, что бѣдствія можно устранить случайной благотворительностью, дѣлаемой только съ цѣлью облегчить душу и успокоиться надъ рѣшеніемъ настоятельныхъ вопросовъ. Неумѣлая благотворительность и масса лицъ нашего общества, охотниковъ до ничтожнаго подаянія, только пріучаютъ народъ къ попрошайничеству, порождающему нищету и лишающему лицъ, привыкшихъ къ подачкамъ, способности къ самостоятельному труду. Проникнутая этой идеей, сколько разъ я давала зарокъ не поддаваться попрошайничеству; но и для этого нуженъ сильный характеръ. Умѣніе крестьянъ выпрашивать заставляло всегда уступать имъ и дѣйствовать противу убѣжденія. Но стоитъ уступить просьбѣ одного, чтобы дать поводъ просить и другимъ, въ концѣ концовъ и отбою не будетъ, что и доказываетъ колонія Шавѣева («Культурные скиты» С. Н. Кривенко). Авторъ описываетъ положеніе, въ которое поставила себя колонія неумѣлою благотворительностью. Какъ только узнали крестьяне дер. Машина, что хозяинъ хутора ушелъ, бросилъ его, нескоро возвратится, а, можетъ, и совсѣмъ откажется отъ земли, такъ и потянулись въ Шавѣево просить дровъ, лѣсу, старыхъ колесъ, саней, денегъ, одежды. Одна баба просила на похороны дочери, которая не думала умирать. Изобрѣтали и другія нужды. Помогать было нечѣмъ, потому что колонисты сами нуждались: приходилось отдавать необходимое.

Стали обсуждать вопросъ о благотворительности, т. е. помогать или нѣтъ, а пока шло это обсужденіе, число просителей не уменьшалось. Одинъ, выпросивъ, напр., сѣделку, уходилъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же отворялись двери, и опять слышалось: «сдѣлайте Божескую милость». Назойливость этихъ просителей ускорила отъѣздъ еще двухъ колонистовъ. Колонисты положительно не знали, что дѣлать: и помогать-то хотѣлось, и приводилъ въ смущеніе видимый нападъ просителей; нѣкоторые стали прятаться, избѣгать встрѣчи съ крестьянами, но тѣ словно охотились на нихъ, какъ на дичь, выслѣживали ихъ, разыскивали въ хатахъ, на гумнѣ и снова запѣвали: «сдѣлайте Божескую милость, не откажите».

Что-то недоброе, зловѣщее слышалось въ этомъ систематическомъ хныканьи и завываніи просителей. Когда же вновь прибывшій въ Шавѣево, нѣкто Б., имѣлъ мужество объявить, что уже помогать нечѣмъ, и благотворительность прекращается, то крестьяне сломали замокъ, сдѣлали тщательный обыскъ въ библіотекѣ и украли чемоданъ съ тонкимъ голландскимъ бѣльемъ. Было страшно ночевать въ Шавѣевѣ. Этотъ фактъ еще разъ подтверждаетъ, что форма благотворительности должна быть строго обдумана. Съ философской точки зрѣнія вопросъ этотъ вырисовывается въ томъ же духѣ. Г. А. Токарскій («Вопросы философіи», кн. 26) говоритъ: «есть болѣе глубокое основаніе для нравственнаго чувства, чѣмъ сострадание, и это основаніе есть любовь къ жизни». Разъясняя далѣе этотъ вопросъ, г. Токарскій продолжаетъ: «Стремленіе къ познанію природы и человѣка, равно какъ стремленіе увеличить количество радости и уменьшить количество страданій обусловливаетъ и высшее выраженіе нравственныхъ чувствъ въ дѣйствіе». Эти воззрѣнія я предлагаю усвоить будущимъ интеллигентнымъ колонистамъ и принять во вниманіе совѣтъ, данный уже 300 лѣтъ тому назадъ Монтанемъ: «Бѣжать отъ безцѣльной житейской суеты, отъ всеобщей погони за славой, деньгами и наслажденіями, отъ государственнаго деспотизма. Избавиться отъ этихъ страстныхъ увлеченій, которыя порабощаютъ и удаляютъ отъ работы надъ собою (какъ эта работа надъ собою намъ нужна) и если бѣжать въ уединеніе, то не изъ враждебнаго чувства, а изъ любви къ свободѣ. Уединеніе въ сущности еще болѣе расширяетъ мой кругозоръ. Когда я одинъ, я легче увлекаюсь общественными интересами и міровыми событіями»...

Какъ ни велико счастье человѣка, углубляющагося и сознающаго великія истины, но оно только тогда имѣетъ цѣну, если субъектъ сумѣетъ себя оградить отъ непріятностей житейскихъ. Устроить такую жизнь въ деревнѣ можно только общими интеллигентными силами. Отъ колонистовъ будетъ зависѣть устройство ихъ образа жизни. Время, свободное отъ работы и отдыха, проводимое въ развлеченіяхъ, а въ народѣ большею частью въ пьянствѣ, можетъ быть посвящено умствен-

ному труду въ устроенномъ маленькомъ уютномъ каменномъ помѣщеніи. Точно такъ же можно надѣяться, что маленькое хозяйство въ колоніи доставитъ и всѣ прочія удобства и выгоды, о которыхъ нечего мечтать при настоящихъ условіяхъ, имѣя большое хозяйство въ многоземельномъ имѣніи. Для доказательства выгодности малаго хозяйства я воспользуюсь данными, собранными мною во время трехлѣтняго пребыванія моего на дачѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города. Двѣ семьи, состоявшія изъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, 16-лѣтняго мальца, двухъ дѣтей, пастуха и пастушки, арендовали сообща 50 десятинъ земли, изъ которыхъ девять десятинъ было пахотной, остальныя подъ зарослями, и платили аренды по 150 руб. въ годъ, т. е. цѣну по здѣшнему мѣсту хорошую. Помѣщались въ теплыхъ, удобныхъ постройкахъ, имѣли даровое отопленіе и пастбище, держали восемь дойныхъ коровъ, четыре подтелки, трехъ коней, двухъ годовыхъ жеребятъ, девять барановъ, шесть свиней и домашнюю птицу. Хотя коровы были не молочныя и давали молока не болѣе того, что получала я отъ своихъ двухъ доморощенныхъ коровъ, находящихся на томъ же корму, но они все-таки имѣли съ нихъ доходъ, такъ какъ молоко употребляли на семью, а масло и сметану продавали. Конечно, они могли еще болѣе увеличить доходность молочнаго хозяйства, выращивая телятъ отъ молочныхъ коровъ при посредствѣ особаго пойла, приготовляемаго изъ паренаго овса, вмѣсто молока. Способъ этотъ вполнѣ удобенъ въ маломъ хозяйствѣ и выгоденъ тѣмъ, что не требуетъ расхода на молоко.

На девяти десятинахъ пахотной земли арендаторы снимали:

Съ $1^1/_4$	бочки	посѣянной ржи	$7^1/_2$ боч. 120 пуд.
» $3^1/_8$	»	посѣяннаго овса	15 боч. 180 пуд.
» $1^1/_4$	»	» ячменя	$7^1/_2$ боч. 120 пуд.
» $1^1/_4$	»	» картофеля	$7^1/_2$ боч.
» 1	пуда	» гороха	8 пуд.

Если отбросить сѣмена, то выходитъ, что арендаторами было получено дохода, включая цѣну на солому и мякину:

Ржи . . .	100 пуд.	по 60 коп.	на 60 руб.
Овса . . .	140 »	» 65 »	» 91 »
Ячменя . .	100 »	» 65 »	» 65 »
Картофеля .	$5^3/_4$ боч.	» 4 руб.	» 23 »
Гороха . .	7 пуд.	» 8 »	» 56 »
	Итого.		295 руб.

Такимъ образомъ валовой доходъ отъ десятины пахотной земли у арендаторовъ выходитъ по 32,7 руб. (не слѣдуетъ удивляться этой цифрѣ валового дохода, такъ какъ она получается только отъ $^1/_{10}$ части удобной земли). Кромѣ того арендаторы собрали до 1,600 пудовъ сѣна, затѣмъ имѣли овощи, мясо баранье и свиное, шкуры, шерсть, ленъ, изъ котораго выдѣлывали холстъ и сукно. Арендаторамъ жилось много лучше крестьянъ, которые старались всѣми силами выжить ихъ съ земли и добились своего, такъ какъ въ концѣ концовъ эти тихіе и мирные труженики уступили мѣсто деревенскимъ богатѣямъ. Съ этимъ явленіемъ многіе бы могли помириться, считая, что земля попадаетъ въ первыя руки производителей; на дѣлѣ же выходитъ, что землею завладѣваютъ деревенскіе кулаки, не принимающіе въ свою артель малоземельныхъ и бѣдныхъ крестьянъ.

Говоря о доходности малыхъ хозяйствъ, я не упоминала о доходности отъ фруктовыхъ садовъ, потому что у насъ въ Россіи трудно уберечь садъ отъ сосѣдей и мальчишекъ, считающихъ своимъ долгомъ обобрать дерево еще съ недозрѣвшими плодами, и крестьяне до того свыклись съ этимъ прискорбнымъ порядкомъ, что ихъ трудно увѣрить, что есть страны, въ которыхъ дороги обсаживаютъ фруктовыми деревьями, и съ которыхъ хозяева собираютъ плоды, трудно увѣрить потому, что у насъ по дорогамъ не удается сохранить даже березокъ, посаженныхъ по распоряженію полиціи. Такимъ образомъ выходитъ, что крестьянинъ, не считая своего труда, можетъ получить съ пахотной земли по 32 руб., съ прочей производительной земли онъ получаетъ съ десятины около того, что даетъ пахотная, остальная же земля ложится своимъ расходомъ на производительную землю. У

крестьянъ этой непроизводительной земли почти нѣтъ, у арендаторовъ Витебской губерніи можно принять до 55%, а у бывшихъ помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ — до 70%. Въ этомъ распредѣленіи производительныхъ и непроизводительныхъ земель и въ даровомъ собственномъ трудѣ и заключается выгода малыхъ участковъ. Со введеніемъ же правильнаго лѣсного хозяйства и съ улучшеніемъ путей сообщенія, и особенно нравовъ, конечно, также должна будетъ возрасти доходность крупныхъ помѣстій. Въ настоящее время, при развитіи капитализма и интенсивнаго хозяйства, землевладѣлецъ не можетъ разсчитывать на значительные доходы отъ продажи продуктовъ хозяйства. Наибольшую выгоду трудъ землевладѣльца представляетъ собственнику, разсчитывающему собственнымъ трудомъ прокормить себя и свою семью. Я уже приводила доказательства немыслимости веденія большого хозяйства, а въ заключеніе укажу и на экономическія невыгоды существующихъ хозяйствъ, приведя организаціонный планъ хозяйства имѣнія въ 800 десятинъ, находящагося въ сѣверо-западномъ краѣ, вблизи сплавной рѣки и губернскаго города.

Я не буду касаться общей доходности имѣнія, потому что она въ значительной мѣрѣ обусловливается затратою основного и оборотнаго капитала и необходимостью содержанія управляющаго, сторожей, кучеровъ, прислуги и другихъ людей, расходы на содержаніе которыхъ ложатся всею своею тяжестью на доходность имѣнія.

Подъ полеводствомъ въ имѣніи находится 84 десятины, разбитыя на четыре клина: озимовый въ 28 дес., травяной — 28 дес., льняной — 14 дес. и яровой — 14 дес. Чистый доходъ отъ полеводства составляетъ 1.272 руб. 63 коп., т. е. каждая десятина полевого участка приноситъ дохода 15 руб. 15 коп., что при валовомъ доходѣ 3.934 р. 60 к. составляетъ до 30% валового дохода съ десятины; на расходы по обработкѣ поля уходитъ 2.661 р. 97 к., т. е. до 70%, что и составляетъ если не въ цѣломъ, то въ извѣстной значительной части надбавку къ доходности десятины у крестьянъ и хозяевъ, обрабатывающихъ землю своими си-

лами [1]). Конечно, скажутъ, что содержаніе рабочей лошади стоитъ чего-нибудь; это что-нибудь, если даже допустить, что крестьянинъ будетъ кормить лошадь такъ же хорошо, какъ и панъ, составляетъ около 4% общаго расхода, что и слѣдуетъ сбросить съ надбавки доходности, составляющей около 66%. Не меньшій интересъ представляютъ данныя по отдѣлу скотоводства. Скота въ имѣніи считается 70 штукъ рогатаго и 25 штукъ свиней. Расходъ по этой статьѣ превышаетъ доходъ на 991 р. 85 к. Другими словами, скотъ даетъ только удобреніе, стоющее 991 р. 85 к. Очевидно, молочнаго хозяйства почти не существуетъ, между тѣмъ, если развести въ имѣніи, вмѣсто обыкновеннаго скота, особую молочную породу русскаго скота, получаемую отъ смѣшенія нѣкоторыхъ заграничныхъ породъ съ простой русской породой, то % дохода съ молочнаго скота значительно повысится, а съ улучшеніемъ ухода за скотомъ въ маломъ хозяйствѣ явится и доходъ отъ молочнаго хозяйства. Такой породы молочный скотъ на рынкѣ не встрѣчается, а потому его необходимо разводить самимъ, что не составитъ особаго труда. При такихъ порядкахъ колонисты, какъ и крестьяне, будутъ пропитывать себя и свои семьи отъ хозяйства, имѣя передъ горожанами преимущество въ доброкачественности пищи. Крестьяне западныхъ губерній мяса не покупаютъ; они бьютъ скотину осенью и заготовляютъ мясо въ прокъ на цѣлый годъ. Этотъ способъ питанія мясомъ, конечно, не можетъ быть признанъ за хорошій, но что же будетъ мѣшать колонистамъ дѣлать заготовки по нѣсколько разъ въ году или убивать скотину для нѣсколькихъ дворовъ. Вмѣсто продажи скота, на которую часто бываетъ вынуж-

---

[1]) Для сравненія доходности малаго хозяйства слѣдуетъ взять озимый клинъ въ 28 дес., дающій чистаго дохода 204 р. 53 к. и яровой клинъ въ 14 дес., дающій чистаго дохода 240 р. 67 к. Отсюда получается, что 42 дес. даютъ дохода 445 р. 20 к., т. е. по 10,6 р. съ десятины. Между тѣмъ арендаторъ при затратѣ своего труда получалъ 32 р. съ десятины. Болѣе раціональное и интенсивное хозяйство юго-западныхъ губерній, конечно, даетъ лучшіе результаты. Для примѣра прилагаю въ концѣ главы таблицу урожаевъ и доходности главнѣйшихъ растеній на 1 десятину и среднюю стоимость производства главнѣйшихъ растеній за 10 лѣтъ на 1 десятину, что мною заимствовано изъ «Описанія и отчета имѣнія Б. И. Ханенко, Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда».

*

денъ крестьянинъ, можно убивать скотъ въ разные сроки съ тѣмъ, чтобы имѣть мясо болѣе свѣжей заготовки. Наконецъ, мы незнакомы со многими полезными свойствами растительной пищи и не знаемъ способовъ ея приготовленія. Къ такого рода пищѣ нужно отнести пшеничныя отруби, которыя вмѣстѣ съ пшеничною мукою даютъ прекрасную вкусную пищу (кисель), содержащую въ себѣ клейковину, составляющую слѣдующій за отрубями слой, а вмѣстѣ съ клейковиной удерживаются азотистыя части, которыя такъ необходимы для питанія мышечныхъ тканей, и минеральные продукты, питающіе и поддерживающіе нервную систему, слѣдовательно, простая пшеничная мука здоровѣе крупчатки. Я оставляю безъ разсмотрѣнія отдѣлъ птицеводства и рыбоводства, которыя должны разнообразить и обогатить деревенскій столъ. Будущія интеллигентныя колоніи могутъ вполнѣ удовлетворить мечты французскаго короля Генриха IV, который желалъ, чтобы у французскаго крестьянина ежедневно варилась въ супѣ курица. Но довольно мечтать. Для тѣхъ, кто желалъ бы провѣрить выводы относительно малаго интенсивнаго хозяйства будущихъ колоній, сравнительно съ теперешними большими капиталистическими хозяйствами, я прилагаю организаціонный планъ хозяйства, безъ указанія основного и оборотнаго капитала, который еще болѣе понижаетъ доходность имѣнія.

Организаціонный планъ имѣнія Витебской губерніи и уѣзда.

Имѣніе А. находится въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи, а именно въ Витебскомъ уѣздѣ Витебской губерніи въ западной его части.

Всей земли въ имѣніи 835 казенныхъ десятинъ. Все имѣніе дѣлится такъ: главное имѣніе и три фольварка. Главное имѣніе А., въ которомъ живутъ владѣльцы, въ 740 десятинъ 2,200 саженъ. На юго-западѣ отъ него, въ 2-хъ верстахъ, расположенъ фольварокъ Бор. въ 10 д. 1,200 саж. Тоже на юго-западѣ отъ А. и на сѣверѣ отъ Бор. расположенъ въ 1½ верстахъ отъ А. и въ одной верстѣ отъ Бор. фольва-

рокъ Бок. въ 21 десят.; на юго-западѣ отъ А. и на юго-западѣ отъ Вор. въ 3-хъ верстахъ отъ А. и въ 1½ верст. отъ Бор. третій фольварокъ Шик. въ 63 десят. 200 саж.

Ближайшая станція Риго-Орловской ж. д. въ 10 верстахъ; почтовая же въ 6 верстахъ. Ближайшій рынокъ для сбыта продуктовъ хозяйства Витебскъ въ 36 верстахъ, Рига въ 400 верстахъ, а Либава въ 460 верстахъ по ж. д. Продажа зерна производится на мѣстѣ.

Средняя цѣна для доставки зерна на станцію жел. дор. зимой 2 коп. съ пуда, лѣтомъ 3 коп.

Веденіе хозяйства основывается на производствѣ зерна— главнымъ образомъ ржи и овса, какъ наиболѣе урожайныхъ въ данной мѣстности, и льна на волокно.

Изъ отраслей въ хозяйствѣ имѣются: скотоводство, свиноводство, птицеводство, коневодство, садоводство, цвѣтоводство съ тепличными растеніями и огородничество; но всѣ эти отрасли служатъ подспорьемъ главной, въ видѣ навоза, рабочей силы, мяса и т. п. или, какъ цвѣтоводство съ оранжереей, представляютъ прихоть хозяина.

Имѣніе.

Какъ сказано было, всей земли подъ главнымъ имѣніемъ 740 десят. 2,200 саж., которая распредѣляется такъ: подъ усадьбой 5 д. 100 саж., подъ паркомъ 1 десят., подъ пашней 126 д. 200 саж., подъ сѣнокосомъ 54 десят. 1,800 саж., подъ лѣсомъ 437 десят. 1,900 саж., подъ озеромъ 100 д. и неудобной 16 д. 2,100 саж.

Полеводство.

Почва на 126 десят. 120 саж. суглинокъ и мѣстами супесокъ съ глинистой и песчаной подпочвой. Почва мало плодородная, а потому требуетъ большого количества удобренія для пополненія своего плодородія.

Системой хозяйства, вмѣсто бывшей прежде зерновой трехпольной, избрана многопольная травяная съ слѣдующимъ 9-ти польнымъ сѣвооборотомъ:

1) Паръ удобренный, 2) озимь съ подсѣвомъ клевера,

3) клеверъ на укосъ, 4) тоже, 5) ленъ, 6) ярь овесъ, 7) паръ, 8) озимь, 9) ярь.

Мотивами для введенія такого сѣвооборота служатъ: 1) при двухъ удобренныхъ паровыхъ клинахъ достигается большее возстановленіе производительныхъ силъ почвы; 2) сокращеніе площади подъ паромъ, что влечетъ за собой уменьшеніе количества условно-убыточнаго скота и увеличеніе площади посѣва; 3) съ введеніемъ травосѣянія вводится выгонный клинъ, которымъ можетъ служить парное поле; 4) послѣ двухлѣтняго пребыванія клевера на одномъ и томъ же мѣстѣ возможна культура льна на волокно (очень цѣннаго растенія), требующаго возстановленной и вывѣтренной почвы.

Разсчетъ затраты труда и капитала на оборудованіе хозяйства, составленный на основаніи данныхъ хозяйства и мѣстныхъ условій.

Паръ. Площадь подъ паромъ 28 д., стоимость парового поля выразится въ рентѣ за землю—168 руб., считая за десятину 6 руб. Для большей ясности здѣсь приводится стоимость обработки пара, которая отнесется на счетъ послѣдующихъ растеній, которымъ она собственно и будетъ служить.

На 28 д. 1) *Навоза* 33,000 пудовъ 990 р.

2. *Искусственныхъ удобреній* . . 111 р. 66 к.

Итого 1101 р. 66 к.

3. *Вывозка навоза и нагрузка:*

a) Рабочихъ 168 чел. . . 50 р. 40 к.
b) Лошадей 168 шт. . . 35 » 28 »

Итого . 85 р. 68 к.

4. *Распредѣленіе навоза:*

$^{1}/_{3}$ рабочихъ 56 чел. . . . 14 р.

Итого . . 14 р.

5. *Запашка навоза:*

a) Рабочихъ 70 чел. . . 21 р. — к.
b) Лошадей 70 шт. . . 14 » 70 »

Итого . 35 р. 70 к.

6. *Двоеніе пара:*

a) Рабочихъ 56 чел.	. .	16 р. 80 к.
b) Лошадей 56 шт.	. .	11 » 76 »
	Итого .	28 р. 56 к.

7. *Боронованіе пара:*

a) Рабочихъ 28 чел.	. .	8 р. 40 к.
b) Лошадей 84 шт.	. .	17 » 64 »
	Итого .	26 р. 4 р.

Всего стоимость обработки пара выразится въ 1,291 р. 64 коп.

Озимый клинъ. Площадь подъ озимымъ клиномъ 28 д. Въ стоимость обработки озимаго клина войдетъ нѣкоторая часть обработки пара, а именно:

1. *Половина стоимости взмета и двоеніе пара*	*32 р. 13 к.*
2. *Боронованіе пара*	*26 р. 4 к.*
3. $^1/_3$ *часть стоимости удобренія* . . .	*367 р. 22 к.*
4. $^1/_3$ *часть вывозки*	*33 р. 23 к.*
5. *Сѣмена на посѣвъ*	*151 р. 20 к.*
Итого .	609 р. 82 к.

6. *Посѣвъ:*

a) Рабочихъ $5^2/_3$ чел.	. .	1 р. 70 к.
b) Лошадей $5^2/_3$ шт.	. .	1 » 26 »
	Итого .	2 р. 96 к.

7. *Уборка:*

Женщинъ 280 чел.	. .	70 р. — к.
	Итого .	70 р. — к.

8) *Своза хлѣба:*

a) Рабочихъ 14 чел.	. .	4 р. 20 к.
b) Лошадей 14 шт.	. .	2 » 94 »
	Итого .	7 р. 14 к.

9. *Молотьба, сортировка, сушка и пр.:*

Рабочихъ 408 чел. . .	134 р. 40 к.
Итого .	134 р. 40 к.

Всего стоимость обработки озимаго клина выразится въ 824 руб. 32 коп.

Озимый клинъ дастъ:

1) Зерна 1,680 пуд. .	672 р. — к.
2) Соломы 3,360 » .	336 » — »
3) Мякины 139 » .	20 » 85 »
Итого .	1,028 » 85 »

Чистый доходъ 204 р. 53 к.

Травяной клинъ 28 десят.

Въ сѣвооборотѣ подъ траву отведены 2 клина.

Расходъ на 2 травяныхъ клина.

1. $^1/_2$ стоимости обр. пара . . .	32 р. 13 к.
2. $^2/_3$ стоимости удобренія . . .	734 » 44 »
3. $^2/_3$ вывозки	66 » 46 »
4. Сѣмена, 14 пуд.	91 » — »
Итого .	924 р. 3 к.

5. *Посѣвъ:*

a) Рабочихъ $5^2/_3$ чел. . .	1 р. 70 к.
b) Лошадей $5^2/_3$ шт. . .	1 » 26 »
Итого .	2 » 96 »

6. *Уборка:*

a) Скосить, раб. 56 чел.	16 р. 80 к.
b) Ворошить, сушить и складывать, 126 чел.	37 » 80 »
c) Укладка въ пуни, 30 чел. . . .	9 » — »
Итого .	63 р. 60 к.

Всего стоимость обработки выразится въ 990 р. 59 к.

Травяной клинъ дастъ сѣна

5,600 пудовъ.		1,120 р. — к.
	Итого .	1,120 р. — к.
	Чистый доходъ	*129 р. 41 к.*

Можетъ быть очень выгоднымъ оставлять нѣсколько лучшихъ десятинъ клевера на сѣмена, имѣя въ виду обсѣмененіе своихъ полей и продажу излишняго на сторону, какъ цѣннаго продукта.

Если предположено оставленіе каждый годъ по 4 десятины, что составитъ $^1/_7$ часть всего клина, то расходъ на нихъ выразится въ $^1/_7$ часть дохода, т. е. . . 18 р. 48 к.

И молотьба и обчистка . . . . 7 р. 20 к.

Итого . 25 р. 68 к.

Доходъ отъ 4 десят. сѣмянного клевера выразится:

Сѣмянъ 40 пуд. . . .		200 р. — к.
Соломы 220 пуд. . . .		22 р. — к.
	Итого .	222 р. — к.
Чистый доходъ		206 р. 32 к.

Выгонный клеверъ.

Выгонный клеверъ предназначается для выгона скота весной. Расходъ на него выразится въ рентѣ за землю, что составитъ 140 руб., хотя при точномъ разсчетѣ слѣдовало бы вычесть тотъ навозъ, который оставитъ скотъ за время пребыванія на выгонѣ.

Немалое значеніе имѣетъ для послѣдующаго растенія льна и уплотненіе почвы, которое произведетъ пасущійся скотъ.

Льняной клинъ — 14 десят.

1. *Вспахать 2 раза:*

a) Рабочихъ 56 чел. . .		16 р. 80 к.
b) Лошадей 112 шт. . .		23 » 52 »
	Итого .	40 р. 32 к.

2. *Два раза заборановать:*

a) Рабочихъ	56 чел. . .	16 р. 80 к.
b) Лошадей	112 шт. . .	23 р. 52 к.
	Итого .	40 р. 32 к.

3. *Засъять:*

a) Сѣмянъ	126 пуд. . .	126 р. — к.
b) Рабочихъ	4 чел. . . .	1 » 20 »
	Итого .	127 р. 20 к.

4. *Заборановать съмена:*

a) Рабочихъ	5 чел. . .	1 р. 50 к.
b) Лошадей	14 шт. . .	2 » 94 »
	Итого .	4 р. 44 к.

5. *Вытягать ленъ:*

Женщинъ	224 чел. . .	55 р. — к.
	Итого .	55 р. — к.

6. *Отдълить съмянныя головки:*

Рабочихъ	28 чел. . .	8 р. 40 к.
	Итого .	8 р. 40 к.

7. *Уложить съмянныя головки:*

a) Рабочихъ	28 чел. . .	8 р. 40 к.
b) Лошадей	14 шт. . .	2 » 94 »
	Итого .	11 р. 34 к.

8. *Нагрузка льна въ мочильникъ:*

a) Рабочихъ	112 чел. . .	33 р. 60 к.
b) Лошадей	14 шт. . .	2 » 94 »
	Итого .	36 р. 54 к.

9. *Выгрузка льна, развозка и разстилка:*

a) Рабочихъ	112 чел. . .	33 р. 60 к.
b) Лошадей	14 шт. . .	2 » 94 »
	Итого .	36 р. 54 к.

10. *Собрать ленъ со стильща:*

a) Женщинъ 112 чел. . . 28 р. — к.
b) Лошадей 14 шт. . . 2 » 94 »

Итого . 30 р. 94 к.

11. *Насаживанiе рья или овина и сушка стеблей:*

a) Рабочихъ 56 чел. . . 16 р. 80 к.
b) Лошадей 14 шт. . . 2 » 94 »
c) Дровъ 7 куб. саж. . . 35 » — »

Итого . 54 р. 74 к.

12. *Смять ленъ:*

a) Рабочихъ 56 чел. . . 16 р. 80 к.
b) Женщинъ 112 чел. . . 28 » — »

Итого . 44 р. 80 к.

13. *Вытрепать волокно:*

Рабочихъ 420 чел. . . 126 р.

14. *Просушить, обмолотить льняныя головки:*

a) Рабочихъ 28 чел. . . 8 р. 40 к.
b) Женщинъ 28 чел. . . 7 » — »

Итого . 15 р. 40 к.

Всего стоимость обработки льняного клина 631 р. 98 к.

Доходъ отъ льняного клина:

1) Волокна трепен. 420 п. . 1,260 р.
2) Сѣмянъ 140 п. . . . . 70 р.

Итого . 1,330 р.

Чистый доходъ 698 р. 2 к.

Яровой клинъ — Овесъ — 14 десят.

1) *Вспашка:*

a) Рабочихъ 35 чел. . . 10 р. 50 к.
b) Лошадей 35 шт. . . 7 » 35 »

Итого . 17 р. 85 к.

2. *Боронованіе:*

a) Рабочихъ 14 чел. . .	4 р.	20 к.
b) Лошадей 42 шт. . .	8 »	82 »
Итого .	13 р.	2 к.

3. *Задѣлка сѣмянъ и посѣвъ:*

a) Сѣмянъ 140 пуд. . .	84 р.	— к.
b) Рабочихъ 12 чел. . .	3 »	50 »
c) Лошадей 30 шт. . .	6 »	30 »
Итого .	93 р.	90 к.

4. *Уборка:*

Женщинъ 140 чел. . .	35 р.	11 к.
Итого .	35 р.	11 к.

5. *Молотьба, сортировка, сушка, ссыпка въ амбаръ и проч.*

Рабочихъ 184 чел. . .	55 р.	20 к.
Итого .	55 р.	20 к.

Итого расходъ на яровой клинъ выразится въ 215 р. 8 к.

Доходъ отъ ярового клина:

1) Зерна 700 п. . .	350 р.	— к.
2) Соломы 560 п. . .	84 »	— »
3) Мякины 145 п. . .	21 »	75 »
Итого .	455 р.	75 к.

Чистый доходъ съ ярового клина 240 р. 67 к.

Чистый доходъ съ полеводства:

1) Затрачено всего на обработку полевыхъ клиньевъ. . . .	2,661 р.	97 к.
2) Получено валового дохода отъ полеводства	3,934 р.	60 к.
Итого .	3,934 р.	60 к.
Чистый доходъ	*1,272 р.*	*63 к.*
Одна десятина приноситъ дохода .	15 р.	15 к.

Луговодство.

Подъ естественными лугами въ хозяйствѣ находится 53 десятины 1,800 саженъ.

1. Скосить:

рабочихъ 108 чел. . . . 32 р. 40 к.

2. Ворошить, сушить и сгребать:

Женщинъ 216 чел. . . . 54 р.

3. *Свозка, укладка въ скирды или въ пуни:*

a) Рабочихъ 81 ч. . . . 24 р. 30 к.

b) Лошадей 81 шт. . . 17 р. 1 к

Итого . 41 р. 31 к.

4. Рента за землю 530 рублей.

Всего расходъ по луговодству выразится въ 657 р. 71 к.

Доходъ отъ луга:

Сѣна 8,100 пудовъ . . 1,620 р. — к.

Чистый доходъ . . . 962 р. 29 к.

Скотоводство.

Скотъ въ хозяйствѣ содержится съ исключительной цѣлью полученія навоза для удобренія полей (условно убыточный скотъ). Каждый годъ согласно сѣвообороту должно быть удобрено 28 десят.; считая 200 пуд. на десят., необходимо навозу 56,000 пуд. Производить такое количество навоза въ хозяйствѣ слишкомъ убыточно, такъ какъ требуетъ 1) одновременныхъ затратъ на увеличеніе условно убыточнаго скота и 2) на содержаніе его; а потому для избѣжанія того и другого необходимо прибѣгнуть къ минеральнымъ удобреніямъ, болѣе дешевымъ, чѣмъ навозъ.

Въ настоящее время въ хозяйствѣ имѣется 70 шт. рогатаго скота, свиней 25 шт. (Лошадиный навозъ не входитъ въ счетъ, такъ какъ онъ цѣликомъ поступаетъ въ огородную культуру). Означенное количество рогатаго скота недостаточно и необходимо увеличить въ хозяйствѣ скота до 100 шт., отъ которыхъ получится навоза приблизительно 33,000 пудовъ;

для удобренія всѣхъ 28 десят. 23,000 пуд. не хватитъ. Эти 23,000 пуд. навоза можно замѣнить искусственными удобреніями, напр. фосфоритами, которыхъ потребуется на десятину (считая фосфориты 18°/₀ фосфорной кислоты) 30 пуд., что составитъ 360 пудовъ.

100 шт. рогатаго скота распредѣлятся такимъ образомъ:

Быковъ	2 шт.
Коровъ дойн. . . .	60 »
Молодняка.	38 »
Итого .	100 шт.

Расходъ на содержаніе скота:

1. *Кормленіе:*

Сѣна . .	7,900 п.	1,580 р.	— к.
Соломы яр.	1,350 п.	202 »	50 »
Мякины .	1,350 п.	202 »	50 »
Соли . .	19 п. 24 ф. .	6 »	85 »
Соломы оз. для подст.	2,500 п.	250 »	— »
	Итого .	2,241 р.	85 к.

2) *По уходу:*

Молочница 1 чел. . . .	120 р.	— к.
Скотникъ 1 чел. . . .	70 »	— »
Пастухи 2 чел. . . .	120 »	— »
Итого .	310 р.	— к.
Всего расхода .	*2,551 р.*	*85 к.*

Приходъ отъ скотнаго двора:

Приплодъ 40 шт.	120 р.
Молока	1,440 »
Итого .	1,560 р.

Расходъ превышаетъ приходъ на 991 р. 85 к.; сумма эта собственно и будетъ составлять стоимость производства 33,000 пуд. навоза, откуда 1 пудъ навоза будетъ стоить 3 к.

Рабочія лошади — 30 шт.

Расходъ:

Овса	300 п.		150 р.
Сѣна	2,900 п.		580 »
Соломы яр.	540 п.		81 »
Соли	3 п.		1 »
Соломы оз. на подстилку	540 п.	.	54 »
		Итого .	866 р.

Приходъ.

Рабочихъ дней 4.000, которые будутъ стоить 866 р., т. е. сумму содержанія лошадей, откуда рабочій день лошади равенъ $21^{13}/_{20}$ коп.

Средняя стоимость производства главнѣйшихъ растеній за 10 лѣтъ на 1 десятину.

	Пшеница озимая.		Рожь.			Рапсъ озимый.		Овесъ.		Пшеница яровая.		Ячмень.			Кукуруза.			Свекловица.	
	Руб.	К.	Руб.	К.		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.		Руб.	К.		Руб.	К.
Вспашка	5	86	5	93		6	15	5	32	5	89	5	13		5	38		8	09
Посѣвъ и задѣлка	2	80	1	72		—	53	2	49	2	20	2	28		1	96		1	87
Сѣмена и подвозка	8	86	5	06		1	10	5	39	6	70	6	86		1	21		6	29
Полка	—	21	—	—		—	87	—	—	—	49	—	—	Шаровка.	4	81		10	94
Уборка и перевозка	8	01	7	62		6	57	6	58	7	54	5	81		6	30	Копка.	10	65
Молотьба и очистка	4	71	5	07		6	75	3	56	3	91	3	27		2	36		—	—
Страхованіе	—	78	—	30	Удобреніе.	14	27	—	29	—	29	—	31		—	—		—	—
Расходы по продажѣ	—	97	—	27		—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	Доставка на заводъ.	22	88
Накладные расходы	10	74	10	12		10	12	10	12	10	12	10	12		10	12		13	03
ВСЕГО	42	94	36	09		46	36	33	75	37	14	33	78		32	14		73	75

Урожаи и доходность главнѣйшихъ растеній на 1 десятину.

Годы.	Пшеница озимая. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.	Рожь. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.
1886	41	63	57	60	62	18,19	—	40	01	59	38	30	—	1,71
1887	42	27	147	124	49	82,22	—	33	11	67	34	67	1,56	—
1888	52	11	173	136	19	84,08	—	47	20	196	98	04	50,84	—
1889	34	44	54	43	79	9,35	—	30	23	83	41	19	10,96	—
1890	42	62	88	65	20	22,58	—	32	83	113	58	73	25,90	—
1891	32	48	64	71	91	39,34	—	25	02	71	77	45	52,43	—
1892	32	54	26	25	47	—	7,07	35	28	53	44	89	9,61	—
1893	44	41	91	71	52	27,11	—	35	30	140	71	12	35,82	—
1894	66	59	123	63	36	—	3,23	45	91	107	50	59	4,68	—
1895	40	25	125	70	32	30,7	—	35	96	172	67	37	31,41	—
Среднее за 10 лѣтъ.	42	93	94	73	28	30,35	—	36	09	106	58	23	22,14	—
Средняя стоимость производства 1-го пуда.	—	45,7	—	—	—	—	—	—	34	—	—	—	—	—

Годы.	Пшеница яровая. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.	Ячмень. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.
1886	30	05	19	18	59	—	11,46	22	68	29	19	57	—	3,11
1887	33	95	110	93	50	59,55	—	36	36	118	57	50	21,14	—
1888	50	13	82	61	74	11,61	—	28	94	100	46	50	17,56	—
1889	36	01	45	36	53	52	—	31	36	73	38	09	6,73	—
1890	37	79	33	25	06	—	12,73	32	93	77	39	50	6,57	—
1891	24	37	15	20	91	—	3,46	24	76	35	28	95	4,19	—
1892	33	81	53	51	86	18,05	—	28	03	44	37	55	9,52	—
1893	44	35	85	64	13	19,78	—	65	12	149	126	09	60,97	—
1894	41	88	73	46	03	4,15	—	н	е	б	ы	л	о	—
1895	39	10	109	62	32	23,22	—	33	91	138	71	05	37,14	—
Среднее за 10 лѣтъ.	37	14	62	4 8	06	10,92	—	33	78	85	51	64	17,85	—
Средняя стоимость производства 1-го пуда.	—	60	—	—	—	—	—	—	39,7	—	—	—	—	—

Годы.	Кукуруза. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.	Свекловица. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.
1886	27	79	147	72	88	45,09	—	98	73	1580	158	74	65,01	—
1887	34	68	141	70	90	36,22	—	72	—	1341	124	36	52,36	—
1888	34	29	109	54	78	20,49	—	65	90	1141	100	83	43,93	—
1889	37	46	93	46	69	9,23	—	80	16	1786	138	26	58,10	—
1890	39	85	162	62	46	23,11	—	73	54	1596	139	81	66,27	—
1891	25	49	155	112	—	86,51	—	60	88	907	88	87	27,99	—
1892	30	40	138	75	57	45,17	—	62	02	1111	107	89	45,81	-
1893	31	15	160	48	51	17,36	—	85	95	1476	155	16	69,22	—
1894	38	24	119	53	33	15,09	—	81	22	1278	135	28	54,06	—
1895	22	62	78	30	51	7,89	—	62	16	1181	116	77	54,61	—
Среднее за 10 лѣтъ.	32	14	130	62	76	30,61	—	73	75	1340	127	50	53	74
Средняя стоимость производства 1-го пуда.	—	24,7	—	—	—	—	—	—	5,5	—	—	—	—	—

Годы.	Рапсъ озимый. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.	Овесъ. Расходъ. Р.	К.	Урожай. П.	Стоимость урожая. Р.	К.	Прибыль.	Убытокъ.
1886	37	89	10	10	—	—	27,89	36	81	52	32	22	—	3,59
1887	43	47	69	72	45	29,08	—	34	72	109	46	94	12,22	—
1888	42	14	18	21	84	—	20,30	32	59	98	42	20	9,61	—
1889	28	19	12	14	20	—	13,99	30	40	55	39	44	9,04	—
1890	60	44	57	60	23	—	21	35	82	63	34	44	—	1,38
1891	39	99	19	28	03	—	11,96	30	64	80	54	99	24,35	—
1892	36	19	10	13	88	—	22,31	27	41	32	22	61	—	4,80
1893	51	74	21	32	47	—	19,27	39	61	118	64	94	25,33	—
1894	54	94	89	88	45	33,51	—	35	49	55	23	31	—	12,18
1895	68	72	143	143	31	74,59	—	34	04	110	46	97	12,93	—
Среднее за 10 лѣтъ.	46	36	44,8	48	49	2,13	—	33	75	66	40	90	7,15	—
Средняя стоимость производства 1-го пуда.	1	03	—	—	—	—	—	—	50,1	—	—	—	—	—

ГЛАВА V.

Мой пессимистическій взглядъ на условія землевладѣнія и жизни крестьянъ, конечно, не понравится нашимъ народникамъ, надѣющимся на то, что это состояніе переходное, и что съ распространеніемъ грамотности и гражданственности эти неблагопріятныя проявленія пропадутъ, и землевладѣніе, перейдя въ непосредственныя руки рабочаго класса, удержится въ этомъ видѣ на долгое время, внеся въ среду его всѣ элементы, необходимые для счастья и благоденствія землевладѣльца. Такая утопія раскрыта самымъ убѣдительнымъ образомъ г. А. Е. Оболенскимъ въ статьѣ «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи» («Русская Мысль» за августъ и сентябрь мѣсяцы 1895 г.). «Я думаю, говоритъ г. Оболенскій, что народники-идеалисты ошибаются именно въ томъ, въ чемъ ихъ меньше всего упрекаетъ г. Бельтовъ: видя, какъ медленно развивается капитализмъ въ Россіи, они приходятъ къ крайности, противуположной той, въ какую впадаетъ г. Бельтовъ: они думаютъ, что русская экономическая жизнь не только сопротивляется капитализаціи, но ведетъ съ нею прямую, созидающую борьбу изъ нѣдръ народа, т. е. развиваетъ свои исконныя начала, а потому можетъ даже восторжествовать надъ капитализмомъ, помимо чьихъ-либо усилій».

Вредъ подобнаго воззрѣнія обнаруживается, во-первыхъ, въ снисходительномъ отношеніи общества къ тѣмъ ненормальностямъ и безобразіямъ, какія наблюдаются во взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, а во-вторыхъ, въ тѣхъ ложныхъ упованіяхъ, какія возлагаются не на дружную и совмѣстную дѣятельность всѣхъ сознательныхъ элементовъ общества, а на несуществующіе въ народѣ особые законы производства. Чтобы доказать фактически, что никакія мѣры, принимаемыя экономистами и народниками, не могутъ разрѣшить, при настоящихъ условіяхъ, вопроса объ улучшеніи благосостоянія землевладѣльцевъ-крестьянъ, обратимся къ «Очеркамъ провинціальной жизни» г. Иванюкова,

этого выдающагося публициста «Русской Мысли» (ноябрь 1895 г.). «Обозрѣвая въ ноябрской книжкѣ за 1895 г. двадцатипятилѣтнюю дѣятельность Полтавскаго земства, мы видѣли, говоритъ г. Иванюковъ, что ни въ одной сферѣ своей дѣятельности Полтавское земство не возбуждало и не обсуждало столько вопросовъ, не предпринимало такого значительнаго количества мѣропріятій, какъ въ сферѣ экономической. Цѣлая система мѣръ была выработана земствомъ для улучшенія экономическаго положенія населенія. Отправляясь отъ точнаго знанія быта и нуждъ населенія, земская мысль работала надъ улучшеніемъ организаціи продовольственнаго дѣла, надъ устройствомъ мелкаго сельскаго кредита, надъ учрежденіемъ банка, облегчающаго малоземельнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе земли, надъ устраненіемъ цѣлой кучи посредниковъ въ торговлѣ хлѣбомъ, надъ упорядоченіемъ провоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ, надъ усовершенствованіемъ ремесленной и кустарной промышленности путемъ устройства профессіональныхъ школъ, надъ упорядоченіемъ массоваго движенія рабочихъ на заработки въ южныя и юго-восточныя губерніи, надъ поднятіемъ интенсивности земельнаго труда путемъ устройства опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, надъ устраненіемъ законодательныхъ мѣръ, препятствующихъ развитію табаководства, надъ мѣрами къ развитію лѣсонасажденій, имѣющихъ огромное значеніе въ экономическомъ и климатическомъ отношеніяхъ въ такой безлѣсной губерніи, какъ Полтавская, надъ мѣрами къ развитію скотоводства, коневодства, овцеводства и еще надъ другими задачами. Такъ многообразна была экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. И вотъ эта многообразная, устойчивая и, надо сказать, умѣлая работа земства, все-таки, не достигла того, чтобы улучшить экономическое положеніе мѣстнаго сельскаго населенія».

Эта выписка даетъ мнѣ право утверждать, что при настоящихъ условіяхъ самыя разнообразныя мѣропріятія не приводятъ къ желанному результату—улучшенію быта крестьянскаго общества. Я уже высказалась, что для достиженія желанной цѣли необходима коренная реформа нашей обществен-

ной жизни, реформа, находящаяся въ рукахъ интеллигенціи и просвѣщеннаго правительства и доступная для всякой семьи, проникнувшейся сознаніемъ ненормальности существующихъ условій нашей общественной и экономической жизни. Разслѣдуя существующія причины народной нищеты, г. Арсеньевъ въ статьѣ своей «Въ сельскохозяйственной рабочей колоніи» («Наблюдатель» за 1895 г. № 8) между прочими причинами усиленія нищеты указываетъ на пьянство и лѣность, какъ на общую причину; спеціально для нашего отечества останавливается на семейныхъ разладахъ, отхожихъ промыслахъ, переселеніяхъ, пожарахъ, податяхъ, продажахъ скота, воинской повинности, отсутствіи сбереженій на черный день... Въ этихъ перечисленіяхъ легко обнаружить пропуски существенныхъ причинъ нищеты: не ссылаются, напримѣръ, на недостаточность надѣловъ, на умственную и нравственную темноту народа, на которую указывалъ еще Песталлоци, требуя, для поднятія народнаго благосостоянія, образованія и улучшенія его нравственности. Нравственность предписываетъ намъ наша религія, но кто въ наше время слѣдуетъ ея указаніямъ, а крестьяне тѣмъ менѣе, да притомъ какъ ни далекъ народъ отъ интеллигенціи, всѣ порочныя стороны ея онъ уже началъ усваивать, между тѣмъ какъ хорошія стороны цивилизаціи остаются для него недоступными по недостатку развитія. А потому въ настоящее время народъ и интеллигенція представляютъ собою во многихъ отношеніяхъ два полюса, отрицающихъ другъ друга и могущихъ слиться только черезъ посредство современныхъ интеллигентныхъ піонеровъ-колонистовъ и будущихъ культурныхъ колоній, въ которыхъ воспитаніе и гражданственность дополнятъ то, чего каждому изъ полюсовъ недостаетъ: народу, гибнувшему подъ тяжестью непосильнаго физическаго труда и нищеты, — умственнаго свѣта и достатка, а интеллигенціи — физическаго труда и упрощенія жизни, а тому и другому вмѣстѣ — нравственной и общественной добродѣтели, указываемой христіанской и философской этикой, для развитія которой у насъ пока такъ мало шансовъ. Ученіе Шопенгауера о неизмѣняемости характера, по мнѣнію Фулье, приводитъ къ отрицанію пользы прав-

*

ственности, отрицанію, проповѣдуемому Ницше, между тѣмъ какъ Фулье доказываетъ, что она нужна всѣмъ, и что самое широкое пониманіе нравственныхъ и соціальныхъ вопросовъ, способствуя постоянной эволюціи характера, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и расъ, содѣйствуетъ въ то же время и все возрастающему прогрессу самой нравственности... (Альфредъ Фулье «Темпераментъ и характеръ», стр. 12).

Здѣсь умѣстно будетъ напомнить условія развитія личности и общества. Хотя нѣтъ никакого основанія, подобно Дреперу, уподоблять государство организму, тѣмъ не менѣе существуетъ глубокая аналогія въ развитіи личности и общества. «Нашъ характеръ, по словамъ Фулье, образуется изъ послѣдовательныхъ наслоеній. Первое изъ нихъ обязано своимъ происхожденіемъ расѣ, второе основному дѣленію на полы... Затѣмъ послѣднее наслоеніе является слѣдствіемъ личнаго сложенія даннаго субъекта и собственнаго его темперамента».

Вотъ условія, вліяющія на врожденный характеръ, который въ свою очередь становится исходной точкой для развитія такъ называемаго пріобрѣтеннаго характера, образующагося пассивно, подъ внѣшнимъ вліяніемъ природы или общества и активно черезъ воздѣйствіе ума и воли на природныя свойства.

Возникновенію первоначальнаго нравственнаго состоянія, т. е. такого, которое не зависитъ отъ воли субъекта, содѣйствуютъ, по словамъ Тэна, также три различныхъ источника: раса, среда и моментъ. Подъ словомъ «раса» разумѣется врожденное наслѣдственное предрасположеніе, которое человѣкъ вноситъ съ собою въ міръ, и источникъ этого предрасположенія—свойства и источникъ цѣлаго племени или націи. Среда — вліяніе климата, почвы, политическихъ условій. Моментъ—извѣстная историческая эпоха. Вотъ программа того, что слѣдовало бы теперь разобрать въ смыслѣ причинъ, прежде чѣмъ сообщать мою мечту объ улучшеніи жизни и нравственности молодого поколѣнія. Но задаваться историко-экономическими изслѣдованіями мнѣ не подъ силу; къ тому же задача эта не входитъ въ планъ моей работы; я желаю здѣсь

указать только, какіе элементы, входящіе въ понятія — раса, среда и моментъ, мною будутъ разсмотрѣны для выясненія неблагопріятныхъ условій развитія нравственности и необходимы для обоснованія плана моей мечты. Матеріаломъ мнѣ послужатъ условія семейнаго быта различныхъ классовъ русскаго общества.

Появившаяся въ русскомъ переводѣ работа Ф. Энгельса «Происхожденіе семьи и государства» (изд. 18) поможетъ мнѣ оріентироваться въ интересующемъ меня вопросѣ. Было бы серьезнымъ упущеніемъ пропагандировать обновленіе нравственности народа и будущаго общества, не обосновавъ вопроса историческими данными, имѣющимися подъ руками... Разработку этихъ данныхъ Энгельсъ приписываетъ Баховену, открывшему материнское право наслѣдства и первоначальную форму брака группами, Моргону, описавшему строй первобытнаго общества, и Леббоку, изслѣдовавшему колыбель цивилизаціи. Эти изслѣдованія могли бы дать отвѣтъ на многіе вопросы. Многочисленные противники цивилизаціи, считая варварство за низшую форму человѣческаго общества, проповѣдуютъ опрощеніе, которому нельзя предвидѣть конца, такъ какъ варварству предшествовала дикость въ формѣ различныхъ доисторическихъ ступеней культуры. Разнообразіе этихъ ступеней культуры опредѣляется способами пропитанія и постепеннымъ переходомъ групповаго брака и свободнаго общенія половъ въ единобрачіе, т. е. гетеризма въ моногамію и материнскаго права въ отцовское или патріархальное. Средняя ступень дикости начинается съ употребленія въ пищу рыбы, раковъ и т. п. водяныхъ животныхъ и обладаніемъ огнемъ, доставившимъ человѣчеству новый родъ пищи; съ огнемъ получилась возможность человѣку жить въ умѣренномъ климатѣ; на этой же ступени развитія существовало людоѣдство. Представителями этой ступени развитія и по сіе время служатъ жители Австраліи и части Полинезіи, а слѣды людоѣдства и человѣческихъ жертвъ существуютъ и по сіе время въ средѣ инородцевъ и преступниковъ. Высшая ступень дикости начинается съ пріобрѣтеніемъ каменныхъ орудій—лука и стрѣлы, деревянной посуды и утвари. Введеніемъ въ употребленіе глиняной

посуды, прирученіемъ и разведеніемъ животныхъ и культурою хлѣбныхъ растеній, характеризуется періодъ варварства. Возможность пріобрѣтенія собственности оказала вліяніе на переходъ материнскаго права къ праву отца. Богатство стадъ стало принадлежать роду, но уже очень скоро должна была развиться частная собственность по отношенію къ стадамъ и рабамъ, ибо къ этому времени относится появленіе рабства и класса завоевателей. Въ групповомъ и парномъ бракахъ наслѣдство послѣ отца переходило не къ его женѣ и дѣтямъ, а въ его родъ, т. е. его братьямъ, сестрамъ и племянникамъ, благодаря чему парный бракъ ввелъ въ семью новый элементъ: кромѣ родной матери, далъ родного отца, послѣ котораго наслѣдство шло уже сыновьямъ, но не дочерямъ, которыя выходили замужъ въ другой родъ. Это сохранилось и у насъ въ деревнѣ; сколько бы дѣвушка ни работала въ семьѣ, подъ старость она можетъ остаться безъ угла. Лѣтопись застаетъ доисторическіе народы, заселившіе славянскія земли, уже на высшей ступени варварства, граничащаго съ цивилизаціей. С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» приводитъ миѳъ о происхожденіи скиѳовъ, сложившійся у Понтійскихъ грековъ, не въ пользу народовъ, которыхъ замѣнили впослѣдствіи славяне. Въ немъ говорится, что скиѳы произошли отъ брака ехидны, полуженщины, полузмѣи, съ Геркулесомъ, принужденнымъ на связь съ нею. О скиѳахъ мы встрѣчаемъ у писателей противуположныя мнѣнія. Одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ людоѣдовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неиспорченность ихъ нравовъ и довольство малымъ (Соловьевъ, т. I, стр. 37 — 38). Эти противоположности типовъ въ русскомъ народѣ и до сихъ поръ поражаютъ насъ, такъ какъ въ средѣ посредственности встрѣчаются богатыя натуры, которыя своими достоинствами какъ бы пополняютъ недостатки другихъ. Природа и климатъ не благопріятствуютъ улучшенію нравовъ нашего народа. Г. Соловьевъ говоритъ: «Среди природы небогатой, однообразной и потому невеселой, въ климатѣ относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практиче-

скаго, чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному: стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, и все это вмѣстѣ, безъ другихъ посторонних вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ, что, разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ». Исторія изобилуетъ фактами не въ пользу нравовъ народа. Въ доисторическую эпоху славяне уже обладали патріархальной общиной. М. Ковалевскій доказалъ, что сербская и болгарская задруга или братство и та, которая нѣсколько видоизмѣнилась у восточныхъ народовъ, представляетъ переходную ступень между развившейся изъ группового брака патріархальной семьей и новой семьей, давшей единоличное семейное право. Южнославянская задруга обнимаетъ потомковъ поколѣній одного отца съ ихъ женами, которые живутъ всѣ на одномъ дворѣ, сообща обработываютъ свои поля, питаются и одѣваются изъ общаго запаса и сообща владѣютъ избыткомъ заработковъ. Община состоитъ подъ верховнымъ управленіемъ домохозяина. Только десять лѣтъ тому назадъ было доказано М. Ковалевскимъ существованіе такихъ большихъ семейныхъ общинъ также и въ Россіи; онѣ теперь всюду признаются такъ же сильно коренящимися въ русскомъ народномъ обычаѣ, какъ и деревенская община. Энгельсъ принимаетъ такую общину за переходную ступень отъ материнскаго права къ индивидуальной семьѣ, отъ патріархальной общины къ деревенской общинѣ съ индивидуальной обработкой земли и сначала періодическимъ, а затѣмъ съ окончательнымъ раздѣломъ пахотной и луговой земель. (Энгельсъ, стр. 43). Относительно семейной жизни внутри этой домашней общины нужно замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, о главахъ семей идетъ молва, что они сильно злоупотребляютъ своимъ положеніемъ по отношенію къ женамъ младшаго поколѣнія и часто образуютъ изъ нихъ себѣ гаремъ, о чемъ довольно краснорѣчиво говорятъ народныя пѣсни. (Стр. 45). Элементы врожденнаго предрасположенія, унаслѣдованнаго

современнымъ крестьянствомъ отъ доисторической семьи, недостаточно смягчены цивилизацiей даже въ настоящее время, чему доказательствомъ можетъ служить существованiе въ деревенскихъ семьяхъ снохачей, т. е. стариковъ, не могущихъ отказаться отъ обычая парныхъ браковъ. Ближе ознакомившись съ крестьянами, найдешь еще больше дикости. Извѣстная драма гр. Толстого «Власть тьмы» обрисовываетъ современные нравы крестьянъ. Причинъ долгаго удержанiя въ народѣ такой дикости нужно искать, помимо указанныхъ неблагопрiятныхъ условiй, въ татарскомъ игѣ и въ долгомъ существованiи крѣпостного права.

Характерныя черты этихъ эпохъ общеизвѣстны, въ семейной же жизни низшихъ классовъ руководствуются и по сiе время традицiями Домостроя, проявляющимися главнымъ образомъ въ деспотизмѣ главы семейства, простирающемся какъ на малолѣтнихъ, такъ и на совершеннолѣтнихъ членовъ семьи. Какъ самъ отецъ не проявлялъ воли въ выборѣ себѣ жены, такъ и дѣти вполнѣ подчинялись волѣ и вкусу родителя; какъ его самого уродовала грубая и пьяная отцовская рука, такъ и самъ онъ, издѣваясь надъ женою въ пьяномъ видѣ, истомленный работой, съ помыслами, направленными къ удовлетворенiю, путемъ хитрости и плутовства, самыхъ насущныхъ потребностей, потому что другихъ способовъ къ удовлетворенiю своихъ потребностей у него не было, зарождалъ новое поколѣнiе отъ матери, которая, показывая любовь и ласку изъ страха къ тирану мужу, переносила всякiя мученiя и лишенiя въ перiодъ своей беременности, что должно было такъ же неблагопрiятно влiять на вновь зарождающееся поколѣнiе. Эти неблагопрiятныя условiя рожденiя ребенка вносятъ съ собою въ мiръ источникъ предрасположенiя, обусловливающаго характеръ расы подъ влiянiемъ среды. Всѣ эти нежелаемыя свойства врожденныхъ чертъ зарождающагося характера могли бы быть ослаблены условiями хорошаго воспитанiя и гражданственности, но за недостаткомъ времени, навыка и умѣнья воспитывать крестьянскiя дѣти предоставляются влiянiю сверстниковъ и среды. Если въ деревнѣ преобладаютъ болѣе хорошiе элементы нравственности, то дѣти вырастаютъ поря-

дочными. При отсутствіи же этихъ благопріятныхъ условій, воспитаніемъ ребенка руководитъ природа да родительская грубость, воспитывающая подъ сердитую или пьяную руку, при полномъ отсутствіи религіознаго и нравственнаго вліянія, такъ что у молодыхъ людей нѣтъ почти никакой идеи о добрѣ и злѣ, а нравственность губится цинизмомъ родителей, пороками ихъ и преступленіями, порождаемыми нищетой и умственною убогостью. Само собою понятно, что въ деревняхъ, которыя обставлены болѣе благопріятно въ нравственномъ отношеніи, находятся вдали отъ городовъ, промышленныхъ и фабричныхъ селеній, представляющихъ въ настоящее время центръ разврата, и отдѣлены отъ такихъ центровъ тѣми или другими естественными препятствіями, напр. рѣкой, деревенская среда представляетъ пока болѣе отрадную семейную картину крестьянской жизни. Но и въ этой отрадной картинѣ желательно многое измѣнить.

Элементы врожденнаго наслѣдственнаго расположенія крестьянства, внося расовыя особенности и въ классъ служилыхъ людей, видоизмѣняются нѣсколько подъ вліяніемъ ближайшихъ интересовъ этихъ классовъ. Въ семьѣ кулака, будь то крестьянинъ, купецъ или представитель средняго класса, отсутствуетъ развитіе человѣчности, весь интересъ семьи отъ мала до велика сосредоточивается въ наживѣ; все благополучіе семьи въ ущербъ здоровью и воспитанію сводится на выгоду предпріятій и торговыхъ оборотовъ. Характерныя черты этого сорта людей мало въ чемъ измѣнились сравнительно съ прошлыми столѣтіями, а потому я ограничусь приведеніемъ отзыва иностранца-современника Марпергера.

Вотъ какого рода предостереженія даетъ Марпергеръ лицамъ, желающимъ вести торговлю съ Москвою. «Необходимо, однако, какъ уже было упомянуто выше, быть очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ русскими, ибо они обнаруживаютъ въ куплѣ и продажѣ большую хитрость и ловкость. Мы не хотимъ, впрочемъ, оговаривается авторъ, согласиться съ тѣмъ, что о нихъ сообщаетъ Олеарій на страницѣ 186 третьей книги своего «Персидскаго путешествія», а именно, что они очень коварны, упрямы и безсовѣстны и часто берутъ

силою то, чего не могутъ взять по праву; но несомнѣнно одно: кто хочетъ русскаго обмануть, тотъ долженъ рано встать... Вообще русскіе правды не чтутъ, а нѣкоторые изъ нихъ весьма легко прибѣгаютъ ко лжи, хотя большею частью и не обижаются, когда имъ объ этомъ замѣтятъ, т. е. выразятъ недовѣріе, такъ какъ, будучи, въ свою очередь, очень подозрительны, они рѣдко другимъ даютъ вѣру, а, напротивъ, даже восхваляютъ и берутъ себѣ въ образецъ того человѣка, который сумѣетъ ихъ ловко обмануть и провести (Ив. Янжулъ, «Русская Старина», 1896 г. № 5, стр. 437).

Мы привыкли къ грубости семейныхъ отношеній этого класса, которыя иностранцамъ кажутся ужасными. Графъ Сегюръ, въ 1807 году находясь въ Россіи плѣннымъ, характеризуя грубость нравовъ и неразвитіе русскихъ, описываетъ, какъ онъ былъ пораженъ фактомъ, что его гостепріимный и любезный хозяинъ, богатый купецъ, почти каждый вечеръ возвращался пьяный, поднималъ ужасную бурю, билъ жену, дрался, пока въ изнеможеніи не засыпалъ («Вѣстн. Иностр. Литературы», мартъ, 1895 г.). Но кто изъ насъ не знаетъ о подобныхъ заурядныхъ фактахъ въ русскомъ быту.

Г. Далинъ въ своей книгѣ «Не сказки» приводитъ ихъ много изъ судебной хроники. Неуваженіе къ женщинѣ есть характерная черта русскихъ, служащая доказательствомъ низкой ступени ихъ развитія. О воспитательномъ значеніи такихъ семей на молодое поколѣніе нечего и говорить. Хотя недавнія описанія безобразій торговаго люда на Нижегородской ярмаркѣ въ какихъ-то вертепахъ не говорятъ о повышеніи нравственности и значительномъ пониженіи хищническихъ инстинктовъ русскаго торгово-промышленнаго класса, содержателей ресторановъ и другихъ предпринимателей и дѣятелей ярмарки, тѣмъ не менѣе цивилизація наложила узду на кулачество, и, благодаря интеллигентнымъ чувствамъ представителей значительной части лучшихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, явившихся экспонентами на выставку, получилась возможность русскому обществу ознакомиться съ прогрессомъ техники и образованія.

Это вліяніе цивилизаціи еще рѣзче выражается на пере-

работкѣ врожденнаго наслѣдственнаго расположенія интеллигентнаго класса общества, представителемъ котораго слѣдуетъ принять семью изъ средняго класса, которая по безправію въ немъ женщины также не очень далеко ушла отъ грубой крестьянской семьи. А потому изложеніе строя семьи невозможно отдѣлить отъ описанія положенія женщины въ семьѣ и обществѣ.

Тремъ главнымъ стадіямъ развитія человѣчества, дикости, варварству и цивилизаціи, соотвѣтствуютъ три формы брака: групповой бракъ, парный и моногамный (единобрачіе). Пока происхожденіе считалось по женской линіи, имущество отца не переходило къ его дѣтямъ, и только съ преобладаніемъ отцовскихъ правъ перемѣнился порядокъ наслѣдства, и матріархальная семья переходитъ въ патріархальную, характеризуемую не столько многоженствомъ главы семьи, сколько организацієй нѣкотораго числа свободныхъ и несвободныхъ лицъ въ одну семью, подъ отеческою властью главы семьи. (Энгельсъ, стр. 24). Типомъ такой семьи считается римская, въ которой глава семьи обладаетъ отеческою властью съ правомъ жизни и смерти надъ женой, дѣтьми и своими рабами. Эти права были даны для того, чтобы поставить внѣ сомнѣнія вѣрность жены, а, слѣдовательно, и происхожденіе дѣтей по отцу. Убивая жену, мужъ только пользуется своимъ правомъ. Даже въ болѣе строгой и суровой формѣ греческой семьи женщина героическаго періода хотя и находится въ большемъ почетѣ, чѣмъ женщины въ періодъ цивилизаціи, но для мужа она исключительно только мать его дѣтей наслѣдниковъ, его высшая домоправительница и начальница рабынь, которыхъ онъ по желанію можетъ дѣлать и, дѣйствительно, дѣлаетъ своими наложницами (Энгельсъ, стр. 47). Это варварство въ Россіи сохранилось во время крѣпостного права, а развѣ въ современномъ нашемъ бракѣ нѣтъ элементовъ варварства?

Западныя наши губерніи цивилизовались въ болѣе раннії историческій періодъ, сравнительно съ остальными частями государства, а потому я крайне была удивлена теперешнимъ положеніемъ женщины въ помѣщичьихъ семьяхъ этого края, напоминавшимъ мнѣ форму греческой семьи героическаго періода. Между тѣмъ на поднятіе умственнаго развитія и нравственности, какъ доказываетъ литература всѣхъ народовъ, огромное вліяніе оказываетъ женщина. Но чтобы вліяніе это было благотворно, необходимо ей самой обладать достаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, а для этого она должна пользоваться уваженіемъ и соотвѣтствующими правами въ семьѣ. Насколько современная интеллигентная семья ушла впередъ на пути гуманизма, сравнительно съ первобытной греческой, можно судить по

взгляду большинства современныхъ мужчинъ, схожему со взглядами аѳинянъ на женщину, какъ на вещь, нужную для заботъ о домѣ; кромѣ произведенія дѣтей, она имѣла назначеніе только, какъ высшая домовая служанка. Мужъ имѣлъ свои гимнастическія упражненія, свои общественныя собранія, изъ которыхъ жена была исключена; онъ, кромѣ того, часто имѣлъ въ своемъ распоряженіи рабынь и въ цвѣтущее время Аѳинъ широкую, покровительствуемую государствомъ, проституцію (Энгельсъ, стр. 49). Главнѣйшій шагъ впередъ въ развитіи единобрачія, несомнѣнно, произошелъ при появленіи германцевъ въ исторіи. При святости брака они довольствовались одной женой, жены ихъ были цѣломудренны и пользовались глубокимъ уваженіемъ и даже вліяніемъ въ общественныхъ дѣлахъ, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи къ власти мужчинъ при моногаміи. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи германцы привели къ господству совершенно новый элементъ. Новѣйшая моногамія, развившаяся на развалинахъ римскаго міра изъ смѣшенія народовъ, облекла власть мужчинъ въ болѣе мягкія формы и дала женщинамъ гораздо болѣе уважаемое и свободное положеніе, чѣмъ когда-либо въ классической древности. Только это одно дало возможность развиться изъ моногаміи новѣйшей индивидуальной половой любви, незнакомой всему прежнему міру (Энгельсъ, стр. 54).

Половая любовь лежитъ въ основѣ только тѣхъ браковъ, гдѣ устранены и всѣ основы классической моногаміи, гдѣ отсутствуетъ собственность, для сохраненія и передачи которой и была создана моногамія и власть мужа, гдѣ, слѣдовательно, отсутствуетъ и всякое стремленіе поддерживать эту власть. Тутъ дѣло рѣшается личными и общественными отношеніями. А съ тѣхъ поръ, какъ крупная промышленность перенесла женщину изъ дома на рабочій рынокъ и фабрику и часто дѣлаетъ ее кормилицей семьи, окончательно исчезла послѣдняя опора власти мужа въ хозяйствѣ пролетарія и сохранилась развѣ только въ видѣ не исчезнувшаго еще грубаго обращенія съ женой, всегда связаннаго съ моногаміей. Но это у германцевъ, у которыхъ и разводъ свободнѣе; у насъ же жена почти такая же раба, какъ и въ началѣ моногаміи, о чемъ я указываю въ „Вопросахъ этики современнаго брака“, и въ этомъ отношеніи мы стоимъ на очень низкой ступени развитія. Еще во времена римской имперіи германскій законъ былъ гуманнѣе нашего: тамъ мужъ имѣлъ право бить жену не болѣе одного раза за измѣну, иначе онъ подвергался наказанію, и за женой при разводѣ были большія преимущества (Энгельсъ, стр. 123). Въ нашемъ простонародіи за измѣну и добрачныя увлеченія мстятъ всю жизнь, и до сихъ поръ остались до-петровскіе порядки, въ силу которыхъ женщина не садится съ мужчинами, а имъ прислуживаетъ и, когда уже тѣ наѣдятся, доѣдаетъ остатки. Въ среднемъ классѣ развѣ только этотъ обычай для

женщинъ уничтожилъ Петръ Великій, и если ей не выпадетъ на долю быть женою одного изъ немногихъ развитыхъ интеллигентовъ, то условія ея жизни будутъ тѣ же, что въ моногамной семьѣ. Энгельсъ говоритъ, что у мужчинъ групповой бракъ продолжаетъ существовать до сихъ поръ. Что для жены преступно, то для мужа благородно или легкое нравственное пятно. Но чѣмъ болѣе старый гетеризмъ измѣняется въ наше время капиталистическимъ товарнымъ производствомъ и къ нему приспособляется, чѣмъ больше онъ обращается въ открытую проституцію, тѣмъ болѣе развращающе онъ дѣйствуетъ и развращаетъ гораздо болѣе мужчинъ (Энгельсъ, стр. 60). И вотъ съ такими-то развращенными мужчинами должно жить большинство женщинъ и производить отъ нихъ потомство, оставаясь въ полной зависимости отъ нихъ. Это-то и есть отчасти причина медленнаго развитія націи. Въ нашъ вѣкъ капитализаціи и варварства бракъ имѣетъ скорѣе форму сдѣлки, чѣмъ личнаго влеченія. Я не говорю объ идеальной любви, а только о половой, а послѣдняя составляетъ основу только тѣхъ браковъ, гдѣ, по словамъ Энгельса, какъ уже было сказано раньше, отсутствуетъ всякая собственность, для сохраненія и передачи которой и была создана власть мужа; разумный же бракъ можно встрѣтить изрѣдка въ семьѣ простолюдина и скорѣе еще въ высокой интеллигентной семьѣ.

Г. Щегловъ, авторъ «Исторіи соціальныхъ системъ», утверждаетъ, что до реформы Петра въ отношеніи чистоты семейныхъ нравовъ Россія представляла страну, недалеко отстоящую отъ христіанскаго идеала, а въ XVIII столѣтіи Россія не только не отстала въ развратѣ отъ Западной Европы, но ушла впередъ въ этомъ направленіи. Причину такого поворота авторъ цитаты ищетъ въ крѣпостномъ правѣ, оказавшемъ вредное вліяніе какъ на крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и на владѣльцевъ ихъ. Послѣ-петровская и по-реформенная Россія достаточно описана въ произведеніяхъ Кантемира, Фонвизина, Крылова, Гоголя, Островскаго, Щедрина, Успенскаго, Михайлова и другихъ представителей литературы послѣдняго столѣтія, о значеніи которыхъ можно сказать, перефразируя такъ слова Тургенева: «Для насъ это были болѣе чѣмъ простые писатели: они открыли намъ насъ самихъ». (Изъ писемъ Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. «Русская Мысль» № 6 за 1896 г.). Въ 3-й главѣ своей работы я говорила о бичахъ нашей общественной жизни, не дающихъ упо-

кою на Руси, повторять эти описанія я не буду, а обращусь къ объясненію причинъ такого обиднаго положенія нашего общества. Этихъ объясненій нужно искать въ средѣ, т. е. въ условіяхъ воспитанія, въ экономическомъ и соціальномъ строѣ жизни по-реформеннаго общества.

Извѣстно, какъ проводитъ жизнь семья изъ достаточнаго класса; она проживаетъ скопленное стариками богатство, прожигая жизнь. Здѣсь, какъ и въ другихъ классахъ общества, вы рѣдко встрѣтите согласіе въ современной семьѣ. Случай заставилъ встрѣтиться родителей, соединившихся или изъ разсчета, или потому, что пора пришла, и рѣдко по чувству и взаимной симпатіи.

Для поддержанія комфорта и открытой жизни нерѣдко въ большинствѣ недостаточно обезпеченныхъ семей мужъ съ утра до вечера хлопочетъ о заработкѣ средствъ, прибѣгая ко всѣмъ благовиднымъ, а часто и неблаговиднымъ формамъ вознагражденія и гешефтовъ. Жена и дѣти въ большинствѣ случаевъ не даютъ себѣ отчета, откуда являются средства, и потому живутъ выше средствъ. Есть немало и такихъ, которые вслѣдствіе скудности средствъ для открытой жизни живутъ на показъ, а для покрытія расходовъ скаредничаютъ, не доѣдаютъ, не допиваютъ, обсчитываютъ и всячески сокращаютъ будничные расходы, а для охраненія изящной обстановки квартиры держатъ дѣтей въ черномъ тѣлѣ, въ душной дѣтской комнатѣ. Послѣдствіями такихъ неблагопріятныхъ условій являются серьезные дѣтскіе недостатки и болѣзни, обусловливаемые невыгодными климатическими условіями, вліяющими на физическое и умственное развитіе ребенка. Всѣ эти выше сказанныя невзгоды могли бы быть въ значительной мѣрѣ сглажены хорошимъ домашнимъ воспитаніемъ, могущимъ сообщить ребенку здравыя нравственныя понятія и хорошія привычки; но большинство дѣтей воспитываетъ прислуга или наемныя лица, бонны и гувернантки, часто вовсе неподходящія для роли воспитательницъ, или наоборотъ, дѣти попадаютъ въ руки присяжныхъ фребеличекъ, извращающихъ дѣтскую натуру своими искусственными пріемами воспитанія и лишающихъ ихъ необходимой свободы дѣйствій и игръ, которыя вырабатываютъ

характеръ и общественность дѣтей. Да и большинство матерей не приготовлены для исполненія своихъ воспитательскихъ обязанностей. Видя только скаредность или безумную роскошь, дѣти съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ равнодушію, бездѣйствію, эгоизму, имъ никогда въ голову не придетъ раздѣлить трудъ съ другими членами семьи, а потому они не только не научаются уважать трудъ, но и не подозрѣваютъ всей тяжести его, а вмѣстѣ съ тѣмъ не получаютъ понятія о трудности добыванія средствъ къ пропитанію и потому относятся вполнѣ безучастно къ денежнымъ тратамъ и къ интересамъ семьи. Большинство родителей также безучастно относится къ жизни своихъ дѣтей, мало видится съ ними, не утруждаетъ себя желаніемъ спуститься въ дѣтскій міръ, заглянуть въ душу ребенка, для нихъ совершенно непонятную. Обязанностями своими они считаютъ заботиться о питаніи, прилично и, главное, чисто одѣть, научить внѣшнему приличію, немало стѣсняющему жизнь маленькихъ созданій. Нѣкоторые педагоги-родители утрируютъ свои заботы о воспитаніи и обученіи ребенка, начиная съ очень раннихъ лѣтъ; вмѣсто того, чтобы усиливать заботы объ образованіи характера, неумѣлые родители обезличиваютъ ребенка, заставляя жить на помочахъ и дѣйствовать подъ вліяніемъ внушенія. Вообще условія воспитанія въ интеллигентной семьѣ сложны и неестественны; подысканіе подходящихъ условій для воспитанія дѣтей составляетъ всеобщую мечту.

Настоящія условія воспитанія и обученія, помимо несовершенства пріемовъ и отсутствія принципа, предоставляютъ слишкомъ ничтожную гарантію въ охраненіи ребенка отъ дурного вліянія сильно распространяющагося безнравственнаго порока. Въ «Вопросахъ этики современнаго брака» я указывала вліяніе этого порока на душу ребенка и этотъ выводъ могу подтвердить указаніемъ ненормальностей въ поведеніи и характерѣ личностей, называемыхъ д-мъ Cullerе неуравновѣшенными. Нужно отличать нервность отъ неуравновѣшенности. Нормальный, хотя и нервный человѣкъ отличается требовательностью къ себѣ, а въ поступкахъ своихъ проявляетъ гармонію ума и сердца, выражающуюся высокою нравственностью

и чистотою жизни. Эти нравственныя качества отсутствуютъ у неуравновѣшенныхъ натуръ, хотя, по словамъ д-ра Cullere, эта неуравновѣшенность не мѣшаетъ имъ обладать громадными умственными способностями, быть замѣчательными учеными, великими артистами, выдающимися политиками: въ нихъ, въ этихъ типахъ, недостатокъ равновѣсія проявляется въ атрофированномъ или извращенномъ нравственномъ чувствѣ.

Нѣмецкій ученый, докторъ и спеціалистъ психологъ Шольцъ, описывая разнообразіе такихъ неуравновѣшенныхъ типовъ, говоритъ также, что ихъ уму недостаетъ силы и глубины. верхушки знаній они могутъ легко схватывать, но болѣе глубокія соображенія имъ недоступны. Высшая умственная дѣятельность у нихъ недоразвита. Несмотря на кажущуюся порядочность, имъ ничего не значитъ солгать, обмануть и совершить что либо безнравственное. Такіе типы чаще всего выходятъ изъ неудавшихся дѣтей порядочныхъ и зажиточныхъ семей. Женщины этого покроя отличаются легкомысліемъ, кокетствомъ и страстью къ нарядамъ. Но такъ какъ мужчины обращаютъ мало вниманія на развитіе женщинъ, то ими упускаются изъ виду и другія проявленія ненормальностей чувствъ и характера женщинъ. Д-ръ Шольцъ приписываетъ ненормальностямъ женщинъ меньшій вредъ, сравнительно съ мужчинами, потому что общество отъ нихъ меньше требуетъ; Но съ такимъ мнѣніемъ я не могу согласиться, потому что существованіе подобныхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ типовъ связывается съ недостатками ихъ нервной организаціи и измѣненіями въ строеніи мозга, обнаруживаемыми при вскрытіяхъ послѣ смерти, что и подтверждаетъ все мною сказанное о вліяніи порока на душу и умъ порочнаго субъекта.

До настоящаго времени на этотъ безнравственный порокъ не смотрятъ, какъ на главную причину неуравновѣшенности характера, между тѣмъ при небольшомъ вниманіи со стороны воспитателей и родителей легко замѣтить постепенное извращеніе характера и упадокъ умственныхъ способностей и силы воли у дѣтей, отличавшихся до порока порядочностью. Какъ только успѣютъ они ознакомиться съ грязью, то совершенно измѣняются нравственно, превращаясь въ какого-то хищника,

желающаго все разрушить, всякому устроить какія-либо страданія и съ какою-то особою страстностью стараются пріискивать случаи посвятить въ этотъ порокъ и развратить не только своихъ сверстниковъ, но и дѣтей меньшихъ лѣтъ.

Много горя приносится такими порочными дѣтьми, маленькими негодяями и хищниками, являющимися, въ свою очередь, жертвами неблагоустроенности общества. И много пройдетъ времени, пока большинство не проникнется убѣжденіемъ въ необходимости раскрытія этого порока у дѣтей, а не укрыванія ихъ дурныхъ проступковъ, способствующихъ развитію порока и порчѣ другихъ дѣтей, еще незнакомыхъ съ нимъ. Изъ сказаннаго мною не слѣдуетъ заключать, что я обрекаю порочныхъ дѣтей изгнанію и желаю лишить ихъ воспитанія. Оно имъ нужно, можетъ быть, болѣе, чѣмъ даже непорочнымъ, но для воспитанія такихъ дѣтей требуются особыя мѣры и спеціальныя заведенія. Если семьямъ не удастся излѣчить порока вполнѣ, то и ослабленіе его будетъ дѣйствовать уже благопріятно.

Въ крестьянской средѣ изъ лицъ, подверженныхъ пьянству, разврату и пороку, въ большинствѣ выходятъ преступники. Но, къ счастью, порокъ этотъ въ крестьянской жизни не имѣетъ такого распространенія и серьезныхъ послѣдствій, благодаря здоровой трудовой жизни дѣтей, не обремененныхъ чрезмѣрной школьной умственной работой и пользующихся всѣми прелестями жизни вблизи природы и на свободѣ, предотвращающей ихъ отъ ненормальныхъ наслажденій, какъ бы дополняющихъ то, что должны дать нормальныя условія жизни.

Въ крестьянской семьѣ сама жизнь покажетъ ребенку способъ добыванія средствъ, дастъ понятіе о тяжести труда и цѣнности денегъ, такъ какъ онъ часто помогаетъ родителямъ въ домѣ, въ полѣ и на гумнѣ; недостаетъ ему, конечно, воспитанности; въ большинствѣ же интеллигентныхъ семей ребенокъ растетъ, не видя нужды, не зная, какъ зарабатываютъ деньги; онъ только подмѣчаетъ, съ какою безпечностью тратятся деньги, и какое раболѣпство вызывается этими тратами среди окружающихъ лицъ, ставящихъ въ заслугу неразсчетливость и бросаніе денегъ. Все это пріучаетъ молодежь къ

расточительности, которая, растрачивая родительскіе рубли, гордится тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться. Удивительно-ли послѣ всего сказаннаго, что такіе птенцы, выпорхнувъ на свѣтъ, начинаютъ съ мотовства; незнакомые съ жизнью и трудомъ, они могутъ существовать только при обезпеченномъ положеніи, которымъ они часто не удовлетворяются, и безъ протекціи, оставленные своимъ собственнымъ силамъ, становятся вполнѣ неспособными и безсильными въ борьбѣ съ житейскими невзгодами.

Я описала уже въ первой главѣ своего труда судьбу молодыхъ людей въ періодъ ихъ школьной жизни, главная дѣятельность которой заключается въ накопленіи массы фактовъ, не подвергающихся у большинства учащихся никакой умственной переработкѣ, а потому и не дающихъ учащемуся навыка къ мышленію и критической оцѣнкѣ дѣлаемаго или читаемаго. Такая школьная подготовка не пріучаетъ ученика обсуждать ни своихъ дѣйствій, ни чужихъ мнѣній. Въ той же главѣ мною описано и положеніе молодого человѣка, окончившаго школу и принужденнаго искать себѣ занятій и средствъ къ существованію, причемъ большинство молодежи убѣждается въ томъ, какую малую цѣну представляетъ въ жизни все то, что даетъ имъ школа; твердость убѣжденій, правдивость, участливость, все это — качества, не находящія приложенія въ современномъ обществѣ, требующемъ отъ молодого человѣка богатства, угодничества, низкопоклонства, практичности и такта въ отношеніи лицъ, не заслуживающихъ уваженія.

Помимо указанныхъ мною недостатковъ въ воспитаніи деревенской и городской молодежи существуютъ и другія условія, отдаляющія наступленіе благопріятнаго историческаго момента. Если бы только молодые люди изъ интеллигентнаго класса становились неудачниками въ жизни, то можно было бы въ этомъ видѣть частное явленіе, а вѣдь тоже самое мы видимъ и въ средѣ молодежи торговаго и крестьянскаго обществъ: лучшія, симпатичныя качества молодыхъ людей мѣшаютъ имъ жить, — это злоба дня, это критическій моментъ, требующій капитальной реформы въ строѣ нашего общества. Умалчиваніе ничему не поможетъ, а только приведетъ къ кризису, ко-

тораго будетъ уже невозможно устранить. Честный, порядочный крестьянинъ не можетъ вести своего хозяйства: его жметъ сосѣдъ, кулакъ или пьяница и воръ, или мошка, блошка да третья вошка упокою не даютъ; землевладѣлецъ, употребившій свое скромное сбереженіе на покупку земли или на аренду, побившись нѣкоторое время, бросаетъ все или дѣлается спашникомъ либо батракомъ; но и тамъ хорошему человѣку житья нѣтъ, потому что большинство его собратій только и норовитъ, какъ бы что стащить да пропить; такъ же худо живется и торговцу, ведущему дѣла на чистоту: всякаго рода фальсификація и уловки дѣлаютъ торговлю невозможной; помѣщикъ, заводчикъ и фабрикантъ съ интеллигентными наклонностями при настоящихъ условіяхъ дѣлается жертвою кулака и недобросовѣстности рабочихъ и служащихъ. Однимъ словомъ, хорошему человѣку трудно живется на Руси. Такой взглядъ на нашу общественную жизнь выражаетъ не пессимизмъ, а знаменіе времени, историческій моментъ Тэна. Характерныя особенности этого момента прекрасно очерчены нашимъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ К. П. Побѣдоносцевымъ въ его «Московскомъ сборникѣ» (Москва, 1896 г.). Знаменательныя явленія настоящаго историческаго момента заключаются:

а) Въ борьбѣ церковныхъ началъ съ государственными.

Г. Побѣдоносцевъ спасеніе видитъ въ единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и правительствомъ:

б) Въ стремленіи демократіи захватить въ свои руки политическую власть при посредствѣ выборнаго начала, т. е. народнаго представительства и парламентскаго правленія.

в) Въ судѣ присяжныхъ, въ руки которыхъ отдается судьба человѣка, съ образомъ жизни и убѣжденіями котораго они мало знакомы.

г) Въ печати, проникнутой ложью, своекорыстностью, партійностью и продажностью.

д) Въ народномъ просвѣщеніи, котораго большинство народа лишено или къ которому принуждается силою.

е) Въ законѣ, попирающемъ правду и свѣтъ разума

*

ж) Въ разнообразныхъ болѣзняхъ нашего времени, выражающихся во всеобщемъ недовольствѣ противъ судьбы своей, противъ правительства, противъ общественныхъ порядковъ, противъ другихъ людей, противъ всѣхъ и всего, кромѣ себя самихъ.

Всѣ эти особенности современнаго историческаго момента очерчиваетъ также Тэнъ въ своей брошюрѣ «Соціализмъ, какъ правительство», а Гербертъ Спенсеръ въ «Грядущемъ рабствѣ», съ тою только разницею, что г. Побѣдоносцевъ имѣетъ въ виду русскій народъ въ его теперешнихъ условіяхъ, Тэнъ же и Спенсеръ критикуютъ современныя условія западныхъ европейскихъ государствъ.

Основу жизни современнаго общества должно составлять развитіе совѣсти и чувства долга въ человѣкѣ. Въ стѣсненіи этого чувства Спенсеръ видитъ наступленіе соціальнаго рабства, приписываемаго Тэномъ якобинству или соціализму. Первоначально якобинцы ограничивались нападками на королевскую власть, на дворянство, на церковь, на парламентъ, на привилегіи, на церковныя и феодальныя имущества, словомъ, на средневѣковыя учрежденія. Нынѣ они поднимаютъ руку на болѣе старыя и прочныя учрежденія, на положительную религію, на собственность и на семью. По теоріи якобинцевъ, каждый якобинецъ независимъ. Онъ признаетъ своихъ вождей лишь настолько, насколько это ему самому выгодно и полезно. Избирая ихъ по произволу, онъ по произволу же можетъ ихъ мѣнять. Довѣріе его къ нимъ измѣнчивое, преданность временная. Придерживаясь того или другого вождя, якобинецъ руководствуется однимъ своимъ предпочтеніемъ и неизмѣнно сохраняетъ за собой право отречься отъ сегодняшняго своего любимца, точно такъ же, какъ отрекся отъ вчерашняго.

Возставая противъ якобинства, нужно имѣть въ виду, во 1-хъ, что у насъ оно начинаетъ только проявляться, а, во 2-хъ, вредъ его заключается въ навязываніи народу и частнымъ лицамъ нежелательныхъ и недоступныхъ по развитію народа формъ управленія. Авторъ «Московскаго Сборника» не возстаетъ противъ принциповъ якобинства, а на-

противъ говоритъ: «Не лучше ли было бы начать преобразованіе изнутри, просвѣтить сначала духъ народный, углубить въ немъ идею, очистить и обогатить нравственный бытъ его? Тогда идея была бы спасена, и насилія народной жизни не было бы, и грубая форма сама собою перелилась бы въ новую» («Моск. Сбор.» стр. 185). Но и этого недостаточно. Необходимо не только создать условія для облагораживанія формъ, но, пользуясь историческимъ опытомъ, охранить народъ отъ перехода стадіи экономическаго и политическаго развитія, успѣвшихъ обнаружить весь вредъ ихъ господства въ другихъ странахъ. Къ разряду подобныхъ нежелательныхъ формъ нужно отнести развитіе стадіи экономическаго капитализма, т. е. развитія кулачества, а также и грядущаго соціальнаго рабства, противупоставивъ ему условія свободнаго общежитія, въ которомъ, подъ покровомъ сильнаго правительства, чувствующаго свое единство съ народомъ, всѣ формы государственнаго управленія будутъ опираться на лицъ достойныхъ, проникнутыхъ возвышенными чувствами долга и совѣсти, хорошо извѣстныхъ обществу и имѣющихъ съ нимъ коренную связь.

Вотъ три условія, обосновывающія возникновеніе первоначальной нравственности нашего народа и общества. Мною были указаны расовыя особенности и неблагопріятныя условія среды, соотвѣтствующія настоящему историческому моменту, характеризуемому развитіемъ стадіи капитализма и тѣмъ противодѣйствіемъ этому развитію, о которомъ мечтаютъ народники, возлагая надежду на экономическую творческую силу русской крестьянской общины. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я попытаюсь охарактеризовать идею свободнаго общежитія, могущаго переродить и обуздать эгоизмъ и животныя пробужденія расы и тѣмъ помѣшать развитію стадіи капитализма, обязательной, по мнѣнію марксистовъ и многихъ послѣдователей ученія экономическаго матеріализма, для переживанія всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и русскому. Въ чемъ же должно заключаться это противодѣйствіе, требующее энергичнаго содѣйствія просвѣщеннаго правительства и интеллигентныхъ силъ всего русскаго общества?

Какъ уже было сказано, забота о поддержаніи жизни есть господствующее основное начало въ культурной исторіи (В. Гольцевъ «Объ экономическомъ матеріализмѣ». «Русская Мысль» № 4 за 1896 г. стр. 130). Поэтому причину развитія капитализма и всѣ неурядицы въ экономической и сельскохозяйственной жизни нашего общества нужно искать въ психическихъ особенностяхъ нашего поколѣнія.

Интересны въ этомъ отношеніи сужденія Воронежской губернской земской управы, приводимыя И. Кузнецовымъ въ его статьѣ «Земское и городское самоуправленіе» («Сѣверный Вѣстникъ», № 2, за 1896 г.). Управа ищетъ выхода и, быть можетъ, невольно приходитъ къ тому сознанію, что прогрессивное развитіе сельскаго хозяйства, повышеніе общаго экономическаго уровня возможны лишь при условіи дѣятельнаго участія въ дѣлѣ хозяевъ, при наличности инціативы и предпріимчивости, самостоятельнаго, вполнѣ сознательнаго отношенія къ основнымъ задачамъ хозяйства и экономической жизни, а все это, въ свою очередь, зависитъ отъ образованія, отъ распространенія знаній въ массѣ и отъ расширенія потребностей, роста личности въ той же массѣ... Экономическая жизнь въ этомъ отношеніи неумолима, не допускаетъ никакихъ компромиссовъ и ставитъ очень опредѣленную дилемму. Одно изъ двухъ: или прогрессъ въ хозяйствѣ—и тогда побольше знанія, почина, предпріимчивости и самостоятельности, или же полный упадокъ—и тогда господство невѣжества, приниженная личность, забитый работникъ съ узкими потребностями. Итакъ, выясняются мѣры для предотвращенія всеобщаго кризиса: необходимо обязательное школьное воспитаніе и обученіе, необходимо развитіе и ростъ личности, дружное и сознательное отношеніе землевладѣльцевъ къ своимъ задачамъ. Но это только одна сторона вопроса, соотвѣтствующая только одной части задачъ историческаго момента; другая сторона — экономическая. По мнѣнію народниковъ, «русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь

народъ». (Проф. И. И. И аевъ, «О развитіи русскаго народнаго хозяйства», «Сѣв. Вѣстн.», № 1, за 1896 г., стр. 50). Разрѣшеніе этого вопроса народники видятъ въ сохраненіи общиннаго владѣнія и, какъ было уже сказано на первой страницѣ этой главы, находятся въ убѣжденіи, что русская экономическая жизнь можетъ восторжествовать надъ капитализмомъ и кулачествомъ, помимо чьихъ-либо усилій. Профессоръ Исаевъ ясно доказываетъ неосновательность этихъ надеждъ, но все-таки желаетъ утѣшить народниковъ, соглашаясь какъ бы съ ними въ мнѣніи, что русскій народъ и правительство склонны къ удержанію общиннаго владѣнія, между тѣмъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что русская община подкошена уже «Общимъ положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», въ силу котораго всѣ казенные крестьяне, надѣленные по послѣдней люстраціи, пользуются землею въ личную собственность; а надѣленнымъ общимъ положеніемъ въ общинное пользованіе сельскимъ сходамъ предоставлено право выдѣлять крестьянамъ, уплатившимъ въ казну выкупную ссуду, землю изъ общиннаго владѣнія въ частное. Препятствіемъ къ переходу въ частное владѣніе служитъ не привязанность крестьянъ къ общинѣ, а несогласіе крестьянъ прирѣзывать землю, прилегающую къ усадебной землѣ, какъ того требуетъ общее положеніе. Доказательствомъ этого служитъ пріобрѣтеніе земель черезъ посредство крестьянскихъ банковъ непремѣнно въ частную собственность и стремленіе къ переселенію въ Сибирь въ надеждѣ получить надѣлъ въ личное владѣніе. Ясно, что профессоръ Исаевъ только не желаетъ разочаровывать народниковъ въ ихъ надеждѣ на разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ на почвѣ общиннаго владѣнія, оказавшаго однако русскому обществу великую услугу тѣмъ, что оно задержало развитіе капитализма и позволяетъ тѣмъ самымъ перейти русскому обществу, минуя капитализмъ, къ болѣе совершеннымъ формамъ владѣнія, къ которымъ профессоръ справедливо относитъ союзы рабочіе, потребительные, образовательные и промышленные. Сущность вопроса, по моему мнѣнію, сводится, во-первыхъ, къ тому, какъ сохранить нравственное воспита-

тельное значеніе семьи и, во-вторыхъ, приготовить молодое поколѣніе къ переходу къ высшимъ формамъ народнаго хозяйства (артели, ассоціаціи и союзы), обходя стадію капитализма и кулачества. Разрѣшеніе этого вопроса я вижу въ организаціи интеллигентныхъ колоній воспитательно-образовательнаго типа. Уже была сдѣлана масса попытокъ основывать культурныя колоніи, но всѣ эти попытки не имѣли цѣлью созданія новыхъ условій для будущихъ поколѣній. Вмѣсто образовательной цѣли для молодого поколѣнія, колоніи предлагали непривычнымъ къ условіямъ крестьянской жизни людямъ бросать интеллигентное общество, привычки и образъ жизни и принять сѣрую обстановку и тяжелый складъ аскетической жизни. Немудрено, что большинство энтузіастовъ скоро разочаровывалось и оставляло колоніи. Въ этомъ неприспособленіи колоній къ существующимъ условіямъ жизни и въ отсутствіи условій, формирующихъ новое поколѣніе, приспособленное къ новымъ условіямъ жизни будущихъ колонистовъ, я вижу причину неуспѣха всѣхъ бывшихъ по сіе время начинаній. Представимъ себѣ, что, вмѣсто отдѣльныхъ попытокъ устройствъ колоній, извращающихъ привычныя условія жизни, формируется общество, выработавшее себѣ уставъ, утвержденный правительствомъ и, конечно, нашедшій сочувствіе въ этомъ правительствѣ. Въ силу этого устава, каждая интеллигентная семья, желающая сѣсть на землю или посадить на нее своихъ дѣтей, покупаетъ пай на право занятія опредѣленнаго участка земли, безъ стѣсненія привычныхъ формъ, съ цѣлію свободной жизни и предоставленія дѣтямъ наиболѣе благопріятныхъ и раціональныхъ условій воспитанія. Пріобрѣтеніе земли и устройство школъ производится на средства акціонернаго капитала колоніи. Всякій совершеннолѣтній членъ колоніи, по выполненіи обязательствъ, связанныхъ съ воспитаніемъ и обученіемъ, полученнымъ въ колоніи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ родителей, имѣетъ право оставить колонію навсегда или временно по личному своему желанію, но и колонія съ своей стороны должна, по крайней мѣрѣ, молодымъ людямъ, вступившимъ въ бракъ, предоставлять возможность получить земельный участокъ, а холостыхъ устраивать при

одномъ изъ учрежденій колоніи. Если бы не оказалось мѣста въ этой колоніи, то она обязана снабдить желающихъ паемъ на полученіе мѣста въ другихъ, вновь основываемыхъ колоніяхъ, либо на земляхъ, нарочно пріобрѣтаемыхъ съ этой цѣлью. Подобныя колоніи должны управляться черезъ посредство выбранныхъ членовъ управленія, завѣдующихъ всею денежною отчетностью колоніи по тѣмъ производствамъ, которыя ведутся сообща за счетъ акціонерныхъ суммъ колоніи. Каждая колонія или всѣ колоніи вмѣстѣ получаютъ отъ правительства юрисъ-консульта, наблюдающаго за правильностью операцій колоніи и защищающаго интересы колоніи при столкновеніи съ третьими лицами. Юрисъ-консультъ долженъ быть облеченъ правомъ непосредственнаго сношенія съ подлежащими министерствами въ случаяхъ, опредѣленныхъ уставомъ колоніи.

Я мечтала о громадномъ обществѣ, которое бы простирало свою дѣятельность отъ столицъ ко всѣмъ дальнимъ угламъ государства, во главѣ котораго стояли бы лица, могущія защитить отъ произвола захолустья каждаго изъ своихъ членовъ, причемъ и общество должно имѣть такую организацію, чтобы получить возможность наблюдать и отвѣчать за дѣйствіе своихъ членовъ. Необходимо, чтобы члены общества отказались по убѣжденію отъ всякой нелегальной дѣятельности и глубоко прониклись призваніемъ своимъ подготовить молодое поколѣніе и окружающую среду къ новой, трудовой разумной и свободной жизни.

Весьма важно разсмотрѣть этотъ вопросъ съ точки зрѣнія практической осуществимости. Прежде всего, конечно, является вопросъ объ утвержденіи устава: можетъ быть, задачи общества не могутъ быть облечены въ форму, удобную для разрѣшенія со стороны правительства? Но въ этомъ отношеніи не только препятствій, повидимому, не встрѣчается, но можно прямо опереться на уставъ Высочайше утвержденнаго общества поощренія труда, могущій быть осуществленнымъ во всякомъ захолустномъ мѣстѣ. Этотъ замѣчательный по идеѣ проектъ не получилъ гражданственности вслѣдствіе того, что денежныя средства обществъ были вообще ничтожны,

и общества имѣли благотворительную основу. Само собою очевидно, что фондомъ интеллигентныхъ колоній можетъ служить коллективный трудъ, кредитомъ же на устройство производительно-воспитательныхъ колоній должно снабдить государство черезъ посредство дворянскихъ и крестьянскихъ банковъ или черезъ банки, открытые правительствомъ со специальною цѣлью организаціи интеллигентныхъ колоній. Итакъ, въ принципѣ противъ выработки устава интеллигентныхъ воспитательныхъ производительныхъ колоній ничего сказать нельзя; слѣдуетъ обратиться къ вопросу о возможности пріобрѣтенія земли въ достаточномъ количествѣ для подобныхъ колоній. Но въ этомъ отношеніи, кажется, препятствій не можетъ встрѣтится въ наше критическое для сельскаго хозяйства время. Не говоря уже объ обширныхъ государственныхъ земляхъ, масса имѣній можетъ быть пріобрѣтена покупкою отъ земельныхъ банковъ. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ 7190 нумерѣ «Новаго Времени» было объявленіе о продажѣ имѣнія въ 22000 десятинъ земли отъ Воронежскаго Отдѣленія Государственнаго Банка, въ раіонѣ которыхъ находятся три желѣзнодорожныя станціи. Я мечтала о пріобрѣтеніи такихъ имѣній для интеллигентной колоніи и о томъ, какія выгоды могло бы принести осуществленіе моей мечты. Во первыхъ, извѣстно, что крупное землевладѣніе убиваетъ частныя хозяйства и личную предпріимчивость, а потому существованіе такого громаднаго имѣнія не представляетъ особаго интереса для правительства; во вторыхъ, какъ бы ни былъ геніаленъ и трудолюбивъ владѣлецъ такого громаднаго имѣнія, онъ не въ состояніи усмотрѣть ни за лицами, находящимися въ услуженіи, ни за арендаторами и устранить вредно дѣйствующія на населеніе злоупотребленія среди этихъ лицъ и рабочихъ. Раздѣленіе же такихъ имѣній на мелкіе участки въ интеллигентной колоніи придастъ хозяйству иной видъ, воцаривъ въ немъ благодать, и устранитъ плутни. При этомъ и почва будетъ обрабатываться лучше, и продукты, вмѣсто мѣстной продажи сырьемъ, будутъ переработываться въ мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ, такъ что если колонія станетъ довольствовать своими собственными издѣліями, то они окажутся и

дешевыми, и прочными и, слѣдовательно, найдутъ сбытъ въ средѣ своей, а на фабрикахъ и въ заведеніяхъ найдетъ приложеніе своихъ силъ интеллигенція при болѣе благопріятныхъ гигіеническихъ и нравственныхъ условіяхъ. Къ обществу могло бы присоединиться и интеллигентное купечество, которое избавило бы колоніи отъ эксплуатаціи кулаковъ.

Ко всему этому прибавлю, что теперешнюю тяжелую, безотрадную и унылую жизнь въ деревнѣ въ долгіе осенніе и зимніе мѣсяцы скраситъ общество интеллигентныхъ людей, которые сумѣютъ разнообразить деревенскую жизнь разумными развлеченіями; чтеніемъ, обмѣномъ мыслей и другими умственными занятіями. Все сказанное мною о трудности жизни хорошаго человѣка на Руси ясно указываетъ, что у насъ еще не насталъ историческій моментъ, когда требуемыя религіею и воспитаніемъ качества — добродѣтель, умъ, доблесть, честность, справедливость и трудолюбіе — гарантировали бы личности счастливую жизнь.

Заключеніе.

Прочитавъ мою работу, многіе могутъ усмотрѣть въ ней пессимизмъ, такъ ужасны факты, приводимые мною и, конечно, встрѣчавшіеся въ жизни другихъ людей, не менѣе меня возмущавшихся ими. Немного требую я для счастья человѣка: только душевнаго покоя, который можетъ имѣть и бѣдный при иныхъ, благопріятныхъ, условіяхъ. Почести и богатства не дадутъ счастья, если человѣкъ не будетъ обладать душевнымъ покоемъ. Но я не могу понять, какъ возможно быть счастливымъ, быть веселымъ, спокойно ѣсть и спать и не думать о физическихъ и душевныхъ терзаніяхъ ближнихъ. Взгляните хорошенько въ окружающую васъ жизнь! Какъ мало счастья тамъ, гдѣ оно было бы возможно при немного большемъ развитіи. Взгляните съ безпристрастіемъ на эту массу темнаго народа, развѣ можно предоставить этому звѣрю полную свободу его необузданности. Если кто мало знакомъ изъ жизни съ его дикостью, пусть заглянетъ въ историческіе факты, въ судебную хронику и въ литературу, трактующую о его ужасныхъ дѣяніяхъ. Звѣрство массы обуславливается не только неразвитіемъ, но оно врожденное, унаслѣдованное массою отъ предковъ нашихъ. Цивилизація должна оберегать общество, женщину и личность крестьянина отъ звѣря, держать его въ берлогѣ и дать возможность сбросить звѣриную шкуру, замѣнивъ ее человѣческимъ образомъ, заботясь не только о его матеріальномъ благосостояніи, но и о нравственномъ. Можно ли поэтому жалѣть мужика за его бѣдность и въ то же время не имѣть жалости къ находящимся въ полной его власти женѣ и дѣтямъ, которыхъ онъ и при благопріятныхъ условіяхъ будетъ мучить, благодаря природной жестокости, въ чемъ насъ убѣждаетъ жизнь неинтеллигентной купеческой семьи, гдѣ царятъ пьянство, разврать, приносящіе столько страданій женщинѣ, истязаніе и забиваніе женъ, издѣвательство родителей надъ дѣтьми. Найдете ли вы ребенка, во всѣхъ слояхъ общества, не испытавшаго въ своей жизни душевныхъ и физическихъ терзаній и несправед-

ливости, такъ сильно дѣйствующей на дѣтскую душу? Въ низшихъ классахъ общества дѣти незаслуженно подвергаются побоямъ въ сердцахъ, въ высшихъ классахъ общества его мучатъ воспитаніемъ; мало гдѣ я встрѣчала пониманіе дѣтской души и справедливость со стороны родителей и другихъ лицъ, что обусловливается главнымъ образомъ невѣжествомъ. Немного нужно, чтобы внести горести или радости въ этотъ маленькій мірокъ, а между тѣмъ съ такихъ раннихъ лѣтъ человѣкъ испытываетъ много горя, и его больше тамъ, гдѣ меньше развитіе окружающей среды. Когда-нибудь съ развитіемъ массы эти страданія какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ уменьшатся. Каждый изъ насъ долженъ стараться содѣйствовать приближенію этого момента, и нужно во всѣхъ слояхъ общества гарантировать свободу и уваженіе къ женщинѣ, какъ къ матери, въ рукахъ которой находится воспитаніе дѣтей.

Наша всеобщая забота о мужикѣ только увеличиваетъ его самомнѣніе и презрѣніе къ женщинѣ. Развивая женщину, мы развиваемъ націю. Не одна ученость нужна, большинству интеллигентныхъ женщинъ а также и знаніе жизни, которое не пріобрѣтается въ замкнутой школьной обстановкѣ, располагающей ихъ къ фантазіи и безъ того преобладающей въ женской натурѣ. Дайте женщинамъ развитіе, права, свободу и уваженіе, подобающее, какъ матери народа. Осуществленію подобной мечты помогутъ интеллигентныя колоніи, значеніе которыхъ выяснено мною въ предлагаемомъ трудѣ.

МЫСЛИ
О СОВРЕМЕННОМЪ И БУДУЩЕМЪ ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

Глава I.

Развитіе, границы и предѣлы сознанія.

Глава II.

Долгъ семьи, школы и общества организовать обязательное воспитаніе и обученіе.

Глава III.

Участіе семьи въ воспитаніи и развитіи ребенка въ періодъ отъ зарожденія до 7 лѣтъ.

Глава IV.

Вліяніе школы на характеръ, здоровье и умственное развитіе дѣтей.

Глава V.

Участіе общества въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и обученія.

Глава VI.

Вліяніе высшаго образованія на убѣжденія и дѣятельность молодыхъ людей.